ФАНТАСТИКА
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

ФРЕД ХОЙЛ

ЧЕРНОЕ ОБЛАКО

Черное облако
Фред Хойл

Аннотация
Фред Хойл. Черное облако
Предисловие автора
Пролог
Начало
Встреча в Лондоне
В Калифорнии
Различные мероприятия
Нортонстоу
Облако приближается
Прибытие
Перемена к лучшему
Логические рассуждения
Контакт установлен
Водородные ракеты
Известие об отлете
Заключение
Эпилог

Аннотация

Январь 1964 года. В процессе стандартного сканирования неба на горе Паломар в Калифорнии астроном замечает странное черное пятно, закрывающее звезды. Дальнейшее наблюдение за неопознанным объектом приносит неутешительные новости: газообразное скопление неизвестного состава с огромной скоростью движется к Солнцу. Информацию тщательно скрывают от населения, но на уровне руководства международного сообщества идет напряженная работа. Группа ученых из разных стран собирается в английском местечке Нортонстоу, чтобы оценить риски и разработать план спасения планеты от космической угрозы.

Фред Хойл
Черное облако

Fred Hoyle
The black Cloud

© Fred Hoyle, 2019 © Перевод. Н. Нестерова, 2023
© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

* * *

Предисловие автора

Я надеюсь, что мои коллеги-ученые получат удовольствие от этой веселой проделки. Ведь в конечном итоге почти все, описанное здесь, вполне могло произойти в реальности.

Поскольку в романе упомянуты официальные должности, мне хотелось бы особенно подчеркнуть, что персонажи, их занимающие, не имеют никакого отношения к людям, которые в действительности на этих постах находятся.

Существует распространенное мнение, что автор вкладывает в уста героев свою точку зрения. Рискуя прослыть банальным, хочу заметить, что данное утверждение порой оказывается совершенно безосновательным.

Ф. Х.

Пролог

История с Черным Облаком всегда вызывала у меня чрезвычайный интерес. Я коснулся некоторых аспектов этого грандиозного события в своей диссертации, благодаря которой стал членом Королевского колледжа в Кембридже. Позднее ее переработали и, к моему большому удовольствию, опубликовали в качестве одной из глав в книге сэра Генри Клейтона «История Черного Облака».

И поэтому нет ничего удивительного в том, что сэр Джон Макнил, покойный почетный член нашего колледжа и заслуженный врач, завещал мне обширный архив документов, в которых раскрывался его личный опыт взаимодействия с Облаком. Намного больше меня удивило сопроводительное письмо, имевшее следующее содержание:

В Королевский колледж,
19 августа 2020

Мой дорогой Блайт!
Полагаю, Вы простите старика за то,

что он иногда посмеивался себе под нос над Вашими рассуждениями о Черном Облаке. Так случилось, что во время того кризиса у меня появилась возможность узнать об истинной природе Облака. По ряду веских причин эта информация так и не была обнародована и, кажется, осталась неизвестна тем авторам, которые придерживаются официальных версий. Меня сильно мучил вопрос, должны ли мои знания умереть вместе со мной. В результате я решил поделиться своими затруднениями и сомнениями с Вами. Полагаю, многое для Вас прояснится после того, как Вы прочтете мою рукопись, которую я, к слову сказать, написал от третьего лица, чтобы не перетягивать большую часть внимания на свою особу.

Помимо рукописи я оставляю Вам конверт, в котором находится рулон бумажной перфоленты. Умоляю Вас, берегите эту ленту, пока не поймете всю ее значимость.

Искренне Ваш,
Джон Макнил

Начало

Это случилось в восемь часов утра по Гринвичскому меридиану. В Англии 7 января 1964 года зимнее солнце только-только поднималось над горизонтом. Повсюду люди дрожали от холода в своих плохо отапливаемых домах, читая утренние газеты, завтракая и жалуясь на погоду, которая, по правде говоря, в последнее время выдалась просто ужасной.

Гринвичский меридиан протягивается на юг через западную Францию, заснеженные Пиренеи и восточную оконечность Испании. Затем линия проходит через западную часть Балеарских островов, где умные северяне предпочитали проводить зимний отпуск — на пляже Менорки можно было увидеть смеющиеся компании, возвращающиеся после утреннего купания. Затем он проходит через Северную Африку и Сахару.

Нулевой меридиан направляется к экватору через Французский Судан, Ашанти и Золотой Берег, где вдоль реки Вольта возводятся новые алюминиевые заводы. А затем через безбрежный океан — до самой Антарктиды. Здесь тесно

сотрудничают экспедиции из дюжины разных стран.

Все страны к востоку от этой линии до самой Новой Зеландии были обращены к Солнцу. Над Австралией сгущались сумерки. В Сиднее на поле для крикета появились длинные тени. До конца матча между командами Нового Южного Уэльса и Квинсленда оставалось всего несколько подач. На Яве рыбаки готовились к предстоящей ночной работе.

Почти надо всеми просторами Тихого океана, над Америкой и Атлантикой стояла ночь. В Нью-Йорке пробило три часа. Город сиял огнями, а движение оставалось оживленным, несмотря на недавно выпавший снег и холодный северо-западный ветер. И кажется, нигде в тот момент жизнь не бурлила с такой же силой, как в Лос-Анджелесе. Время близилось к полуночи, но по бульварам гуляли толпы людей, по шоссе мчались автомобили, а рестораны были все еще полны посетителей.

В ста двадцати милях к югу, на горе Паломар, астрономы уже вышли в ночную смену. Погода стояла ясная, и звезды сверкали от горизонта до зенита, однако, с точки зрения профессиональных астрономов, условия для работы выдались

неблагоприятными — из-за сильного ветра на большой высоте сохранялась плохая видимость. Поэтому все без сожаления оставили свои приборы ради полуночного перекуса. Еще в начале вечера, когда перспективы ночной работы казались весьма сомнительными, они договорились встретиться под куполом у 48-дюймового Шмидта.

Пол Роджерс преодолел расстояние примерно в четыреста ярдов от своего 200-дюймового телескопа до Шмидта и увидел, что Берт Эмерсон уже наворачивает суп из тарелки. А ночные ассистенты Энди и Джим разогревают еду на плите.

— Вы извините, что я завожу этот разговор, — сказал Эмерсон, — но, похоже, сегодня поработать не удастся.

Эмерсон занимался специальными наблюдениями, требовавшими прекрасных погодных условий.

— А вы везунчик, Берт. Кажется, опять закончите работу пораньше.

— Я еще подожду часик-другой. Если ничего не изменится, лягу спать.

— Суп, хлеб с джемом, сардины и кофе, — сказал Энди. — Что будете?

— Тарелку супа и кружку кофе. И спасибо, —

ответил Роджерс.

— А вы что собираетесь делать на своем 200-дюймовом? Подключите вечно трясущуюся камеру?

— Да, сегодня, думаю, у меня все получится. Хочу сделать несколько снимков.

Их беседа прервалась с появлением Кнута Йенсена, который пришел от 18-дюймового Шмидта, находившегося в отдалении от них.

— Здравствуйте, Кнут, — поприветствовал его Эмерсон, — есть суп, хлеб с джемом и сардины, а Энди приготовит кофе.

— Если не возражаете, я начну с супа и сардин.

Молодой норвежец, любивший устраивать разные розыгрыши, взял тарелку с томатным супом-пюре и бросил туда с полдюжины сардин. Остальные в изумлении уставились на него.

— Надо же как проголодался, — заметил Джим.

Кнут с удивлением оторвал взгляд от своей тарелки.

— Вы не едите так сардины? Ха, в таком случае вы вообще не знаете, как их надо есть! Попробуйте, вам понравится! — А затем, чтобы добиться еще большего комического эффекта, добавил: — Кстати, пока я сюда шел, мне показалось, что здесь пахнет скунсом.

— Или той бурдой, которую вы собрались есть, — заметил Роджерс.

Когда смех стих, Джим спросил:

— Слыхали про скунса, который забрел к нам пару недель назад? Он устроил газовую атаку рядом с воздухосборником 200-дюймового телескопа. И прежде чем его отключили, тут все насквозь провоняло. А в это время под куполом находилось чуть ли не двести посетителей.

— Нам повезло, что мы не берем денег за входные билеты, — усмехнулся Эмерсон, — иначе разорились бы им все это компенсировать.

— А вот тем, кто занимается чисткой одежды, повезло намного меньше, — добавил Роджерс.

По дороге к 18-дюймовому Шмидту Йенсен остановился и прислушался к шуму ветра в деревьях, произраставших на северных склонах гор. Они напоминали его родные холмы, и это вызывало у него неумолимую тоску по дому, желание снова оказаться с семьей, с Гретой. В свои двадцать четыре года Йенсен приехал в Соединенные Штаты для обучения в аспирантуре.

Он пошел дальше к своему телескопу, пытаясь убедить себя, что все эти чувства просто смешны. С рациональной точки зрения у него не было никаких причин для упаднических настроений.

Все относились к нему по-доброму, ему поручили работу, идеально подходившую для новичка.

Астрономия благосклонна к тем, кто только начинает свой путь в этой науке. Даже не имея значительного опыта, здесь можно добиться важных результатов в различных направлениях деятельности. Йенсен как раз относился к этой категории. Он занимался поиском новых звезд, которые взрывались с невероятной силой. В течение следующего года он имел все основания надеяться, что одну или даже две такие звезды ему удастся найти. Предугадать, когда именно произойдет вспышка новой, невозможно, как нельзя сказать, в каком месте на небе взорвется звезда, поэтому ему приходилось ночь за ночью, месяц за месяцем фотографировать все небо. Однажды ему повезет. Если же он отыщет новую не слишком далеко в глубинах космоса, тогда за дело возьмутся более опытные руки. Вместо 18-дюймового Шмидта изучать поразительные секреты этих странных звезд начнет уже огромный 200-дюймовый телескоп. Но в любом случае первооткрывателем будут считать именно Йенсена. К тому же тот опыт, который он получит в самой знаменитой обсерватории мира, пригодится ему после возвращения домой — у него

будут все шансы найти хорошую работу. Тогда они с Гретой смогут пожениться. Так из-за чего же переживать? Он отругал себя за то, что так глупо разволновался из-за шума деревьев на склоне горы.

К тому времени Йенсен уже добрался до павильона, где стоял его маленький 18-дюймовый Шмидт. Войдя внутрь, первым делом заглянул в записную книжку, чтобы выяснить, какой участок неба придется фотографировать дальше. Затем направил телескоп в нужную сторону — немного южнее созвездия Ориона. Эту область можно было увидеть только в середине зимы. Далее следовало настроить выдержку. После этого оставалось только сидеть в темноте, ждать и думать обо всем, что придет в голову, пока звонок будильника не возвестит о завершении съемки.

До рассвета Йенсен делал один снимок за другим. Но после этого его работа не заканчивалась. Ему еще предстояло проявить фотопластинки, которые накопились за ночь. Здесь требовалась особая внимательность. Из-за малейшей ошибки многочасовой труд мог пойти насмарку.

Как правило, он не сразу приступал к этому завершающему и наиболее трудоемкому этапу. Обычно он уходил в общежитие, спал часов пять

или шесть, в полдень завтракал и лишь после этого начинал заниматься проявкой. Его нынешний этап работы подходил к концу. Теперь по вечерам всходила луна, а значит, придется прекратить наблюдения на две недели. Невозможно заниматься поисками новой звезды в ту половину месяца, когда в ночном небе светит луна — она сияла так ярко, что чувствительные пластины, которыми он пользовался, оказались бы безнадежно засвечены.

Поэтому в тот день Йенсен собирался вернуться в администрацию обсерватории, находившуюся в 125 милях от них, в Пасадине. Служебный транспорт в Пасадину уезжал в половине двенадцатого дня, до этого времени нужно было проявить все снимки. Йенсен решил, что лучше сразу заняться этим делом. Потом он поспит четыре часа, быстро позавтракает и будет готов к поездке в город.

Все получилось именно так, как он и планировал, и в тот день в специальном транспорте обсерватории, направлявшемся на север, ехал сильно уставший молодой человек. Всего в салоне их оказалось трое: шофер, Роджерс и Йенсен. Эмерсону оставалось отработать еще две ночи. Друзья Йенсена в ветреной заснеженной Нор-

вегии сильно удивились бы, узнав, что он спал в машине, пока та летит через бесконечные заросли апельсиновых деревьев.

На следующее утро Йенсен встал поздно и явился в администрацию обсерватории только к одиннадцати часам. В течение следующей недели ему предстояло изучить снимки, которые он сделал за прошедшие полмесяца. В частности, он должен был сравнить последние фотографии с теми, которые сделал в прошлом месяце. И таким образом следовало рассмотреть по отдельности все участки неба.

Поэтому ближе к полудню 8 января 1964 года Йенсен спустился в подвал здания обсерватории и принялся настраивать прибор, который называли «мигун». Само это прозвище говорило о том, что устройство позволяло Йенсену сначала посмотреть на один снимок, затем — на другой, после чего снова вернуться к первому, и проделать все это достаточно быстро. В результате все звезды, которые значительным образом изменились за промежуток времени между двумя снимками, выделятся как осциллирующие, или «мигающие», световые пятна, в то время как большинство других, неизменившихся звезд останутся как бы неподвижными. Такой метод

позволял относительно легко выделить из десятка тысяч звезд ту единственную, с которой произошли изменения, избавляя от необходимости проводить колоссальную работу по изучению каждой звезды в отдельности.

Подготовка снимков к использованию в «мигуне» требовала большой тщательности. Снимать требовалось не только на одном и том же фотоаппарате, но и в одинаковых условиях. Приходилось устанавливать одну и ту же выдержку и, по возможности, проявлять одним и тем же методом, насколько это было по силам астроному-наблюдателю. Поэтому Йенсен старался быть особенно аккуратным при установке выдержки и проявлении снимков.

Сложность заключалась в том, что перемены происходили не только со взрывающимися звездами. Хотя большинство звезд не менялись вовсе, существовало несколько разновидностей осциллирующих звезд, которые «мигали» как раз подобным образом. Поэтому все такие звезды требовалось проверить и впоследствии исключить из поиска. Йенсен приблизительно подсчитал, что ему, возможно, придется изучить и исключить около десятка тысяч обычных осциллирующих звезд прежде, чем он отыщет

новую. В большинстве случаев он отвергал такую «мигающую» звезду после быстрого изучения, но некоторые случаи вызывали сомнения. И тогда Йенсен обращался к каталогу звезд, а для этого ему нужно было определить расположение каждой интересующей его звезды. Таким образом, ему предстояло много утомительной работы, чтобы разобраться со всеми снимками.

К 14 января Йенсен уже почти закончил всю пачку и вечером принял решение вернуться в обсерваторию. День он провел в Калифорнийском технологическом институте, где проводили интересный семинар на тему спиральных рукавов галактик. После семинара развернулась настоящая дискуссия. Они с друзьями продолжили спорить во время обеда и на обратном пути в обсерваторию. Йенсен собирался закончить с последней стопкой фотографий, которые он сделал 7 января.

Он завершил изучение первого снимка. С ним пришлось немного повозиться. Но в итоге все «возможные варианты» оказались самыми обычными, давно известными науке осциллирующими звездами. Йенсену не терпелось поскорее закончить эту работу. Куда интереснее сидеть за телескопом на горе, чем ломать себе зрение из-за

этого чертова прибора. Так думал Йенсен, склоняясь к окуляру. Он нажал на переключатель, и перед ним появилась вторая пара снимков. Уже через мгновение Йенсен неловкими пальцами вытащил фотопластины. Посмотрел на свет, долгое время изучал, затем снова вставил в «мигуна» и включил устройство. На усыпанном звездами небе ясно виднелась темная заплата, по форме напоминавшая почти идеальный круг. Но больше всего его поразило кольцо из звезд, окружавшее эту заплату. Они осциллировали, мигали, причем все разом. Но почему? Йенсену не приходило в голову ни одного ответа, который мог бы удовлетворить его, поскольку он никогда еще не слышал ни о чем подобном.

Йенсен понял, что просто не может больше продолжать работу. Слишком взбудоражило его это открытие. Он чувствовал, что должен с кем-нибудь об этом поговорить. Разумеется, самым очевидным кандидатом стал доктор Марлоу — один из старших сотрудников обсерватории. Большинство астрономов специализируются на определенном узконаправленном виде деятельности. У Марлоу также была своя специализация, однако он, помимо всего прочего, обладал обширными знаниями в самых разных

областях. Возможно, благодаря этому он реже других совершал ошибки. Об астрономии Марлоу готов был говорить в любое время дня и ночи и общался с большим энтузиазмом со всеми: и с выдающимися учеными вроде него самого, и с молодыми людьми, только начинающими свою карьеру в науке. Поэтому вполне естественно, что у Йенсена возникло желание рассказать Марлоу о своей любопытной находке.

Он осторожно убрал в коробку две пластины, которые собирался показать, выключил электрооборудование, погасил свет в подвале и отправился к доске объявлений, которая висела у входа в библиотеку. Далее нужно было проверить список наблюдений. К своей радости, он выяснил, что Марлоу не уехал ни в Паломарскую обсерваторию, ни в Маунт-Вилсон. Разумеется, вечером дома его могло не оказаться, но Йенсену улыбнулась удача, и Марлоу ответил на его телефонный звонок. Когда Йенсен объяснил, что хочет поговорить об одном странном явлении, Марлоу ответил:

— Кнут, приезжайте ко мне. Я вас жду. Нет, все в порядке. Вы мне не помешаете.

После этого Йенсен позвонил и вызвал такси, и это говорило о том, в каком он в тот момент

находился состоянии. Студенты с годовым жалованьем в две тысячи долларов обычно на такси не ездили. Особенно это касалось Йенсена. Он очень экономил, чтобы иметь возможность поездить по разным обсерваториям в Соединенных Штатах перед тем, как вернуться в Норвегию. К тому же ему нужно было купить подарки. Но в тот момент он даже не подумал о деньгах. Йенсен поехал в Алтадину, сжимая в руках коробку со снимками и размышляя о том, что, возможно, выставит себя круглым дураком. Не совершил ли он глупой ошибки?

Марлоу ждал его.

— Входите скорее, — сказал он. — Что-нибудь выпьете? В Норвегии предпочитают крепкие напитки, верно?

Кнут улыбнулся.

— Не настолько уж и крепкие, как вы думаете, доктор Марлоу.

Марлоу жестом указал Йенсену на мягкое кресло у камина (так любимого многими, кто живет в домах с центральным отоплением), а сам уселся в другое, предварительно согнав с него большого кота.

— Вы удачно мне позвонили, Кнут. Жена сегодня вечером в отъезде, и я не знал, чем себя

занять.

Затем он сразу перешел к теме — деликатность и дипломатичность не были свойственны этому человеку.

— Так что там у вас? — Он кивнул на желтую коробку, которую привез Йенсен.

Кнут робко достал первый из двух снимков, который сделал 9 декабря 1963 года и молча протянул ее доктору. Реакция последнего пришлась ему по душе.

— Бог мой! — воскликнул Марлоу. — Как я понимаю, это снято на 18-дюймовом? Да, я вижу, вы сделали пометку в углу снимка.

— Как думаете, здесь нет никаких дефектов?

— Я пока ничего не замечаю. — Марлоу вытащил из кармана лупу и внимательно просмотрел снимок. — Все просто идеально. Совершенно чистый снимок.

— Тогда скажите, доктор Марлоу, что вас так удивило?

— Вы действительно это хотели мне показать?

— Не совсем. Меня этот снимок удивил в сравнении с другим, который я сделал месяц спустя.

— Но даже этот, первый, в своем роде уникален, — сказал Марлоу. — Только подумать, он целый месяц пролежал у вас в тумбочке! Жаль,

что вы не показали мне его сразу. Но, разумеется, вы просто не знали.

— Не понимаю, чем вас так сильно удивил этот снимок?

— Видите темное, круглое пятно? Очевидно, что это темное облако заслоняет свет звезд, которые находятся за ним. Подобные глобулы не редкость для Млечного Пути, но обычно они совсем крошечные. Боже, вы только взгляните! Оно же огромное, почти два с половиной градуса в диаметре!

— Но, доктор Марлоу, есть много облаков больше этого, особенно в созвездии Стрельца.

— Если вы посмотрите внимательно на эти так называемые большие облака, то поймете, что они состоят из множества маленьких. Однако эта штуковина, судя по всему, только лишь одно облако сферической формы. Не понимаю, как я мог пропустить нечто настолько значительное?

Марлоу снова проверил отметки на фото.

— Ну да, оно находится на юге, а нас не слишком интересует зимнее небо. И все равно не понимаю, как я мог пропустить его, когда изучал Трапецию Ориона. Это было всего три или четыре года назад, и я точно не забыл бы чего-то подобного.

Йенсена сильно удивило, что Марлоу не смог

распознать облако — а без сомнения, именно это и произошло. Но Марлоу знал небо и все странные объекты, которые можно было обнаружить на нем, так же хорошо, как улицы и бульвары Пасадины.

Марлоу подошел к серванту, чтобы налить им еще выпить. Когда он вернулся, Йенсен сказал:

— Меня озадачил второй снимок.

Марлоу взглянул на него, а секунд через десять снова посмотрел на первый снимок. Его опытному глазу не требовалась помощь «мигуна», чтобы разглядеть кольцо звезд, окружавшее облако на первом снимке, в то время как на втором оно почти полностью исчезло. Он долго задумчиво изучал оба снимка.

— Не произошло ли чего-нибудь необычного в тот момент, когда вы делали эти снимки?

— Насколько я помню, нет.

— Разумеется, на первый взгляд, с ними все в полном порядке, но ни в чем нельзя быть уверенным.

Марлоу вдруг осекся и встал. Когда он волновался или был взбудоражен, то всегда выпускал огромное облако пахнувшего анисом табачного дыма — он курил южноафриканский сорт табака. Именно это и произошло в следующий момент.

Йенсен даже удивился, как у него не загорелась от этого трубка.

— Возможно, произошло нечто безумное. Сейчас лучше всего сделать еще один снимок. Интересно, кто сегодня дежурит на горе?

— Вы про какую обсерваторию? Паломарскую или Маунт-Вилсон?

— Маунт-Вилсон. Паломарская слишком далеко.

— Что ж, насколько я помню, один из внештатных астрономов использует 100-дюймовый телескоп. Кажется, на 60-дюймовом работает Харви Смит.

— Послушайте, думаю, будет лучше мне самому туда поехать. Харви не станет возражать, если я ненадолго займу его место. Разумеется, я не смогу снять всю туманность целиком, но некоторые звездные поля по ее краям обязательно удастся зафиксировать. Вам известны точные координаты?

— Нет. Я позвонил сразу, как только загрузил пластины в «мигуна» и не успел провести замеры.

— Ничего страшного. Сделаю все по пути. Но нет никакой необходимости лишать вас сна, Кнут. Хотите, я подброшу вас домой? А для Мэри

оставлю записку, что не вернусь до завтра.

Йенсен был необычайно воодушевлен, когда Марлоу подвез его до дома, где он снимал жилье. Перед тем, как лечь спать, он написал домой родителям и вкратце рассказал о своем открытии, после чего написал еще одно письмо — Грете и сообщил, что, кажется, совершил поразительное открытие.

Марлоу поехал в администрацию обсерватории. Первым делом он позвонил в Маунт-Вилсон и поговорил с Харви Смитом. Услышав голос Смита с мягким южным акцентом, Марлоу представился:

— Это Джефф Марлоу. Послушайте, Харви, судя во всему, произошло кое-что странное. Настолько странное, что я хотел бы узнать, не одолжите ли вы мне свой 60-дюймовый на ночь? Что вы говорите? Я не знаю, что это. Но именно это я и намереваюсь выяснить. Это связано с работой молодого Йенсена. Приезжайте сюда завтра часам к десяти, и я расскажу все подробнее. Если вам станет скучно, с меня бутылка виски. Договорились? Отлично! Передайте ночному ассистенту, что я приеду к часу ночи, хорошо?

После этого Марлоу позвонил Биллу Барнетту из Калифорнийского технологического универ-

ситета.

— Билл, это Джефф Марлоу, я звоню из офиса. Хочу сказать, что завтра в шесть утра здесь будет важная встреча. Буду рад, если вы приедете и захватите с собой нескольких теоретиков. Даже не обязательно астрономов. Найдите смышленых ребят… Нет, сейчас я ничего не могу объяснить. Но завтра уже буду знать больше. Сегодня собираюсь поработать на 60-дюймовом. И вот что я вам скажу, если завтра к ланчу вы еще будете думать, что я втянул вас в какую-то сумасбродную затею… то с меня ящик виски… Отлично!

Весело напевая под нос, Марлоу быстро спустился в подвал, где Йенсен работал в начале вечера. Там он провел около четверти часа, делая замеры на снимках Йенсена. Когда же Марлоу удовлетворился своими расчетами, поняв куда стоит направить телескоп, он вышел на улицу, сел в машину и отправился в Маунт-Вилсон.

Директор обсерватории доктор Геррик очень удивился, когда на следующее утро пришел к себе в офис к семи тридцати утра и застал там Марлоу. Директор привык являться на работу на пару часов раньше остальных сотрудников, чтобы «немного поработать», как он любил говорить. С другой стороны, Марлоу обычно не появлялся

раньше десяти тридцати, а иногда приходил и позже. Но в тот день Марлоу сидел за своим столом и тщательно изучал стопку дюжины отпечатанных фотоснимков. Когда же Геррик услышал то, что хотел сказать ему Марлоу, это удивило его еще сильнее. Следующие полтора часа они провели за оживленным разговором. Около девяти ненадолго отлучились, чтобы быстро позавтракать, и успели вернуться, чтобы подготовиться к встрече, которая должна была пройти в библиотеке в десять.

Когда приехал Билл Барнетт в компании еще пятерых человек, он обнаружил, что в библиотеке уже собралось с дюжину сотрудников обсерватории, включая Йенсена, Роджерса, Эмерсона и Гарри Смита. Там уже установили доску, повесили экран и подготовили проектор для демонстрации диапозитивов. Среди своего сопровождения Барнетту пришлось представлять только Дэйва Уайчарта. Марлоу не раз слышал о выдающихся способностях этого двадцатисемилетнего физика и мысленно похвалил Барнетта за то, что он смог привести этого способного молодого человека.

— Я думаю, будет лучше, — начал Марлоу, — если я построю свои объяснения в хронологической

последовательности. И начну со снимков, которые вчера вечером привез ко мне домой Кнут Йенсен. Когда я покажу их вам, вы поймете, ради чего была организована эта экстренная встреча.

Эмерсон вставил в проектор слайд, который Марлоу изготовил из первого снимка Йенсена, сделанного ночью 9 декабря 1963 года.

— Прямое восхождение центра этого темного пузыря, — продолжал Марлоу, — 5 часов 49 минут, склонение составляет 30 градусов и 16 минут. По крайней мере, насколько я могу судить.

— Отличный пример глобулы Бока, — заметил Барнетт.

— Насколько она большая?

— Примерно два с половиной градуса в диаметре.

Некоторые астрономы ахнули от удивления.

— Джефф, можете оставить бутылку виски себе, — сказал Гарри Смит.

— И ящик, который вы мне обещали, также, — добавил Билл Барнетт посреди всеобщего смеха.

— Думаю, вам еще может понадобится виски, когда вы увидите следующий снимок. Берт, прокрутите туда и обратно первый и второй слайды, чтобы мы могли их сравнить, — продолжал Марлоу.

— Фантастика! — воскликнул Роджерс. — Такое ощущение, будто облако окружает кольцо осциллирующих звезд. Но разве такое возможно?

— Невозможно, — ответил Марлоу. — Это я сразу понял. Даже если мы примем во внимание совершенно немыслимую гипотезу о том, что облако окружено ореолом из переменных звезд, они в любом случае не могут осциллировать синхронно: одновременно вспыхивать на первом снимке и гаснуть на втором.

— Нет, это противоречит всякому здравому смыслу, — вмешался Барнетт. — Если мы поверим в то, что у снимков нет никаких дефектов, значит, существует лишь одно возможное объяснение. Облако движется в нашу сторону. На втором слайде оно ближе к нам и поэтому заслоняет собой далекие звезды. С каким интервалом были сделаны эти два снимка?

— Меньше месяца.

— В таком случае с фотографиями точно что-то не так.

— Вчера вечером я примерно так и рассуждал. Но я не смог найти никаких изъянов на фотографиях, поэтому самым очевидным решением было сделать новые снимки. Если за месяц, прошедший между первым и вторым снимками

Йенсена, произошли такие серьезные изменения, значит, и через неделю эффект должен быть заметен. Свой последний снимок Йенсен сделал 7 января. Вчера было 14-е. Поэтому я поспешил в обсерваторию Маунт-Вилсон, прогнал Харви от его 60-дюймового телескопа и всю ночь фотографировал очертания облака. Теперь у меня целая пачка новых снимков. Сделаны они, конечно, не в том же масштабе, что у Йенсена, но вы все равно хорошо сможете рассмотреть происходящее. Берт, покажите их все по очереди, а потом вернитесь к снимку Йенсена, сделанному седьмого января.

На следующие четверть часа воцарилась гробовая тишина, все присутствовавшие на встрече астрономы осторожно сравнивали звездные поля по краям облака. Под конец Берт сказал:

— Сдаюсь. Насколько я могу судить, теперь уже не остается и тени сомнений в том, что облако движется в нашу сторону.

Было ясно, что он выразил точку зрения всех собравшихся. Звезды по краям облака постепенно меркли по мере того, как оно приближалось к Солнечной системе.

— В самом деле, здесь нет никаких сомнений, — продолжил Марлоу. — Когда сегодня утром

я обсуждал это с доктором Герриком, он вспомнил, что у нас есть фотография той же части неба, снятая двадцать лет назад.

Геррик показал фотографию.

— У нас не было времени сделать из нее слайд, — уточнил он, — поэтому придется передавать ее из рук в руки. Вы можете увидеть на ней темное облако, но оно совсем маленькое, как крошечная глобула. Я отметил ее стрелкой.

Он передал снимок Эмерсону, который затем отдал его Харви Смиту и сказал:

— Действительно, за эти двадцать лет оно невероятно выросло в размерах. Даже страшно представить, что может случиться еще через двадцать лет. Похоже, оно может заслонить собой все созвездие Ориона. И совсем скоро астрономы останутся без работы.

В этот момент слово в первый раз взял Дэйв Уайчарт:

— Мне хотелось бы задать два вопроса. Первый касается расположения облака. Насколько я понял из того, что вы сказали, облако увеличивается в размерах, поскольку оно приближается к нам. Это понятно. Но мне хотелось бы узнать следующее: остается ли центр облака в том же самом положении или же он смещается в какую-либо

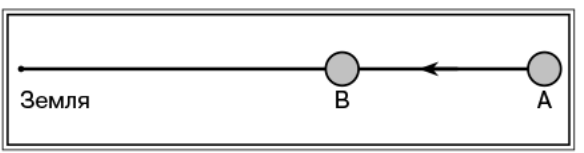
сторону относительно звезд?

— Очень хороший вопрос. Судя по всему, за последние двадцать лет центр облака не менял своего положения по отношению к звездным полям, — ответил Геррик.

— В таком случае это означает, что облако направляется точно к Солнечной системе.

В сравнении с обычными людьми Уайчарт обладал чрезвычайно острым умом, и когда он понял, что не всем удалось осознать сделанный им вывод, он подошел к доске.

— Я сейчас нарисую схему, чтобы вам стало яснее. Вот это Земля. Давайте для начала предположим, что облако движется в нашу сторону вот так, из точки А в точку В.



Затем в точке В облако уже выглядит больше, но его центр находится точно там же. И это полностью соответствует данным, полученным в результате наблюдений.

Послышался одобрительный ропот, и Уайчарт

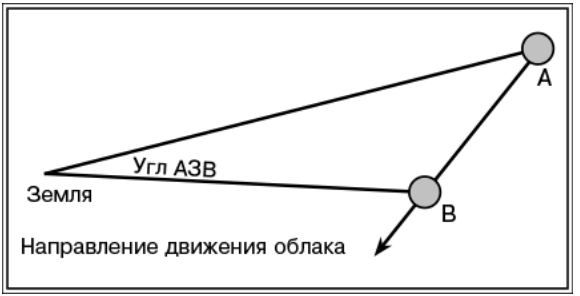
продолжил:

— Теперь давайте предположим, что облако движется не совсем к нам, а немного в сторону, и будем считать, что скорость движения в обоих случаях одинаковая. Тогда облако будет выглядеть следующим образом. Если вы рассмотрите его перемещение из точки А в точку В, вы увидите два любопытных эффекта: облако в точке В будет казаться больше, чем в точке А, как и в предыдущем случае, но теперь его центр переместится. И он окажется под углом АЗВ (где З — Земля), который составит примерно тридцать градусов.

— Если центр и сместился, то не больше чем на четверть градуса, — заметил Марлоу.

— В таком случае его угловое отклонение составляет не больше одного процента от направления к нам. Складывается впечатление, что облако летит к Солнечной системе словно пуля, выпущенная по мишени.

— Значит, по-вашему, Дэйв, велик шанс, что облако достигнет Солнечной системы или пройдет в непосредственной близости от нее?



— Если основываться на полученных фактах, я бы сказал, что облако должно попасть точно в яблочко, прямо в середину мишени. Не забывайте, его диаметр уже составляет два с половиной градуса. Поперечная скорость должна составлять где-то около десяти процентов от скорости радиальной, только в таком случае облако пролетит мимо нас. А это значит, что угловой сдвиг центра должен быть значительно больше того, о котором сказал нам доктор Марлоу. И у меня еще один вопрос. Почему облако не заметили раньше? Я не хочу показаться грубым, но очень странно, что никто не обратил на него внимания, скажем, лет десять назад.

— Разумеется, это было первое, что пришло мне на ум, — ответил Марлоу. — Меня это настолько потрясло, что я сначала не поверил в подлин-

ность снимков Йенсена. Но затем мне стали понятны причины. Если бы в небе вспыхнула яркая новая или сверхновая звезда, ее бы тут же заметили тысячи обычных людей, не говоря уж об астрономах. Но здесь речь идет не о ярком, а о темном объекте, его не так просто разглядеть — темному пятну легко затеряться на небе. Разумеется, если бы облако заслонило какую-нибудь действительно яркую звезду, это сразу бы привлекло внимание. Исчезновение яркой звезды не так легко отследить, как появление новой, однако множество астрономов, как профессионалов, так и любителей, все равно заметили бы это. Но так оказалось, что все звезды, окружающие облако, видны исключительно в телескоп, это звезды не выше восьмой звездной величины. И это первая причина нашего промаха. К тому же вы знаете, что ради хорошей видимости мы предпочитаем работать с объектами, находящимися практически в зените, тогда как облако висит низко над горизонтом. А мы, как правило, избегаем этой части неба, если только на ней не обнаружится какой-нибудь интересный материал. В данном случае, и это стало второй причиной нашей неудачи, ничего подобного не произошло (если не считать появления облака). Для обсер-

ваторий, расположенных в Южном полушарии, облако находится высоко в небе, это так. Однако обсерваториям Южного полушария сложно было заметить его из-за того, что персонала там немного, а им приходится решать важные проблемы, связанные с Магеллановыми Облаками и ядром галактики. Рано или поздно облако должно было привлечь к себе внимание. Но случилось это поздно, хотя его могли разглядеть и раньше. Пока это все, что я могу сказать.

— Сейчас уже не время переживать об этом, — сказал директор. — Наша следующая задача — определить скорость, с которой облако к нам приближается. У нас с Марлоу был долгий разговор на эту тему, и мы считаем, что это возможно. На снимках, которые Марлоу сделал ночью, видно, что облако частично закрывает звезды, которые находятся у него по краям. Их спектры покажут нам области поглощения, возникшие под воздействием облака, а доплеровский сдвиг поможет рассчитать скорость.

— После этого у нас появится возможность вычислить, через какое время облако доберется до нас, — поддержал Барнетт. — Честно говоря, мне это совсем не нравится. Судя по тому, как сильно увеличился угловой диаметр облака за

последние двадцать лет, оно может накрыть нас через пятьдесят или шестьдесят лет. Как думаете, сколько нам потребуется времени, чтобы определить доплеровский сдвиг?

— Примерно неделя. Это несложная работа.

— Извините, но я всего этого не понимаю, — вмешался Уайчарт. — Зачем вам нужна скорость облака? Вы можете прямо сейчас выяснить, когда облако доберется до вас. Давайте я попробую. По моим предположениям, на это потребуется гораздо меньше пятидесяти лет.

Уайчарт во второй раз встал со своего места, подошел к доске и стер предыдущие рисунки.

— Покажете еще раз слайды Йенсена?

Когда Эмерсон вывел их на экран: сначала первый, а затем и второй, Уайчарт спросил:

— Вы можете приблизительно определить, на сколько выросло в размерах облако на втором слайде?

— Я бы сказал, что оно стало процентов на пять больше. Данные могут колебаться, но примерно в этом диапазоне, — ответил Марлоу.

— Верно, — продолжил Уайчарт, — давайте для начала определимся с основными обозначениями.

После довольно долгих расчетов Уайчарт объ-

явил:

— Итак, вы видите, что черное облако окажется здесь к августу 1965 года или, может быть, раньше, если текущие прогнозы будут впоследствии скорректированы.

Затем он отошел от доски и еще раз проверил свои математические выкладки.

— Выглядит действительно правдоподобно, я бы даже сказал, что это очевидно, — заметил Марлоу, выпуская из трубки большие клубы дыма.

Более подробно выкладки Уайчарта на доске выглядели следующим образом:

α — текущий угловой диаметр облака, измеренный в радианах,

d — линейный диаметр облака,

D — расстояние между облаком и нами,

T — время, которое требуется облаку, чтобы достичь Солнечной системы.

Для начала очевидно, что α = d/D.

Производная функция по отношению ко времени будет $d\alpha/dt = -d/D^2 dD/dt$.

Но $V = {}^{-} dD/dt$, поэтому мы можем написать, что $d\alpha/dt = d/D^2 V$.

Все получается даже проще, чем я думал. И ответ уже готов: D/V = T; $d\alpha/dt = d/DT$; T = α $dt/d\alpha$.

И последний шаг: аппроксимируем $dt/d\alpha$ конечными интервалами, $\Delta t/\Delta\alpha$, где $\Delta t = 1$ месяц, то есть равно тому времени, которое прошло между двумя снимками, сделанными доктором Йенсеном. И, судя по расчетам доктора Марлоу, $\Delta\alpha$ составляет примерно 5 процентов от α, то есть $\alpha/\Delta\alpha = 20$.

Таким образом, $T = 20\,\Delta t = 20$ месяцев.

— Да, расчет абсолютно верен, — ответил Уайчарт.

После того как Уайчарт завершил свои поразительные вычисления, директор счел благоразумным предупредить всех, чтобы они держали в тайне их встречу. Независимо от того, был ли Уайчарт прав или заблуждался, они не могли обсуждать это за пределами обсерватории, даже со своими домашними. Одной искры информации могло оказаться достаточно, чтобы она распространилась со скоростью лесного пожара и оказалась на следующий день во всех газетах. Газетные репортеры никогда не давали директору повода составить о себе высокое мнение, в особенности это касалось такого качества, как научная точность.

С полудня до двух часов дня он сидел у себя в кабинете, пытаясь разобраться с той сложной

ситуацией, с которой ему пришлось столкнуться. Геррику совершенно не хотелось сообщать обо всем общественности или предпринимать какие-либо шаги на основе полученных результатов, пока эти результаты не пройдут самую тщательную и доскональную проверку. Но имел ли он право хранить молчание еще полмесяца или даже больше? На исследование всех фактов по этому делу уйдет не меньше двух, а то и трех недель. Мог ли он располагать этим временем? Геррик уже, наверное, в десятый раз изучил расчеты Уайчарта. И не увидел в них никаких изъянов.

Наконец он позвонил секретарю:

— Пожалуйста, свяжитесь с Калифорнийским университетом и попросите их купить мне билет на ночной рейс в Вашингтон. На тот, который вылетает около девяти вечера. А потом соедините меня с доктором Фергюсоном.

Джеймс Фергюсон был значительной фигурой в Национальном научном фонде и контролировал всю деятельность этого фонда в области физики, астрономии и математики. Когда днем ранее ему позвонил Геррик, его это сильно удивило. Обычно Геррик никогда не назначал встречу всего лишь за один день.

— Представить себе не могу, что заставило Геррика примчаться в Вашингтон, — сказал Фергюсон за завтраком жене. — Но он был очень настойчив! И так взволнован, что я согласился даже встретить его в аэропорту.

— Разгадывать загадки бывает полезно для здоровья, — заметила его жена. — Скоро все узнаешь.

По дороге из аэропорта в город Геррик вел пустую светскую беседу и перешел к делу, только когда они оказались в кабинете Фергюсона.

— Полагаю, здесь нас никто не услышит?

— Господи, вы это серьезно? Подождите минуточку.

Фергюсон снял трубку телефона и сказал:

— Эми, пожалуйста, проследите, чтобы меня никто не беспокоил… нет-нет, никаких телефонных звонков. В течение часа, может, двух. Я точно не знаю.

Затем Геррик тихим голосом спокойно и логично изложил ему всю ситуацию. После того как Фергюсон изучил фотографии, Геррик сказал:

— Теперь вы видите, в какой затруднительной ситуации мы оказались. Если мы обнародуем эти сведения и окажемся неправы, то выставим себя дураками. Если же потратим месяц на изучение

всех деталей и в итоге выяснится, что мы правы, нас обвинят в нерешительности и затягивании ситуации.

— Это точно, как ту старую несушку, которая высиживает испорченное яйцо.

— Послушайте, Джеймс, я всегда считал, что вы хорошо умеете взаимодействовать с людьми. Мне казалось, я могу обратиться к вам за советом. Скажите, что мне делать?

Фергюсон задумался и наконец сказал:

— Я понимаю, что дело действительно может оказаться очень серьезным. И я, так же как и вы, Дик, не люблю принимать серьезные решения, поддаваясь сиюминутному порыву. Поэтому предлагаю следующее. Вы вернетесь в отель и ляжете спать — не думаю, что вам удалось нормально выспаться сегодня ночью. Потом мы можем снова встретиться за обедом, к тому времени я уже успею все обдумать и попытаюсь прийти к какому-либо выводу.

Фергюсон был человеком слова. Когда вечером они с Герриком встретились в тихом ресторане, который выбрал Фергюсон, он начал разговор следующим образом:

— Кажется, я достаточно хорошо во всем разобрался. Я не вижу смысла тратить еще один

месяц на подтверждение ваших предположений. Дело, похоже, верное, хотя стопроцентных доказательств вам все равно не удастся собрать, в лучшем случае вместо девяноста девяти у вас будет девяносто девять целых и девять десятых уверенности. Но ради этого не стоит терять время. С другой стороны, вы пока не готовы к обращению в Белый дом. По вашим словам, вы и ваши сотрудники потратили на всю работу меньше суток. Без сомнения, вам предстоит решить еще много вопросов. Например, как скоро облако доберется до нас? К каким последствиям это может привести? И тому подобное.

Советую вернуться в Пасадину, собрать вашу команду, и в течение недели подготовить доклад, в котором вы обрисуете ситуацию так, как ее видите. И пусть все ваши люди подпишут его, чтобы потом не возникло никаких слухов о свихнувшемся директоре. А вот после этого возвращайтесь в Вашингтон.

Я же пока постараюсь подготовить почву. В таких случаях бессмысленно начинать с низов и нашептывать разные сведения на ушко кому-нибудь из конгрессменов. Единственный путь — сразу обращаться к президенту. И я постараюсь организовать вам эту встречу.

Встреча в Лондоне

Четырьмя днями ранее в Лондоне, в здании Королевского астрономического общества, произошла одна примечательная встреча. Причем организатором выступало не само Королевское астрономическое общество, а Британская астрономическая ассоциация, которая состояла преимущественно из астрономов-любителей.

Крис Кингсли — профессор астрономии Кембриджского университета — приехал на поезде в Лондон в начале дня, чтобы принять участие во встрече. Теоретик до мозга костей, он обычно не удостаивал своим присутствием собраний дилетантов. Однако ходили слухи о необъяснимых расхождениях данных в расположении Юпитера и Сатурна. Кингсли не верил, что такое возможно, и все же считал, что даже для его скептицизма должны быть веские основания, поэтому решил выслушать все, что намеревались рассказать эти ребята.

Когда он приехал в Берлингтон-Хаус как раз к четырехчасовому чаю, то, к своему удивлению, обнаружил там немало профессионалов, включая

Королевского астронома. «Никогда еще Британская астрономическая ассоциация не привлекала к себе столько внимания. Вероятно, те слухи запустил их новый агент по связям с общественностью», — подумал про себя Кингсли.

Когда через полчаса он вошел в зал для переговоров, то заметил свободное место в первом ряду около Королевского астронома. Не успел Кингсли занять место, как доктор Олдройд, выступавший в роли председателя, начал собрание следующими словами:

— Леди и джентльмены, сегодня мы собрались, чтобы обсудить новые и удивительные результаты. Но прежде чем пригласить первого докладчика, я хочу сказать, что мы очень рады видеть здесь так много выдающихся гостей. Я уверен, что то время, которое они согласились нам уделить, не будет потрачено впустую и мы еще раз продемонстрируем, какую важную роль играют в астрономии любители.

При этих словах Кингсли мысленно усмехнулся, а еще несколько профессионалов заерзали на своих стульях. Доктор Олдройд продолжил:

— Я с большим удовольствием хочу пригласить сюда мистера Джорджа Грина.

Джордж Грин вскочил со своего места в среднем

ряду и устремился к кафедре, сжимая в правой руке большую стопку бумаг.

Следующие десять минут Кингсли с вежливой учтивостью слушал мистера Грина, который сопровождал свое выступление демонстрацией слайдов с фотографиями личного телескопического оборудования. Но когда прошло уже четверть часа, Кингсли начал ерзать на стуле, а следующие полчаса он изнывал от скуки, закидывал одну ногу на другую, затем менял их местами и каждую минуту оборачивался, чтобы взглянуть на стенные часы. Все бесполезно: мистер Джордж Грин закусил удила, и его невозможно было остановить. Королевский астроном взглянул на Кингсли, и на его губах появилась легкая улыбка. Другие астрономы-профессионалы сидели и тихонько злорадствовали. Они не сводили глаз с Кингсли и прикидывали, когда же он не выдержит и взорвется.

Но взрыва так и не последовало, так как мистер Грин внезапно вспомнил о цели своего выступления. Он перестал описывать свое любимое оборудование и начал делиться результатами наблюдений с остервенением собаки, отряхивающейся после купания. Грин наблюдал за Юпитером и Сатурном, тщательно измерял их

положение и обнаружил несоответствие с «Морским астрономическим ежегодником». Подбежав к доске, он написал следующие данные, после чего сел на место.

Расхождение в долготе:	*Расхождение в склонении:*
Юпитер +1 минута 29 секунд	— 49 секунд
Сатурн +42 секунды	— 17 секунд

Кингсли охватила настолько сильная ярость, что он даже не услышал грохота аплодисментов, которыми аудитория наградила мистера Грина за его выступление. Кингсли приехал на встречу, ожидая услышать о расхождениях в крайнем случае в несколько десятых долей секунды. Это он мог списать на неточность в расчетах или непрофессионализм при проведении измерений. Не исключались также и статистические погрешности. Но числа, которые написал на доске мистер Грин, были просто абсурдными, фантастическими, настолько огромными, что несоответствие смог бы увидеть даже слепой, и это говорило о какой-то вопиющей грубейшей ошибке, совершенной мистером Грином.

Кингсли не относился к тем интеллектуальным снобам, которые из принципа выступают против любительской астрономии. Менее двух

лет назад в том же самом зале он выслушивал доклад совершенно неизвестного оратора. Кингсли тогда сразу отметил высокий уровень компетентности в проделанной работе и первым похвалил выступавшего. Некомпетентность всегда очень раздражала Кингсли, особенно если она проявлялась не в частной беседе, а на публике. Причем это в одинаковой мере относилось не только к науке, но также к живописи или музыке.

Однако в ту минуту он весь кипел от возмущения. В голову сразу пришло столько идей, как ему прокомментировать услышанное, что он не мог выбрать одну — так жалко было расставаться с остальными. Но прежде чем он принял решение, доктор Олдройд преподнес неожиданный сюрприз.

— Я с большим удовольствием, — сказал он, — хочу пригласить следующего докладчика — Королевского астронома.

Изначально Королевский астроном намеревался говорить коротко и по-существу. Но теперь не смог побороть соблазн и пуститься в долгие рассуждения, просто чтобы полюбоваться выражением лица Кингсли. Еще одно выступление в духе мистера Джорджа Грина стало бы для Кингсли особенно мучительным, и Королевский

астроном воспользовался такой возможностью. Он начал с демонстрации слайдов с оборудованием Королевской обсерватории и наблюдателями, работающими на нем, показал, из каких деталей это оборудование состояло; а затем стал подробно объяснять принцип его работы, используя такую терминологию, словно он разговаривал с умственно отсталыми детьми. И все это время Королевский астроном в отличие от вечно запинающегося мистера Грина говорил спокойным уверенным тоном. Где-то минут через тридцать пять он испугался, что Кингсли станет плохо и придется звать врача, поэтому наконец перешел к делу.

— В общих чертах наши результаты подтверждают сказанное мистером Грином. Юпитер и Сатурн изменили свое местоположение, и показатели примерно совпадают с теми, которые предоставил мистер Грин. Есть небольшие расхождения между его данными и нашими, но в основном они совпадают. Кроме того, мы в Королевской обсерватории наблюдали, как Уран и Нептун тоже изменили свое положение, отклонение не настолько сильное, как у Юпитера с Сатурном, но достаточно значительное. Наконец, я хочу добавить, что получил письмо

от Гроттвальда из Гейдельберга, в котором он говорит, что в Гейдельбергской обсерватории получили примерно такие же результаты, как и в Королевской обсерватории.

С этими словами Королевский астроном вернулся на свое место. Доктор Олдройд сразу же обратился к собранию:

— Джентльмены, сегодня вы узнали о результатах наблюдений, которые, смею предположить, чрезвычайно важны. Эта встреча станет значительной вехой в истории астрономии. Я не хочу больше отнимать ваше время, тем более что вам самим наверняка есть что сказать. В особенности, я думаю, это касается наших теоретиков. И я начну нашу дискуссию с обращения к профессору Кингсли. Не желает ли он как-нибудь прокомментировать услышанное?

— Вряд ли. По крайней мере до тех пор, пока действует закон о клевете, — шепнул один из профессиональных астрономов другому.

— Господин председатель, — начал Кингсли, — пока два предыдущих оратора выступали перед нами, у меня имелась масса времени, чтобы самому провести подобные расчеты.

Двое профессионалов улыбнулись друг другу, Королевский астроном улыбнулся про себя.

— Мое заключение, возможно, заинтересует присутствующих. Я пришел к выводу, что если данные, представленные нам сегодня, верны, и я хочу особенно подчеркнуть слово «если», то это говорит о существовании неизвестного тела в непосредственной близости от Солнечной системы. Причем масса этого тела должна быть сопоставима или даже превышать массу Юпитера. Немыслимо даже предположить, что предоставленные нам результаты были получены вследствие обычных погрешностей в измерениях, — этот момент я опять же хочу подчеркнуть, — но точно так же немыслимо, чтобы тело с такой большой массой находилось в пределах Солнечной системы или на ее периферии и при этом до сих пор оставалось незамеченным.

Кингсли сел на свое место. Профессиональные астрономы в общих чертах поняли, что он хотел сказать, а также какой подтекст заключался в его словах, и нашли его выступление более чем убедительным.

Когда Кингсли садился в поезд, отходивший в 20:56 от Ливерпуль-стрит в Кембридж, он так злобно посмотрел на сотрудника станции, пытавшегося проверить у него билет, что тот даже

отступил на пару шагов. Но Кингсли это совсем не смутило, недавний обед ситуации не исправил: еда была приготовлена из рук вон плохо, обслуживали его так, словно делали огромное одолжение, да и сам ресторан, несмотря на свою помпезность, выглядел довольно неопрятно. Зато счет оказался более чем внушительным. Кингсли с сердитым видом шел через поезд в поисках купе, где он смог бы в полном одиночестве дать волю накопившимся эмоциям. Когда он быстро проходил по вагону первого класса, затылок одного из пассажиров показался ему знакомым. Он тихонько прошел в купе и уселся рядом с Королевским астрономом.

— Ездить первым классом приятно и удобно. Правда же, нет ничего лучше государственной службы?

— Вовсе нет, Кингсли. Вообще-то, я еду на праздничный ужин в Тринити-колледж в Кембридже.

Кингсли, еще не до конца пришедший в себя после отвратительного обеда, скорчил кислую мину.

— Никогда не мог понять, за счет чего пирует эта братия из Тринити, — сказал он. — Закатывают банкеты по понедельникам, средам и пятницам, да и в остальные дни — плотное

четырехразовое питание.

— Да, они неплохо устроились. А вы сегодня, кажется, не в настроении, Кингсли. Что-то случилось?

Метафорически выражаясь, можно сказать, что в тот момент Королевский астроном был готов прыгать от радости.

— Не в настроении? Любопытно, кто на моем месте был бы в настроении? Хотел бы на такого посмотреть. Послушайте, что за водевиль вы устроили сегодня днем?

— Сегодня были озвучены лишь факты. Абсолютно рациональные и трезвые.

— Трезвые факты? Да что вы говорите! Вы выглядели бы намного трезвее, если бы залезли на стол и станцевали на нем чечетку. Планеты, отклонившиеся от своего положения на полтора градуса? Чушь какая-то!

Королевский астроном достал с багажной полки свой портфель и вытащил из него большую папку, в которой хранились многочисленные отчеты о проведенных наблюдениях.

— Вот эти факты, — сказал он. — На первых пятидесяти или около того страницах — еще необработанные данные наблюдений за всеми планетами, которые проводились день за днем

в течение последних месяцев. В следующей таблице вы найдете все эти расчеты, преобразованные в гелиоцентрические координаты.

Кингсли молча изучал бумаги около часа, пока поезд не доехал до Бишопс-Стортфорда. Затем он сказал:

— К. а., вы же понимаете, что у вас нет ни малейшего шанса устроить эту мистификацию? Здесь так много материалов, что я не могу установить подлинность их всех. Я могу одолжить эти таблицы на пару дней?

— Кингсли, если вы считаете, что я взял на себя труд организовать эту, как вы выразились, мистификацию, исключительно чтобы запутать или позлить вас, тогда могу лишь сказать, что вы себе излишне льстите.

— Скажем так, — отозвался Кингсли, — я могу выдвинуть две гипотезы. Обе на первый взгляд кажутся невероятными, но одна из них должна подтвердиться. Первая заключается в том, что неизвестное науке небесное тело, сопоставимое по массе с Юпитером, проникло в Солнечную систему. А вторая — в том, что Королевский астроном сошел с ума. Не хочу вас обижать, но второй вариант кажется даже более вероятным.

— Что мне в вас нравится, Кингсли, так это

ваша привычка рубить с плеча — кстати, весьма интересное выражение. — Королевский астроном на мгновение задумался и добавил: — Вам бы стоило заняться политикой.

Кингсли усмехнулся.

— И все-таки я могу взять эти таблицы на пару дней?

— Для чего они вам?

— На самом деле у меня есть две цели. Хочу проверить все эти данные на их состоятельность, а затем выяснить, где может находиться вторгшееся в нашу систему тело.

— И как вы собираетесь это сделать?

— Для начала изучу все материалы по одной из планет, скажем Сатурну — он для этого лучше всего подойдет. Это поможет мне определить расположение инородного тела или инородной материи, если речь не идет о едином объекте. Примерно так же Адамс и Леверье определили местоположение Нептуна. Затем, разобравшись с инородной материей, я перейду к дальнейшим расчетам. Выясню, какие помехи возникали вокруг других планет: Юпитера, Урана, Нептуна, Марса и так далее. А после этого сравню мои результаты с данными ваших наблюдений за этими планетами. Если мои результаты совпадут

с вашими, я буду знать, что здесь нет никакого обмана. Но если они окажутся иными, то тогда…

— Все это прекрасно, — сказал Королевский астроном, — только как вы собираетесь успеть все это за пару дней?

— А, я воспользуюсь вычислительной машиной. К счастью, у меня уже есть программа, написанная специально для кембриджского компьютера. Завтра придется потратить весь день, чтобы немного доработать ее и написать несколько дополнительных программ для решения задачи. Зато уже вечером можно будет приступить к расчетам. И послушайте, К. а., вы не хотите приехать в лабораторию после вашего праздничного ужина? Если завтра вечером нам удастся поработать вместе, мы быстро разберемся с этим делом.

На следующий день погода выдалась не самая приятная: холодная, дождливая, и в довершении всего Кембридж окутала тонкая пелена тумана. Кингсли проработал все утро, а к полудню затопил камин в своей квартире в доме для преподавателей. Он работал без перерыва, быстро исписывая листы многочисленными символами. Здесь приводится короткий фрагмент кода, согласно которому вычислительной машине

надлежало производить расчеты:

	T		z
0	A	23	—
1	U	11	—
2	A	2	F
3	U	13	—

Где-то в половине четвертого он вышел из колледжа, одевшись потеплее и тщательно закрывая зонтом объемную стопку бумаг. Он выбрал самый кратчайший путь до Корн-Эксчендж-стрит, к зданию, где находилась вычислительная машина, способная за одну ночь провести расчеты, на которые у обычного человека ушло бы лет пять. Когда-то в этом здании располагалась анатомическая школа, и ходили слухи, что оно населено призраками, но Кингсли, сворачивая с узкой улочки к боковой двери, даже и не вспомнил об этом.

Однако первым делом он пошел вовсе не к ЭВМ, на которой в тот момент работали другие специалисты. Он еще не перевел все данные, которые

написал, в формат, пригодный для использования в машине. Для этого ему требовалась специальная печатная машинка, пробивавшая отверстия на ленте, а узор из этих отверстий соответствовал определенным символам. Именно эти отверстия и передавали окончательные команды компьютеру. Каждое из многих тысяч отверстий должно было располагаться на своем месте, иначе это привело бы к ошибкам в расчетах. Поэтому работа на перфораторе требовала особой тщательности и стопроцентной точности.

Лишь к шести часам вечера Кингсли убедился, что работа сделана надлежащим образом, все тщательно проверено и перепроверено. Он поднялся на верхний этаж, где находилась вычислительная машина. Тысячи электровакуумных ламп согревали помещение аппаратной, наполняя приятным теплом и сухостью, столь непривычными для холодного и сырого январского дня. Слышалось хорошо знакомое гудение электрических моторов и треск телетайпа.

Королевский астроном провел день хорошо, навестил старых друзей, а вечером с удовольствием посетил праздничный ужин в колледже Тринити. Время было уже за полночь, и ему больше всего хотелось лечь спать, а не сидеть в вычис-

лительной лаборатории. И все же он решил выяснить, чем занимается его безумный коллега. Друг предложил подвезти его к лаборатории на машине, и теперь Королевский астроном стоял под дождем и ждал, когда ему откроют дверь. Наконец Кингсли соизволил появиться перед ним.

— Ой, здравствуйте, К. а., — сказал он. — Вы как раз вовремя.

Они преодолели несколько лестничных пролетов и оказались в помещении с вычислительной машиной.

— Получили какие-нибудь результаты?

— Нет, но, кажется, я все настроил. В программах, которые я написал сегодня утром, оказались кое-какие ошибки. Последние несколько часов я их отлавливал. Надеюсь, все удалось исправить. По крайней мере, складывается такое впечатление. Если машина работает исправно, то через час-другой мы получим достойный результат. Банкет удался на славу?

Примерно в два часа ночи Кингсли сказал:

— Мы уже почти закончили. Еще пара минут, и результат будет готов.

Через пять минут в комнате послышалось жужжание скоростного перфоратора. Из перфоратора появилась тонкая бумажная лента примерно

в десять ярдов длиной. Отверстия на ленте содержали расчеты, на которые человек без помощи машины потратил бы не меньше года.

— Давайте посмотрим, — предложил Кингсли, когда они загрузили ленту в телетайп.

Вдвоем ученые стали наблюдать за тем, как распечатывается один ряд чисел за другим.

— Боюсь, расположение данных не самое удачное. Наверное, мне лучше все объяснить. В первых трех рядах — значения ряда параметров, которые я включил в расчет, принимая во внимание данные ваших наблюдений.

— А как насчет положения инородного тела? — спросил Королевский астроном.

— Его положение и масса указываются в следующих четырех рядах. Но форма подачи материала не самая удобная. Я же говорил, расположение неудачное. Я хочу использовать эти результаты, чтобы рассчитать, какое влияние инородное тело окажет на Юпитер. Лента вполне подходит для таких задач.

Кингсли указал на бумажную ленту, только что появившуюся из машины.

— Но мне самому придется сделать кое-какие расчеты перед тем, как перевести данные из этих таблиц в более удобоваримую форму. Однако сна-

чала давайте запустим машину, пусть выяснит все, что касается Юпитера.

Кингсли нажал на несколько переключателей. После этого он вставил большую катушку с перфолентой в устройство для «считывания» информации. Затем нажал еще на один переключатель, и считывающее устройство начало разматывать ленту.

— Вы видите, что происходит? — сказал Кингсли. — Когда лента разматывается, лампа просвечивает отверстия. Потом свет попадает в эту коробку, на светочувствительные трубки. Это приводит к тому, что в машину поступает ряд импульсов. Лента просто передает машине инструкции, как ей рассчитать изменение в положении Юпитера. Но машина еще не получила всех инструкций целиком. Она по-прежнему не знает, где находится это инородное тело, какова его масса и как быстро оно движется. Поэтому работа пока не выполнена.

Кингсли был прав. Машина остановилась, как только размотала всю катушку. Кингсли указал на маленькую красную лампочку.

— Это говорит о том, что машина прекратила работу из-за отсутствия полных инструкций. Дайте ту ленту, которую мы только что получили.

Она на столе рядом с вами.

Королевский астроном протянул ему длинную бумажную ленту.

— Теперь мы восполним пробелы в информации. Считав ее, машина будет знать все необходимое о неизвестном объекте.

Кингсли нажал на переключатель и вставил в машину еще одну ленту. Как только она вся прошла через считывающее устройство, на катодно-лучевых трубках замигали огоньки.

— Ну вот, началось. Следующий час машина каждую минуту будет умножать сотни тысяч десятизначных чисел. И пока она этим занимается, давайте приготовим кофе. Я с четырех часов дня ничего не ел и сильно проголодался.

Итак, двое ученых работали всю ночь. За окном уже начал заниматься серый и унылый январский рассвет, когда Кингсли сказал:

— Вот, пожалуй, и все. Мы получили необходимые результаты, но их еще необходимо конвертировать, после чего мы сможем сравнить их с данными ваших наблюдений. Я попрошу сегодня одну из наших лаборанток заняться этим. Послушайте, К. а., давайте пообедаем вместе сегодня вечером и все хорошенько обсудим? А сейчас вам, возможно, хочется пойти немного

вздремнуть? Я останусь здесь, пока не придут сотрудники лаборатории.

После обеда тем же вечером Королевский астроном и Кингсли отправились в квартиру последнего, которая находилась на территории колледжа Эразма. Обед выдался отличным, и оба пребывали в благостном расположении духа, когда устроились у пылающего камина.

— Какую только чушь не говорят в последнее время о закрытых печах, — сказал Королевский астроном, кивая в сторону камина. — Что они якобы очень хороши с научной точки зрения. Никакой наукой там и не пахнет! Самое лучшее тепло — от открытого огня. А закрытые печи производят только горячий воздух в больших количествах, которым очень неприятно дышать. Они не столько греют, сколько удушают.

— Вполне здравые рассуждения, — согласился Кингсли. — Я и сам никогда не видел пользы от подобных устройств. Как насчет того, чтобы выпить немного портвейна перед тем, как приступить к обсуждению? А может, вам мадеры, кларета или бургундского?

— С удовольствием! Мне лучше бургундского.

— Замечательно, у меня есть недурной «Поммар» 57-го года.

Кингсли налил вино в два больших бокала, вернулся на свое место и продолжил:

— Здесь все данные. Я провел расчеты для Марса, Юпитера, Урана и Нептуна. Они поразительным образом совпадают с вашими наблюдениями. Вот, на этих четырех листах я сделал краткий отчет по каждой из планет. Можете сами взглянуть.

Королевский астроном несколько минут изучал содержание этих листов.

— Впечатляет, Кингсли. Этот ваш компьютер, без сомнения, фантастический инструмент. Но теперь-то вы довольны? Все встало на свои места. И соответствует гипотезе о вторгшемся в пределы Солнечной системы постороннем теле. Кстати, вам удалось выяснить массу, расположение и скорость движения? Здесь ничего этого нет.

— Теперь я знаю и это, — ответил Кингсли, доставая еще один лист из большой папки. — Но здесь и возникает загвоздка. Его масса составляет почти две трети от массы Юпитера.

Королевский астроном улыбнулся.

— Кажется, на встрече Британской астрономической ассоциации вы утверждали, что это тело по массе равно Юпитеру, если не превос-

ходит его.

Кингсли недовольно закряхтел.

— Если принять во внимание все отвлекающие факторы, то оценка была очень даже неплохой. Но вы посмотрите на гелиоцентрические данные. Тело находится на расстоянии 21,3 астрономической единици от Солнца. Это всего в 21,3 раза меньше, чем расстояние между Землей и Солнцем. Такого просто не может быть!

— Не понимаю, почему?

— На этом расстоянии тело легко рассмотреть невооруженным глазом. Тысячи людей заметили бы его.

Королевский астроном покачал головой.

— Это совсем не обязательно должна быть планета. Тело может иметь более высокую плотность и низкую отражательную способность. Из-за чего его трудно увидеть невооруженным глазом.

— Пусть так, но в телескоп-то его можно рассмотреть! В ночном небе, где-то к югу от Ориона. Вот его координаты: прямое восхождение — 5 часов 46 минут, склонение — 30 градусов 12 минут. Я не так хорошо знаю небо, но это ведь где-то к югу от Ориона, верно?

Королевский астроном опять улыбнулся.

— Когда вы в последний раз смотрели в теле-

скоп, Кингсли?

— Наверное, лет пятнадцать назад.

— А зачем вам это понадобилось?

— Я показывал посетителям обсерваторию.

— А вы не хотите вместо всех этих споров отправиться сейчас в обсерваторию и проверить, что нам удастся увидеть? Мне кажется, что этот вторженец, давайте будем его так называть, возможно, даже не твердое тело.

— Вы хотите сказать, что мы говорим о газовом облаке? Что ж, тогда кое-что может проясниться. Конденсированное тело непросто разглядеть. Но в таком случае облако должно быть локализовано в ограниченном пространстве, при этом иметь диаметр не больше диаметра земной орбиты и довольно высокую для облака плотность — около 10^{-10} гр./см^3. Возможно, маленькая звезда в процессе образования?

Королевский астроном кивнул.

— Мы знаем, что очень большие газовые облака, наподобие туманности Ориона имеют среднюю плотность примерно 10^{-21} г/см^3. Вместе с тем звезды вроде Солнца с плотностью 1 г/см^3 постоянно формируются внутри крупных газовых облаков. И это означает, что подобные газовые пятна могут иметь самую разную плотность: от

10^{-21} г/см^3, с одной стороны, до звездной плотности — с другой. Ваши 10^{-10} г/см^3 оказываются где-то посередине и кажутся вполне вероятной величиной.

— Да, такое вполне возможно. И подобные облака должны существовать. Но, думаю, вы правы, нам стоит поехать в обсерваторию. Пока вы будете допивать вино, я позвоню Адамсу, а потом вызову нам такси.

Когда двое ученых добрались до университетской обсерватории, небо заволокло тучами. Целый час они прождали в холоде и сырости, но на небе не было видно даже звезд. Так продолжалось и на следующую ночь, и в ночь после нее. Поэтому кембриджские астрономы лишились возможности стать первооткрывателями Черного Облака, как более столетия назад не смогли первыми открыть Нептун.

12 января, в тот день, когда Геррик приехал в Вашингтон, Кингсли и Королевский астроном снова обедали в колледже Эразма. А после обеда снова отправились в квартиру Кингсли, где сидели у камина и пили «Поммар» 57-го года.

— Слава богу, нам не придется всю ночь сидеть в лаборатории. Мы можем доверять Адамсу, он позвонит, если небо вдруг прояснится.

— Завтра мне непременно нужно вернуться в Хёрстмонсо, — сказал Королевский астроном. — В конце концов, там тоже есть телескопы.

— Кажется, эта влажность осточертела вам так же, как и мне. Послушайте, К. а., мне кажется, нам стоит отказаться от этой затеи. Я набросал текст телеграммы. Хочу отправить ее Марлоу в Пасадину. Вот она. У них там не должно быть проблем с облаками.

Королевский астроном взглянул на листок бумаги, который держал Кингсли.

ПОЖАЛУЙСТА,
СООБЩИТЕ О ЛЮБЫХ НЕОБЫЧНЫХ ОБЪЕКТАХ СО СЛЕДУЮЩИМИ КООРДИНАТАМИ: ПРЯМОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ — ПЯТЬ ЧАСОВ СОРОК ШЕСТЬ МИНУТ; СКЛОНЕНИЕ — МИНУС ТРИДЦАТЬ ГРАДУСОВ ДВЕНАДЦАТЬ МИНУТ. МАССА ОБЪЕКТА — ДВЕ ТРЕТИ ОТ МАССЫ ЮПИТЕРА. СКОРОСТЬ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ — СЕМЬДЕСЯТ КИЛОМЕТРОВ В СЕКУНДУ, И ОНО ДВИЖЕТСЯ ПРЯМО К ЗЕМЛЕ. РАССТОЯНИЕ ОТ СОЛНЦА — 21,3 АСТРОНОМИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ.

— Мне стоит отослать ее? — с тревогой спросил Кингсли.

— Отошлите. Я уже засыпаю, — сказал Ко-

ролевский астроном, из вежливости с трудом сдерживаясь, чтобы не зевнуть.

На следующий день в девять утра Кингсли нужно было проводить лекцию, поэтому уже к восьми он побрился, умылся и оделся. Слуга, приставленный к нему колледжем, накрыл стол к завтраку.

— Сэр, вам телеграмма, — сказал он.

Бросив на нее взгляд, Кингсли увидел, что она пришла из-за океана. «Невероятно. Марлоу не мог так быстро ответить!» — подумал про себя Кингсли. Еще сильнее он удивился, когда прочитал ее содержание.

ВЫ И КОРОЛЕВСКИЙ АСТРОНОМ ДОЛЖНЫ НЕМЕДЛЕННО, Я ПОВТОРЯЮ, НЕМЕДЛЕННО ПРИЕХАТЬ В ПАСАДИНУ. САДИТЕСЬ НА РЕЙС, ВЫЛЕТАЮЩИЙ
В 15:00 В НЬЮ-ЙОРК. БИЛЕТЫ ПОЛУЧИТЕ НА СТОЙКЕ АВИАКОМПАНИИ «ПАН-АМЕРИКАН» НА АЭРОВОКЗАЛЕ ВИКТОРИЯ. ВАШИ ВИЗЫ УЖЕ ГОТОВЫ И НАХОДЯТСЯ В АМЕРИКАНСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ. В АЭРОПОРТУ ЛОС-АНДЖЕЛЕСА ВАС БУДЕТ ЖДАТЬ АВТОМОБИЛЬ. ГЕРРИК.

Самолет медленно набирал высоту, направляясь на запад. Кингсли и Королевский астроном

спокойно сидели в своих креслах. После того как Кингсли получил утром телеграмму, он впервые смог перевести дух. Сначала ему пришлось перенести лекцию, затем — обсудить все произошедшее с секретарем факультета. Организовать столь внезапный отъезд из университета оказалось непросто, но все же к одиннадцати часам он все уладил. Оставалось три часа, чтобы доехать до Лондона, получить визы, забрать билеты и сесть в автобус, который следовал от терминала Виктория до Лондонского аэропорта. И все это происходило в большой спешке. Королевскому астроному пришлось немного проще — он так часто выезжал за рубеж, что в паспорте у него всегда стояли действующие визы. На всякий случай.

Оба ученых решили почитать в дороге. Кингсли взглянул на книгу Королевского астронома и увидел яркую обложку, на которой была изображена перестрелка двух отчаянных головорезов.

«Бог знает, что он захочет почитать в следующий раз», — подумал Кингсли.

Королевский астроном взглянул на книгу Кингсли и увидел, что это «История» Геродота.

«Господи, да он потом еще и за Фукидида возьмется!» — подумал Королевский астроном.

В Калифорнии

Стоит упомянуть, какой переполох в Пасадине вызвала телеграмма Кингсли. На следующий день после возвращения из Вашингтона Геррик собрал у себя в кабинете совещание. На нем присутствовали Марлоу, Уайчарт и Барнетт. Геррик объяснил, что им нужно довольно быстро дать взвешенную оценку того, какое воздействие может оказать Черное Облако.

— На данный момент положение следующее: наши наблюдения показывают, что облако доберется до нас примерно через восемнадцать месяцев. По крайней мере, это кажется вполне вероятным. А теперь, что мы можем сказать о самом облаке? Будет ли оно в значительной степени поглощать солнечное излучение, когда окажется между нами и Солнцем?

— Без дополнительной информации сложно определить, — ответил Марлоу, попыхивая трубкой. — В данный момент мы даже не знаем, какое это облако: совсем маленькое и находится в непосредственной от нас близости или же — большое и значительно от нас удалено. Точно так же нам

не известна плотность материи, из которой оно состоит.

— Если мы сможем рассчитать скорость движения облака, то нам удастся вычислить его размер и расстояние, на котором оно от нас находится, — заметил Уайчарт.

— Да, я об этом думал, — сказал Марлоу. — Австралийские радиоастрономы могли бы добыть для нас эти сведения. Велика вероятность, что облако состоит преимущественно из водорода, и, возможно, удастся получить доплеровское смещение 21-сантиметровой линии.

— Отличное предложение, — согласился Барнетт. — Думаю, стоит обратиться к Лестеру из Сиднея. Прямо сейчас и пошлем ему телеграмму.

— Билл, мне кажется, это не совсем наша работа, — пояснил Геррик. — Давайте заниматься своими делами. Когда составим отчет, пускай в Вашингтоне свяжутся с Австралией по поводу радиоастрономических измерений.

— Но нам ведь стоит порекомендовать группу Лестера для решения этой проблемы?

— Разумеется, мы можем это сделать и, скорее всего, именно так и поступим. Я только хотел сказать, что не нужно проявлять подобную инициативу. Все это может привести к серьезным

политическим последствиям, и нам лучше держаться подальше от чего-то подобного.

— Совершенно верно, — вмешался Марлоу, — меньше всего мне хочется ввязываться в политику. Но совершенно ясно, что радиоастрономы должны выяснить скорость. С массой облака будет сложнее. Насколько я могу судить, лучше всего нам помогут это определить планетарные возмущения. Не исключено, что это единственно возможный способ.

— Но ведь он довольно архаичен, не так ли? — спросил Барнетт. — И кто же этим займется? Полагаю, британцы?

— Да, кхм, — проворчал Геррик, — возможно, лучше пока не заострять особого внимания на всех аспектах этого дела. Однако Королевский астроном, вероятно, самый подходящий кандидат. Я обращу на это внимание в своем отчете, который начну составлять в самое ближайшее время. Похоже, мы пришли к согласию касательно основных моментов. Кто-нибудь хочет еще что-то добавить?

— Нет. Мы все достаточно тщательно рассмотрели, насколько это возможно в данных обстоятельствах, — ответил Марлоу. — Думаю, я вернусь к парочке своих проектов, которые был

вынужден забросить в последние дни. Вы, вероятно, захотите сами закончить отчет. Хорошо, что не мне придется его писать.

Итак, они спешно покинул кабинет Геррика, который сразу же приступил к составлению отчета. Барнетт и Уайчарт поехали обратно в Калифорнийский технологический университет. Марлоу пошел к себе в кабинет. Но так и не смог сосредоточиться на работе, поэтому отправился в библиотеку, где встретил нескольких своих коллег. Оживленная дискуссия по поводу диаграммы «цвет — звездная величина» для звезд галактического ядра позволила ему скоротать время до ланча.

Когда же Марлоу вернулся после ланча, его отыскал секретарь.

— Доктор Марлоу, вам телеграмма.

Слова на листке бумаги, казалось, прямо у него на глазах выросли до гигантских размеров:

ПОЖАЛУЙСТА,
СООБЩИТЕ О ЛЮБЫХ НЕОБЫЧНЫХ ОБЪЕКТАХ СО СЛЕДУЮЩИМИ КООРДИНАТАМИ: ПРЯМОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ — ПЯТЬ
ЧАСОВ СОРОК ШЕСТЬ МИНУТ; СКЛОНЕНИЕ — МИНУС ТРИДЦАТЬ ГРАДУСОВ ДВЕНАДЦАТЬ МИНУТ. МАССА ОБЪЕКТА — ДВЕ ТРЕТИ ОТ

МАССЫ ЮПИТЕРА. СКОРОСТЬ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ — СЕМЬДЕСЯТ КИЛОМЕТРОВ В СЕКУНДУ, И ОНО ДВИЖЕТСЯ ПРЯМО К ЗЕМЛЕ. РАССТОЯНИЕ ОТ СОЛНЦА — 21,3 АСТРОНОМИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ.

Вскрикнув от удивления, Марлоу бросился в кабинет Геррика и ворвался, даже не удосужившись постучать.

— Вот оно! — закричал он. — Это все, что мы хотели узнать!

Геррик прочитал телеграмму. Затем криво улыбнулся и сказал:

— Это существенно меняет все. Похоже, нам необходимо проконсультироваться с Кингсли и Королевским астрономом.

Марлоу все никак не мог успокоиться.

— Легко себе представить, как все это было. Королевский астроном получил данные наблюдений за движением планет, а Кингсли сделал расчеты. Насколько я знаю, эти ребята обычно не ошибаются.

— Мы можем легко и быстро это проверить. Если объект находится на расстоянии 21,3 астрономической единицы и движется к Земле со скоростью семьдесят километров в секунду, то совсем скоро нам удастся выяснить, сколько ему потребуется времени, чтобы добраться до нас.

И тогда мы сравним эти данные с предположениями Уайчарта о восемнадцати месяцах.

— Вы правы, — согласился Марлоу. Затем он набросал на листе бумаги следующие заметки и расчеты:

Расстояние 21,3 астрономической единицы = приблизительно $3x10^{14}$ см.

Время, необходимое для преодоление соответствующего расстояния при скорости 70 км/сек =

$3x10^{14}/7x10^{6}$ = 4,3 x 10^{7} секунд = 1,4 года = примерно 17 месяцев.

Совпадение просто идеальное! — воскликнул Марлоу. — И что еще примечательнее — положение облака, которое они вычислили, практически в точности соответствует нашим предположениям. Все сходится.

— Теперь мне будет намного сложнее составить отчет, — нахмурившись, произнес Геррик. — В самом деле, сначала лучше проконсультироваться с Королевским астрономом. Думаю, им с Кингсли нужно как можно скорее прибыть сюда.

— Совершенно верно, — согласился Марлоу. — Поручу секретарю немедленно этим заняться. Думаю, можно организовать все так, чтобы они

прилетели через тридцать шесть часов, послезавтра утром. Но все же лучше будет, если этим займутся наши друзья из Вашингтона. Что же касается доклада, то неплохо бы написать его в трех частях, как вы считаете? Первая часть будет посвящена нашим открытиям здесь, в обсерватории. Вторую напишут Кингсли и Королевский астроном. А в третьей мы сделаем заключение, к которому придем после приезда британцев.

— Вы говорите разумные вещи, Джефф. Я закончу первую часть к тому времени, как прилетят наши друзья. Затем они подготовят вторую часть, и, наконец, мы обсудим наши выводы.

— Замечательно. Как я понимаю, к завтрашнему дню вы уже завершите работу? Не хотите пообедать завтра вечером вместе с Элисон?

— С большим удовольствием, буду очень рад, если успею управиться до вечера. Лучше договоримся обо всем ближе к делу.

— Конечно, хорошо. Дайте мне завтра знать, — сказал Марлоу, вставая.

Марлоу уже собирался уходить, когда Геррик спросил его:

— Все ведь очень серьезно, не так ли?

— Абсолютно точно. У меня возникли дурные предчувствия, как только я увидел фотографии

Кнута Йенсена. Но я не предполагал, что все настолько ужасно, пока не получил эту телеграмму. Плотность облака где-то в районе от 10^{-9} до 10^{-10} г/см^3. Это означает, что оно полностью заслонит собой Солнце.

Кингсли и Королевский астроном прилетели в Лос-Анджелес ранним утром 20 января. Марлоу встречал их в аэропорту. Быстро позавтракав в кафе при аптеке, они помчались по трассе в Пасадину.

— Боже мой, как же здесь все не похоже на Кембридж! — проворчал Кингсли. — Шестьдесят миль в час вместо пятнадцати, голубое небо вместо бесконечной мороси и дождя, и тепло даже ранним утром!

Его сильно утомил долгий перелет: сначала — над Атлантикой, а затем после нескольких часов ожидания в Нью-Йорке (причем этого времени оказалось слишком мало, чтобы заняться чем-нибудь интересным, но достаточно, чтобы вызвать сильную скуку — неизбежную спутницу во время путешествий по воздуху) ночной перелет над Соединенными Штатами Америки. И все же это было намного лучше годового плаванья вокруг мыса Горн, которое приходилось совершать путешественникам столетие назад. Ему хотелось

выспаться, но Королевский астроном изъявил желание сразу поехать в обсерваторию, поэтому Кингсли решил составить ему компанию.

После того как Кингсли и Королевский астроном познакомились со всеми сотрудниками обсерватории, которых они не встречали раньше, и поприветствовали старых друзей, в библиотеке устроили собрание. За исключением британских гостей на нем присутствовали те же ученые, которые обсуждали на прошлой неделе открытие Йенсена.

Марлоу коротко сообщил об открытии, поделился личными наблюдениями, а также рассказал об аргументах Уайчарта и о том поразительном заключении, к которому тот пришел.

— Поэтому вы понимаете, — подытожил он, — почему нас так заинтересовала ваша телеграмма.

— Конечно, понимаем, — ответил Королевский астроном. — Эти фотографии весьма примечательны. Вы определили, что прямое восхождения центра облака — 5 часов 49 минут, а склонение — минус 30 градусов 16 минут. Судя по всему, ваши данные почти полностью совпадают с расчетами Кингсли.

— А теперь не могли бы вы вкратце рассказать

о ваших исследованиях? — предложил Геррик. — Возможно, Королевский астроном сообщит о проведенных наблюдениях, а затем доктор Кингсли коротко поделится с нами своими расчетами.

Королевский астроном рассказал, как они обнаружили смещение в положении планет, в особенности внешних планет Солнечной системы. Он обратил особое внимание на то, что данные этих наблюдений тщательно проверялись на предмет возможных ошибок, а также не преминул отдать должное работе, проведенной мистером Джорджем Грином.

«Боже, опять он за старое!» — подумал про себя Кингсли.

Остальные собравшиеся, однако, слушали Королевского астронома с интересом.

— Итак, — завершил он, — сейчас я хочу передать слово доктору Кингсли, который расскажет вам о своих расчетах.

— Здесь не так уж и много можно сказать, — начал Кингсли. — Учитывая точность наблюдений, о которых нам сейчас рассказал Королевский астроном, — и я вынужден признать, что вначале с большой неохотой принял их к рассмотрению, — становится ясно, что планеты оказались

под воздействием гравитационного влияния какого-то тела или материи, вторгнувшейся в Солнечную систему. Проблема заключалась в том, как рассчитать местоположение, массу и скорость движения этой чужеродной материи с помощью данных о планетарных возмущениях.

— Вы руководствовались принципом, что эта материя действует как точечная масса? — спросил Уайчарт.

— Да, думаю, что в любом случае это был наилучший способ. Королевский астроном упоминал, что, возможно, это протяженное облако. Но я должен признать, что подсознательно мне представлялось довольно сжатое тело относительно небольшого размера. Только сейчас, увидев эти фотографии, я начал свыкаться с мыслью, что это облако.

— Как вы думаете, насколько сильно эти неверные взгляды могли повлиять на ваши расчеты?

— Я не думаю, что это как-то на них повлияло. Если брать в расчет данные о планетарных возмущениях, то разница между вашим облаком и телом гораздо меньших размеров, будет невелика. Возможно, небольшая разница между моими расчетами и вашими наблюдениями как

раз связана с этим.

— Да, совершенно точно, — послышался из клубов анисового дыма голос Марлоу. — Как много информации вам потребовалось, чтобы получить ваши результаты? Вы изучали отклонения всех планет?

— Одной планеты было достаточно. Я использовал данные наблюдений за Сатурном, чтобы сделать расчеты, касающиеся Облака, если я могу его так называть. Затем, определив положение Облака, его массу и так далее, я произвел расчеты для остальных планет, чтобы вычислить возмущения Юпитера, Марса, Урана и Нептуна.

— И после этого вы смогли сравнить ваши результаты с данными наблюдений?

— Совершенно верно. Эти сравнения приведены в таблицах, которые я захватил с собой. Сейчас я передам их вам. Как видите, совпадение достаточно велико. Поэтому мы были уверены в наших выводах и сочли необходимым послать вам телеграмму.

— Мне хотелось сравнить ваши прогнозы с моими, — обратился к нему Уайчарт. — У меня сложилось впечатление, что Облаку потребуется примерно восемнадцать месяцев, чтобы добраться до Земли. Какой ответ дадите вы?

— Дэйв, мы уже все проверили, — вмешался Марлоу. — Совпадение довольно близкое. По оценке доктора Кингсли, на это уйдет примерно семнадцать месяцев.

— Возможно, даже меньше, — заметил Кингсли. — Семнадцать месяцев, это если не брать в расчет ускорение Облака, когда оно приблизится к Солнцу. В данный момент оно двигается со скоростью примерно семьдесят километров в секунду, но когда оно доберется до Земли, то ускорится почти до восьмидесяти. И тогда Облако окажется около Земли уже почти через шестнадцать месяцев.

Геррик незаметно взял дискуссию под свой контроль.

— Что ж, теперь, когда мы ознакомились с мнениями всех присутствующих, какое мы можем из всего этого сделать заключение? Мне кажется, что все мы оказались во власти заблуждений. Если говорить о нас, то мы представляли себе облако намного более крупных размеров, к тому же располагающееся очень далеко от Солнечной системы. В то время как доктор Кингсли говорит о теле сравнительно небольших размеров, *уже* находящемся в пределах Солнечной системы. Истина лежит где-то посередине между этими

полярными точками зрения. Нам придется иметь дело с облаком относительно небольших размеров, которое уже проникло в пределы Солнечной системы. Что мы можем о нем сказать?

— Достаточно много, — ответил Марлоу. — Наши измерения показывают следующее: угловой диаметр Облака составляет порядка двух с половиной градусов. Если принять во внимание, что, по словам доктора Кингсли, оно находится от нас на расстоянии примерно в 21 астрономическую единицу, это означает, что диаметр Облака равен расстоянию между Солнцем и Землей.

— Да, и, зная эти размеры, мы можем сразу же вычислить плотность материи Облака, — продолжил Кингсли. — Думаю, что ориентировочно объем Облака составляет 10^{40} $см^3$. Его масса — где-то 1,3 x 10^{30} г. А, следовательно, плотность составляет 1,3 x 10^{-10} $г/см^3$.

В их маленьком сообществе повисла тишина. Ее нарушил Эмерсон:

— Но это же невероятно высокая плотность! Если газовое облако окажется между нами и Солнцем, оно полностью заслонит солнечный свет. И на Земле, вероятно, наступит жуткий холод.

— Совсем не обязательно, что это произойдет, — вмешался Барнетт. — Газ может нагреться

и пропускать через себя тепло.

— Все зависит от того, сколько потребуется энергии, чтобы нагреть Облако, — заметил Уайчарт.

— А также от его светонепроницаемости и сотни других факторов, — добавил Кингсли. — Должен сказать, мне кажется маловероятным, чтобы сквозь газ проникло достаточно тепла. Давайте посмотрим, сколько энергии потребуется, чтобы нагреть его до обычной температуры.

Он подошел к доске и написал:

Масса облака — $1{,}3 \times 10^{30}$ г.

Облако, вероятно, состоит из водорода, преимущественно нейтрального.

Энергия, необходимая для увеличения температуры газа на T градусов, — $1{,}5 \times 1{,}3 \times 10^{30}$ RT эрг, где R — газовая постоянная. Символом L мы будем обозначать общую энергию, вырабатываемую Солнцем, тогда время, которое требуется для заданного нагревания, составит: $1{,}5 \times 1{,}3 \times 10^{30}$ RT/L секунд.

При условии, что $R = 8{,}3 \times 10^{7}$, $T = 300$, $L = 4 \times 10^{33}$ эрг/сек, мы получим время, равное $1{,}2 \times 10^{7}$ секунд, то есть примерно 5 месяцев.

— Выглядит вполне убедительно, — заметил Уайчарт, — и я бы сказал, что вы оперируете

самыми минимальными числами.

— Совершенно верно, — кивнул Кингсли. — Но даже по моим минимальным оценкам, этот процесс все равно потребует намного больше того срока, за который Облако должно пролететь мимо нас. При скорости восемьдесят километров в секунду, оно будет проходить через орбиту Земли в течение примерно месяца. Поэтому я практически уверен, что если оно заслонит от нас Солнце, то полностью перекроет для нас поток солнечного тепла.

— Вы сказали «если Облако заслонит от нас Солнце». По-вашему, есть шанс, что оно пролетит мимо? — спросил Геррик.

— Шанс, несомненно, существует, я бы даже сказал, что достаточно серьезный. Смотрите.

Кингсли снова подошел к доске.

— Вот орбита Земли вокруг Солнца. В данный момент мы находимся здесь. А Облако, я постараюсь нарисовать его в нужном масштабе, вот здесь. Если оно движется строго в сторону Солнца, то, конечно, заслонит его от нас. Но если оно будет двигаться иным путем, то может пройти мимо.

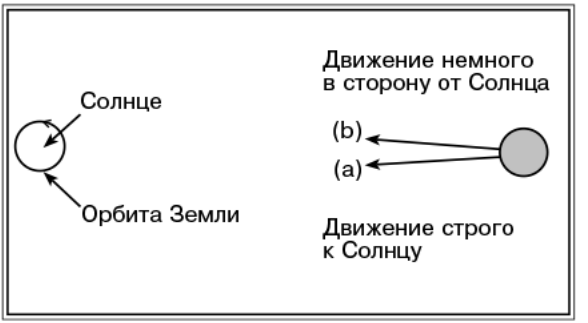


Рисунок Кингсли, отражающий текущую ситуацию

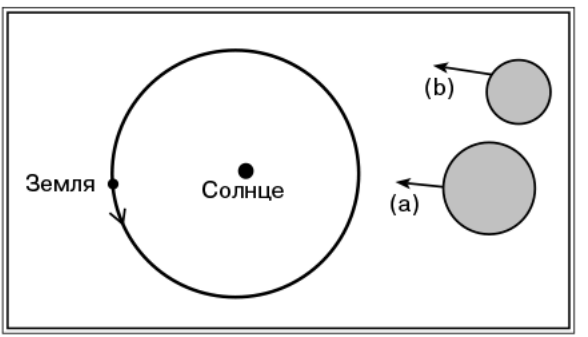


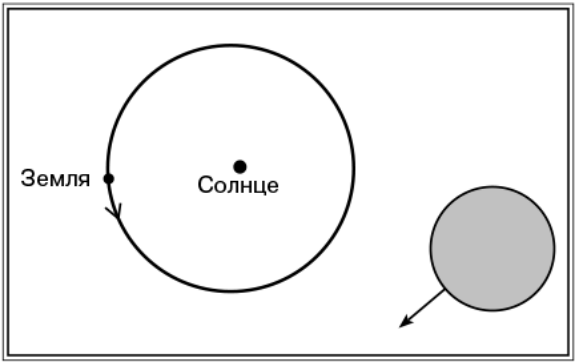
Рисунок Кингсли, представляющий положение вещей через шестнадцать месяцев

— Похоже, нам еще очень повезло, — нервно рассмеялся Барнетт. — Благодаря тому, что Земля вращается вокруг Солнца, она будет находиться на противоположной стороне орбиты, когда появится Облако.

— Это означает, что Облако сначала достигнет Солнца, а лишь потом — Земли. Это не помешает ему закрыть собой Солнце и заслонить от нас его свет, как это указал Кингсли в своем варианте *(a)*, — заметил Марлоу.

— Проблема с этими двумя вариантами *(a)* и *(b)*, — сказал Уайчарт, — заключается в том, что если Облако имеет практически нулевой угловой момент относительно Солнца, то возможен только первый вариант *(a)*. Для варианта *(b)* нам требуется небольшой угловой момент.

— Именно так. Разумеется, пример, который я привел относительно варианта *(b)* лишь один из возможных. С таким же успехом Облако может пройти мимо Солнца и Земли с другой стороны. Вот так:



— Мы можем точно определить, движется ли Облако точно к Солнцу или нет? — спросил Геррик.

— Опираясь только на одни наблюдения, это невозможно сделать, — ответил Марлоу. — Взгляните на рисунок Кингсли, изображающий текущую ситуацию. Даже небольшое изменение скорости может сильно повлиять на то, доберется до нас Облако или пройдет мимо. Пока мы не можем ничего сказать наверняка, но нам удастся это выяснить, когда облако подлетит поближе.

— Это очень важно сделать, — подытожил Геррик. — Вы хотите еще что-нибудь добавить на основании этой гипотезы?

— Пожалуй, нет. Расчеты недостаточно точ-

ные.

— Поверить не могу, вы, Кингсли, вдруг усомнились в своих расчетах? — заметил Королевский астроном.

— Мои расчеты основываются на ваших наблюдениях, К. а.! Как бы там ни было, но я согласен с Марлоу. Сейчас необходимо внимательно наблюдать за Облаком. Скорее всего, нам без особых затруднений удастся выяснить, сможем ли мы избежать встречи с Облаком или нет. Полагаю, на это уйдет месяц или два.

— Верно! — поддержал его Марлоу. — Можете на нас положиться, мы будем следить за этим малышом с такой же тщательностью, как если бы он был сделан из чистого золота.

После ланча Марлоу, Кингсли и Королевский астроном собрались в кабинете у Геррика, который объяснил им свой замысел по составлению общего отчета.

— Думаю, наши выводы достаточно ясные. Давайте я еще раз обозначу их для вас?

1. Облако газа летит к Солнечной системе из открытого космоса.

2. Оно движется более-менее в нашу сторону.

3. Примерно через шестнадцать месяцев оно приблизится к орбите Земли.

4. В непосредственной близости от нас оно пробудет около месяца.

Таким образом, если материя Облака окажется между Землей и Солнцем, то вся Земля погрузится во тьму. Пока, исходя из имеющихся данных, невозможно сказать, произойдет ли это в действительности, но дальнейшие наблюдения помогут нам получить ответ на этот вопрос.

— Что касается дальнейших наблюдений, то, думаю, мы сможем организовать все по высшему разряду, — продолжал Геррик. — Оптические — будут проводиться здесь с особой тщательностью. И мы хотим подключить к работе австралийских радиоастрономов, особенно это касается наблюдений за движением Облака по лучу зрения.

— Мне кажется, вы блестяще подытожили ситуацию, — поддержал его Королевский астроном.

— Думаю, мы должны как можно скорее закончить отчет, подписать его вчетвером и сразу же передать представителям наших правительств. Полагаю, мне не стоит говорить о том, что вся эта информация строго секретная, по крайней мере, именно так к ней следует относиться. К сожалению, в подробности дела посвящено уже достаточно много людей, но я надеюсь, что мы

можем рассчитывать на их благоразумие.

В этом вопросе Кингсли не согласился с Геррик. К тому же он сильно устал, а это вынудило его выражать свою точку зрения в более напористой манере.

— Прошу извинить меня, доктор Геррик, но я вас не совсем понимаю, почему мы, ученые, должны, как собачонки, пресмыкаться перед политиками и говорить им: «Пожалуйста, сэр, посмотрите наш отчет! Пожалуйста, погладьте нас или наградите вкусняшкой, если у вас хорошее настроение!» Я не вижу ни малейшего смысла связываться с кучкой людей, не способных правильно руководить обществом даже в спокойное время, не говоря уж о серьезных потрясениях. Или политики издадут закон, который помешает Облаку к нам приблизиться? И не позволят ему заслонить от нас Солнце? Если они на это способны, тогда с ними обязательно стоит посоветоваться. Однако если им это не по силам, то лучше пусть и не вмешиваются.

Доктор Геррик ответил спокойно, но решительно:

— Извините меня, Кингсли, но я считаю, что правительства Соединенных Штатов Америки и Великобритании являются демократически

выбранными представителями своих народов. И я убежден, что наш непосредственным долг — подготовить этот отчет и хранить произошедшее в тайне до тех пор, пока наши правительства не сделают официальных заявлений.

Кингсли встал.

— Простите, если я вел себя излишне грубо. Я устал. Мне хочется немного поспать. Отправляйте ваш отчет, раз у вас есть такое желание, но, пожалуйста, поймите — если я прежде не разглашал никакой информации, то лишь потому, что не хотел этого делать, а не потому, что меня к этому принуждали, и не из чувства долга. А теперь, с вашего позволения, я собираюсь вернуться в отель.

Когда Кингсли ушел, Геррик посмотрел на Королевского астронома и произнес:

— Доктор Кингсли кажется чуть-чуть… э-э…

— Слегка неуравновешенный? — подсказал Королевский астроном. И с улыбкой добавил: — Сложно сказать. Если удается уследить за ходом его мыслей, то следует признать, что они кажутся здравыми и невероятно убедительными. Я склонен считать, что он неизменно верен себе. Думаю, сейчас его поведение кажется странным, поскольку он строит свои аргументы на основе

весьма необычных предпосылок, а не потому, что у него возникли проблемы с логикой. Скорее всего, взгляды Кингсли на общество сильно отличаются от наших.

— В любом случае, я думаю, будет неплохо, чтобы Марлоу присмотрел за ним, пока мы работаем над отчетом, — заметил Геррик.

— Вот и славно, — согласился Марлоу, до сих пор сражавшийся со своей трубкой. — Мы могли бы обсудить с ним много разных тем по астрономии.

Когда на следующее утро Кингсли спустился к завтраку, то обнаружил, что его ожидает Марлоу.

— Я тут подумал, не съездить ли нам на денек в пустыню? Вам может понравиться.

— Чудесно, лучше и не придумаешь. Буду готов через несколько минут.

Они выехали из Пасадины и резко повернули направо, на шоссе 118, в сторону Ла Канады, затем помчались через холмы, миновали поворот к обсерватории Маунт-Вилсон и наконец оказались в пустыне Мохаве. Еще три часа пути, и перед ними возник горный хребет Сьерра-Невада, и они смогли увидеть заснеженную вершину горы Вилсона. Окутанная голубоватой дымкой пустыня

простиралась до самой Долины Смерти.

— Существуют сотни историй, — сказал Кингсли, — о том, как чувствует себя человек, когда узнает, что жить ему осталось не больше года: из-за неизлечимой болезни или по другой причине. Так странно думать, что, возможно, нам всем осталось жить чуть больше года. Через два года эти горы и пустыня будут выглядеть примерно так же, как и сейчас, только на свете уже не будет ни вас, ни меня, ни других людей, которые могли бы проехаться по этим местам.

— Господи, какой же вы пессимист, — проворчал Марлоу. — Вы же сами сказали, есть шанс, что Облако обойдет Солнце с одной из сторон и даже не заденет нас.

— Послушайте, Марлоу, вчера мне не хотелось слишком сильно давить на вас, но если у вас есть снимок, сделанный несколько лет назад, то вы должны иметь ясное представление о том, смещается ли оно в ту или иную сторону. Вам удалось обнаружить что-то подобное?

— Ничего, за что я мог бы поручиться.

— Значит, это достаточно веское доказательство того, что Облако летит прямо на нас или, по крайней мере, прямо на Солнце.

— Можно сказать и так, но я не уверен.

— Получается, вы имеете в виду, что Облако, возможно, доберется до нас, но все же есть вероятность, что этого не произойдет?

— Я все равно считаю, что вы чересчур пессимистичны. Посмотрим, что нам удастся узнать в течение следующей пары месяцев. И даже если произойдет затмение Солнца, вам не кажется, что мы сможем это пережить? В конце концов, оно продлится всего лишь около месяца.

— Что ж, давайте разберемся во всем по порядку, — предложил Кингсли. — После обычного заката температуры снижается. Однако на это снижение влияют два фактора. Первый — это тепло, накопленное в атмосфере, которое выполняет функцию своего рода резервуара, который не позволяет нам замерзнуть. Но, думаю, что этот резервуар вскоре будет исчерпан. По моим подсчетам, менее чем через неделю. Вы же представляете, как бывает холодно по ночам здесь, в пустыне.

— А как же арктическая ночь, когда Солнца может быть не видно целый месяц или даже больше? Или все дело в том, что в Арктику постоянно поступает воздух из тропических широт и этот воздух нагрет Солнцем?

— Разумеется. Арктику постоянно согревает

воздух из тропиков и регионов с умеренным климатом.

— И каков ваш второй фактор?

— Видите ли, водяной пар в атмосфере сохраняет тепло Земли. В пустыне же, где водяного пара мало, по ночам температура сильно падает. Но в местах с высокой влажностью вроде Нью-Йорка летом воздух практически не остывает.

— И к чему вы ведете?

— Вы легко можете представить, что произойдет, — продолжал Кингсли. — Первые пару дней после исчезновения Солнца, если оно все-таки случится, охлаждение окажется не особенно сильным, так как воздух будет все еще нагретым и содержать в себе пары воды. Но по мере охлаждения воздуха вода постепенно начнет выпадать, сначала в виде дождя, а затем и снега. В конце концов в воздухе больше не останется влаги. На это может уйти дня четыре или пять, может быть, неделя или даже десять дней. Но затем температура станет стремительно падать. В течение двух недель у нас установятся морозы под сотню градусов ниже нуля. Через месяц — ниже минус ста пятидесяти.

— Хотите сказать, здесь будет холодно, как на Луне?

— Да, нам ведь известно, что после заката Солнца за один час температура на Луне падает ниже минус ста пятидесяти градусов. Так вот, здесь случится примерно то же самое, только времени на это уйдет больше благодаря атмосфере. Но в конечном счете мы получим тот же итог. Нет, Марлоу, я не думаю, что нам удастся пережить этот месяц, даже если такой срок и не кажется вам долгим.

— А вы не думаете, что мы можем обогреваться точно так же, как обогревают себя зимой жители Канады? С помощью эффективного центрального отопления?

— Полагаю, это возможно только в домах с очень хорошей изоляцией, позволяющей выдерживать настолько колоссальные температурные перепады. Если такие здания и существуют, то их совсем немного, поскольку при возведении офисных строений и жилых домов мы не учитывали подобные температурные условия. Однако я допускаю, что некоторые люди все-таки выживут, я имею в виду тех, кто проживает в зданиях, специально построенных для холодного климата. Но я считаю, что у остальных нет никаких шансов. Жители тропиков с их ветхими лачугами окажутся в незавидном положении.

— Мрачноватая перспектива, не так ли?

— Думаю, стоит поискать пещеру, которая позволит всем скрыться глубоко под землей.

— Но нам нужен воздух, чтобы дышать. И что мы будем делать, когда станет совсем холодно?

— Обзаведемся отопительной установкой. Это не так сложно. Нагретый воздух начнет поступать в глубокую пещеру. Этим с удовольствием займутся мировые правительства, которых так обожают Геррик и Королевский астроном. Обустроят для себя милые теплые пещеры, а мы с вами, Марлоу, друг мой, превратимся в сосульки.

— Не настолько же они плохи, — засмеялся Марлоу.

Кингсли продолжал серьезным тоном:

— О, я согласен, что они не станут об этом заявлять в открытую. Всему найдутся объяснения. Когда станет ясно, что спасти удастся лишь маленькую кучку людей, начнут приводиться аргументы о том, что этими счастливчиками должны быть самые ценные представители общества. Когда же все споры утихнут, выяснится, что речь идет о политических элитах, фельдмаршалах, королях, архиепископах и тому подобной братии. Они ведь самые важные, не так ли?

Марлоу понял, что лучше сменить тему.

— Давайте на время забудем о людях. Как насчет животных и растений?

— Все растения, разумеется, погибнут. Но их семена, возможно, уцелеют. Они выдержат низкие температуры и сохранят способность давать ростки, когда установится нормальная температура. Возможно, семян останется в достаточном количестве, чтобы флора планеты смогла восстановиться. С животными все обстоит иначе. Не думаю, что крупные сухопутные животные выживут, за исключением небольшого числа людей и, возможно, тех животных, которых люди возьмут с собой в укрытия. Маленькие ночные животные, покрытые густым мехом, скорее всего, спрячутся глубоко под землей и переживут похолодание, впав в спячку, которая спасет их от голодной смерти.

Морские животные перенесут все легче. Моря, как и атмосфера, являются тепловым резервуаром, только намного более обширным. Температура в морях опустится не сильно, и не исключено, что рыбы не пострадают.

— Мне кажется, в ваших рассуждениях есть некоторая погрешность! — воскликнул Марлоу, не скрывая своего волнения. — Если моря оста-

нутся теплыми, значит, и воздух над морями тоже. И он будет согревать холодный воздух над сушей!

— Я с этим не согласен, — ответил Кингсли. — Нельзя точно сказать, что воздух над морем останется теплым. Моря остынут достаточно сильно, чтобы покрыться льдом, но вода под ним останется достаточно теплой. А как только моря замерзнут, то и особой разницы между воздухом над ними и над сущей уже не будет. Везде установится экстремальный холод.

— К сожалению, ваши слова звучат очень убедительно. В таком случае, выходит, что лучшим местом для укрытия станут подводные лодки?

— Подлодка не сможет всплыть на поверхность из-за льдов, значит, потребуется большой запас кислорода, а это непросто организовать. Корабли тоже ничем не помогут из-за льдов. И у меня есть еще одно возражение касательно вашего аргумента. Даже если бы воздух над морем остался относительно теплым, он все равно не смог бы согреть воздух над сушей — холодный и плотный, он привел бы к возникновению поразительно устойчивых антициклонов. Холодный воздух остался бы над сушей, а теплый — над морем.

— Кингсли, послушайте, — рассмеялся Мар-

лоу, — вашему пессимизму все равно не заглушить мой оптимизм. А что вы скажете на это — не исключено, что внутри самого Облака может обнаружиться достаточно ощутимое тепловое излучение? Само Облако может быть теплым и тем самым компенсирует отсутствие солнечного света при условии, если мы окажемся внутри Облака, а ведь это еще не точно!

— Мне всегда казалось, что температура внутри межзвездных облаков очень низкая.

— Но ведь это необычное облако, оно намного плотнее и меньше, а следовательно, температура внутри него может быть какой угодно. Разумеется, она не может оказаться экстремально высокой, иначе Облако бы ярко сияло, но может быть достаточно высокой, чтобы обеспечить нас необходимым теплом.

— Вы говорите «оптимизм»? Тогда что мешает Облаку оказаться таким горячим, что оно спалит нас всех? Я не думал, что у нас возникнут разногласия насчет его температуры. Но, если честно, такая вероятность нравится мне еще меньше. Если Облако окажется очень горячим, это обернется настоящей катастрофой.

— В таком случае нам придется спрятаться под землю и заморозить запасы воздуха.

— Но в этом нет ничего хорошего. Семена растений способны выдержать холод, но не сильный жар. Даже если человеку удастся выжить, вся флора при этом погибнет.

— Семена можно хранить в пещерах вместе с людьми, животными и холодильными установками. Бог мой, да мы утрем нос старине Ною!

— И, возможно, какой-нибудь Сен-Санс из будущего напишет об этом музыку.

— Что ж, Кингсли, пусть этот разговор и не особенно успокоил меня, однако он поднял одну очень важную проблему. Мы должны выяснить температуру внутри Облака, и сделать это необходимо немедленно. Кажется, появилась еще одна работа для радиоастрономов.

— Вы про 21-сантиметровую волну? — спросил Кингсли.

— Верно! Ведь у вас в Кембридже есть команда, которая может это сделать?

— Они только недавно начали эти игры с линией нейтрального водорода. Но, думаю, им удастся быстро найти ответ на наш вопрос. Я свяжусь с ними, как только мы вернемся.

— Да, и обязательно сообщите мне о результатах, как только сможете. Знаете, Кингсли, пускай я и не согласен со всем, что вы сказали о поли-

тиках, мне самому не очень нравится, что мы не способны ни на что влиять. Но один я ничего не смогу сделать. Геррик попросил меня держать все в секрете, он мой босс, и я должен выполнять его распоряжения. Но вы — сам себе хозяин, тем более после того, что наговорили ему вчера. Так что вы можете заняться этим исследованием. И я бы посоветовал вам не терять время.

— Не волнуйтесь, я сразу приступлю к работе.

Обратно они ехали долго и только к вечеру, миновав горный перевал, спустились к Сан-Бернардино. В городке Аркадия они отлично поужинали в ресторане, который выбрал Марлоу.

— Знаете, я не большой любитель вечеринок, — признался Марлоу, — но будет неплохо, если мы с вами проведем этот вечер вдали от ученых. Один мой друг — крупный бизнесмен из Сан-Марино — пригласил меня в гости.

— Но я не могу взять и явиться без приглашения.

— Ерунда! Конечно, вы можете поехать со мной. Вы — наш гость из Англии и станете звездой вечера. Не удивлюсь, если с полдюжины киномагнатов из Голливуда сразу же захотят подписать с вами контракт.

— Вот и еще одна причина не ездить туда, — сказал Кингсли. И все-таки он принял предложение.

Дом Сайласа Ю. Крушенка — успешного торговца недвижимостью — был большим, просторным и со вкусом обставленным. Марлоу оказался прав. Кингсли приняли с большой радостью и тут же сунули ему в руку здоровенный стакан со спиртным напитком — Кингсли решил, что это бурбон.

— Вот и замечательно, — сказал мистер Крушенк. — Теперь все в сборе.

Какова была цель этого «сбора», Кингсли так и не выяснил.

После обмена любезностями с вице-президентом авиакомпании, директором большой фирмы по выращиванию фруктов и другими добропорядочными господами Кингсли наконец разговорился с хорошенькой темноволосой девушкой. Вскоре их перебила привлекательная светловолосая дама, которая взяла обоих за руки.

— Поехали с нами, — сказала она низким хрипловатым, но хорошо поставленным голосом. — Мы собираемся к Джиму Холлидею.

Когда Кингсли увидел, что Темненькая собирается принять предложение Хриплоголосой, он

решил, что и ему стоит согласиться. Кингсли не видел смысла беспокоить Марлоу, так как сам мог найти дорогу до отеля.

Дом Джима оказался намного меньше резиденции мистера Крушенка, но все же там смогли расчистить небольшое пространство для танцев, на котором тут же начали плясать две или три пары под сиплые звуки граммофона. Принесли еще напитки. Кингсли этому обрадовался, так как его нельзя было назвать выдающимся танцором. Темноволосую девушку дважды приглашали на танец, и Кингсли, несмотря на выпитый виски, сразу почувствовал к этим мужчинам сильную неприязнь. Он решил немного поразмышлять о судьбе мира, пока ему не удастся освободить девушку из лап этих невежд. Но ничего не получилось. К нему подошла Хриплоголосая.

— Потанцуем, дорогой? — предложила она.

Кингсли изо всех сил старался приноровиться к медленному темпу, но одобрения партнерши ему так и не удалось завоевать.

— Дорогуша, почему бы тебе не расслабиться? — прошептала она.

Мало что могло озадачить Кингсли настолько же сильно, как это предложение расслабиться в заполненной людьми комнате. Он что, должен

был повиснуть на Хриплоголосой, чтобы она его держала?

Кингсли решил сказать ей в ответ такую же чушь:

— Знаете, я никогда не замерзаю. А вы?

— Ой, это, черт возьми, так мило! — страстно прошептала женщина.

В отчаянии Кингсли вывел ее из толпы танцующих, взял свой стакан и сделал большой глоток. Яростно бормоча себе под нос, он устремился в прихожую, где, кажется, видел телефон.

— Эй, вы что-то ищете?

Это была темноволосая девушка.

— Хочу вызвать такси. Если процитировать одну старую песенку: «Я устал и хочу в кровать».

— Разве можно говорить такое порядочной девушке? А если серьезно, то я тоже уезжаю. У меня машина, могу подвезти. Так что такси не понадобится.

Девушка лихо гнала авто через окраины Пасадины.

— Ездить слишком медленно опасно, — объяснила она. — По ночам копы выслеживают пьяных и тех, кто возвращается с вечеринок. Но они не станут тормозить машины, которые едут слишком быстро. А если будешь ехать медленно,

тебя сразу заподозрят. — Она включила свет на приборной панели, чтобы проверить скорость. А потом посмотрела расход горючего. — Черт, у меня бензин на исходе. Нужно заехать на ближайшую заправку.

Но когда она собралась расплачиваться с сотрудником заправки, ее сумочки в машине не оказалось. Кингсли заплатил за бензин.

— Ума не приложу, где я могла ее оставить, — сказала она. — Я думала, сумочка на заднем сиденье.

— Денег было много?

— Мелочь. Но я теперь не знаю, как попаду к себе домой. Ключи остались в сумочке.

— Да, очень неудобно. К сожалению, я не большой мастер взламывать замки. Может, получится забраться в окно?

— Думаю, да, если мне помочь. Я всегда держу окно открытым, но оно высоко. Одна я в него не залезу, только если вы меня поддержите. Вы не против? Это недалеко отсюда.

— Совсем нет, — сказал Кингсли. — Мне еще не доводилось играть роль грабителя.

Девушка не обманула насчет высокого окна. Чтобы забраться в него, нужно было встать на плечи другого человека. Маневр оказался не из

легких.

— Наверное, лучше полезу я, — сказала девушка. — Я легче вас.

— А мне вместо роли отчаянного взломщика придется послужить вам ковриком?

— Точно, — сказала девушка, снимая туфли. — Присядьте, а я заберусь вам на плечи. Не так низко, а то не сможете встать.

Девушка едва не соскользнула, но удержалась, схватив Кингсли за волосы.

— Голову только не оторвите, — проворчал он.

— Простите. Я знала, что не стоит пить столько джина.

Наконец все получилось. Она распахнула окно и пролезла в него плечами вперед. Кингсли подобрал ее туфли и подошел к двери. Девушка открыла ему.

— Заходите, — сказала она. — Все чулки себе порвала. Вы же не постесняетесь войти?

— А чего стесняться? Я просто хочу, чтобы вы вернули мне мой скальп, если он вам больше не нужен.

На следующий день Кингсли появился в обсерватории только ближе к ланчу. Он сразу отправился в кабинет директора, где обнаружил Геррика, Марлоу и Королевского астронома.

«Боже мой, ну и вид! Он хорошо погулял», — подумал про себя Королевский астроном.

«Господи, кажется, виски пошло ему на пользу», — подумал Марлоу.

«Он выглядит еще более неуравновешенным», — подумал Геррик.

— Так, так, вы закончили составлять ваши отчеты? — спросил Кингсли.

— Все готово и ждет вашей подписи, — ответил Королевский астроном. — Мы все гадали, куда же вы запропастились. У нас уже куплены билеты на вечерний рейс.

— Куплены билеты? Чушь. Сначала мы пролетели через половину земного шара, добирались через эти чертовы аэропорты, а теперь, когда мы здесь, греемся на солнышке, вы предлагаете лететь обратно? Да это же просто смешно, К. а.! Почему бы вам не расслабиться?

— Кажется, вы забыли, что у нас есть важные дела.

— Дела, и правда, важные. И я готов заниматься ими вместе с вами. Но хочу вам со всей серьезностью заявить, что ни вы, ни кто-либо еще эту проблему все равно решить не сможете. Черное Облако движется своим путем, и ни вы, ни вся королевская конница, ни вся королевская

рать, ни даже сам король его не остановят. Так что советую забыть про всю эту чушь с отчетом. И пойти позагорать на солнышке, пока оно еще не скрылось от нас.

— Мы уже знали о ваших взглядах, доктор Кингсли, когда вместе с Королевским астрономом приняли решение лететь сегодня вечером на восток, — спокойным тоном прервал его Геррик.

— Как я понимаю, вы собираетесь в Вашингтон, доктор Герррик?

— Я уже договорился о встрече с секретарем президента.

— В таком случае, думаю, будет лучше, если мы с Королевским астрономом без промедлений вылетим в Англию.

— Кингсли, именно это мы и пытались вам сказать, — проворчал Королевский астроном, подумав о том, что ему никогда еще не доводилось встречать такого недогадливого человека.

— Но вы мне сказали не совсем это, К. а., хотя, возможно, и считаете иначе. Теперь насчет подписей. Подписать надо в трех экземплярах, как я понимаю?

— Нет, будут две копии. Одна — для меня, вторая — для Королевского астронома, — ответил Геррик. — Подпишите вот здесь.

Кингсли взял ручку, дважды начеркал свою подпись и сказал:

— К. а., вы уверены, что билеты на самолет до Лондона заказаны?

— Да, разумеется.

— Тогда все в порядке. Что ж, джентльмены, начиная с пяти часов я к вашим услугам. Найдете меня в номере отеля. А сейчас мне нужно уладить несколько важных дел.

С этими словами Кингсли покинул обсерваторию.

Оставшиеся в кабинете Геррика астрономы удивленно переглянулись.

— Какие еще важные дела? — спросил Марлоу.

— Бог его знает, — ответил Королевский астроном. — Я совершенно не понимаю ни хода его мыслей, ни его поступков.

Геррик вышел из самолета в Вашингтоне. Кингсли и Королевский астроном полетели до Нью-Йорка, где им пришлось три часа ждать самолет до Лондона. Были сомнения, удастся ли им взлететь из-за тумана. Кингсли сильно нервничал, пока наконец не объявили посадку через выход номер 13 и не попросили подготовить посадочные талоны. Через полчаса самолет поднялся в воздух.

— Слава богу, — проговорил Кингсли, когда они полетели на северо-восток.

— Я согласен, что вам за многое стоит поблагодарить Господа, но не понимаю, почему вы решили сделать это именно сейчас?

— Я бы с радостью вам это объяснил, К. а., если бы был уверен, что вы отнесетесь к моим объяснениям с одобрением. А поскольку такой уверенности у меня нет, давайте лучше просто выпьем. Что будете вы?

Различные мероприятия

Правительство США стало первым официальным органом, которому стало известно о появлении Черного Облика.

Геррику понадобилось несколько дней, чтобы добраться до высших чинов в администрации президента, но дальнейшие результаты не разочаровали его. Вечером 24 января он получил распоряжение явиться на следующий день в девять тридцать утра в офис президента.

— Вы имеете дело с весьма странным явлением, доктор Геррик, весьма странным, — сказал президент. — Но вы и ваша команда в Маунт-Вилсоне настолько хорошо себя зарекомендовали, что я не буду тратить время на сомнения по поводу услышанного. Я пригласил сюда этих джентльменов, чтобы прийти к решению по поводу наших дальнейших действий.

После двух часов обсуждений министр финансов подвел итог:

— Наши выводы довольно ясны, господин президент. В данном случае существует два благоприятных фактора, способных предотвра-

тить серьезные экономические потрясения. По заверениям доктора Геррика, этот… э-э… визит продлится не больше месяца. Период настолько короткий, что даже если в течение него сильно возрастет расход топлива, общее его количество, необходимое для наших нужд в период экстремальных холодов, все равно останется достаточно умеренным. Соответственно, не возникнет никаких серьезных проблем с созданием значительных топливных запасов — возможно, нам хватит того, что у нас сейчас есть в наличии. Намного важнее, удастся ли нам в короткие сроки распорядиться этими запасами для бытовых и промышленных нужд и перекачивать газ с нефтью достаточно быстро. Мы должны изучить этот вопрос, однако за полтора года можно справиться с любыми трудностями.

Второй благоприятный фактор связан с датой предполагаемого визита. К середине июля, когда, по заявлениям доктора Геррика, это может произойти, мы успеем собрать значительную часть урожая. Подобная благоприятная ситуация распространяется и на остальную часть мира, поэтому потери продовольствия окажутся умеренными. Если бы похолодание грозило нам в мае или июне, все обстояло бы намного

серьезнее.

— В таком случае, думаю, мы все пришли к согласию о том, какие шаги необходимо немедленно предпринять, — добавил президент. — После того как мы определимся с нашими планами, нам придется подумать о более щекотливой проблеме, связанной с той помощью, которую мы можем предложить людям всего мира. Но сперва все же сосредоточимся на наших внутренних задачах. Как я понимаю, вы, джентльмены, хотите поскорее вернуться к вашим важным делам, а мне необходимо лично задать мистеру Геррику несколько вопросов.

Когда все разошлись, и они остались одни, президент продолжил:

— Итак, мистер Геррик, вы понимаете, что пока все это должно оставаться тайной? Я вижу, что под отчетом, кроме вашего имени, стоят еще три. Эти джентльмены — ваши сотрудники? Вы можете также сообщить мне имена тех, кому еще известно о содержании этого документа?

В ответ Геррик коротко обрисовал президенту обстоятельства, которые привели к открытию, и указал, что информация неизбежно должна была стать достоянием сотрудников обсерватории еще до того, как они узнали о ее значимости.

— Конечно, это совершенно естественно, — заметил президент. — Хорошо, что информация пока не покинула стен обсерватории. Я надеюсь, *искренне надеюсь*, доктор Геррик, что вы можете заверить меня в этом.

Геррик ответил, что, насколько ему было известно, помимо сотрудников обсерватории полной информацией о Черном Облаке располагало всего четверо: Барнетт и Уайчарт из Калифорнийского технологического института — но на них можно было положиться целиком и полностью, — а также двое английских ученых, доктор Кристофер Кингсли из Кембриджа и Королевский астроном собственной персоной. Их фамилии стояли внизу отчета. Президента этот ответ сильно встревожил.

— Двое англичан! — воскликнул он. — Это плохо. Как такое могло случиться?

Геррик понял, что президент прочитал только краткий синопсис отчета, и объяснил ему, как Кингсли и Королевский астроном самостоятельно узнали о существовании Облака, как Кингсли отправил телеграмму в Пасадину и как двух англичан пригласили в Калифорнию. Президент немного успокоился.

— А, так они оба в Калифорнии? Вы правильно

поступили, что пригласили их, даже не представляете, насколько правильно, доктор Геррик.

В этот момент Геррик вдруг понял, почему Кингсли так внезапно захотел вернуться в Англию.

Несколько часов спустя во время перелета на Западное побережье Геррик все еще продолжал размышлять о своем визите в Вашингтон. Он не ожидал услышать от президента спокойный, но строгий выговор, а также не думал, что его так быстро отправят обратно домой. Как ни странно, но явный выговор не особенно сильно встревожил его. Он считал, что выполнил свой долг, а единственный критик, которого Геррик действительно боялся, был он сам.

Королевскому астроному также потребовалось несколько дней, чтобы добраться до представителей правительства. Свой путь на вершину он начал с первого лорда Адмиралтейства. И все произошло бы намного быстрее, если бы он захотел прямо сообщить о своих целях. Однако Королевский астроном лишь заявил, что желает поговорить с премьер-министром. В конце концов ему удалось добиться встречи с личным секретарем премьера — молодым человеком по имени Фрэнсис Паркинсон. Паркинсон честно

предупредил, что премьер-министр сильно занят. Королевский астроном должен был знать, что помимо обычных государственных дел, ему предстояло присутствовать на одной очень деликатной международной конференции — весной в Лондон прилетал Неру, к тому же премьер-министр собирался посетить Вашингтон. И если Королевский астроном не сообщит, по какому вопросу он хочет видеть премьера, то встреча просто не состоится. Разумеется, дело должно быть чрезвычайно важности, иначе, к большому сожалению, ему не удастся оказать никакого содействия. Королевский астроном сдался и коротко рассказал Паркинсону об истории с Черным Облаком. Два часа спустя он снова докладывал о ситуации, теперь во всех подробностях премьер-министру.

На следующий день премьер-министр собрал срочное совещание Внутреннего кабинета, на которое был также приглашен министр внутренних дел. Паркинсон выполнял на встрече функцию секретаря. Зачитав довольно точный конспект отчета Геррика, премьер-министр обвел взглядом присутствующих и произнес:

— Я собрал вас всех, скорее чтобы познакомить с фактами этого дела, которое может привести

к серьезным последствиям, а не для того, чтобы обсуждать срочные меры, которые необходимо принять. В первую очередь мы должны удостовериться в правильности приведенных здесь фактов.

— И как мы это сделаем? — спросил министр иностранных дел.

— Что ж, для начала я попросил Паркинсона, не привлекая к себе излишнего внимания, проверить репутацию этих джентльменов в… э-э-э… научных кругах. Возможно, вам захочется выслушать его?

Собравшиеся подтвердили свое желание узнать мнение секретаря. Паркинсон заговорил немного смущенным тоном:

— Добыть достоверные сведения оказалось непросто, особенно в отношении двоих американцев. Но я обратился к своим друзьям из Королевского научного сообщества, и они подтвердили, что любой документ, на котором стоят подписи Королевского астронома или сотрудников обсерватории Маунт-Вилсон, является абсолютно достоверным. По крайней мере, в отношении того, что касалось наблюдений. Однако в дедуктивных способностях четырех ученых, подписавших документ, мои друзья уже не так

уверены. Как я понимаю, из них только Кингсли может претендовать на звание эксперта в этой области.

— Что вы имеете в виду под «может претендовать»? — уточнил лорд-канцлер.

— Видите ли, Кингсли — выдающийся ученый, но не все считают его психически здоровым.

— Значит, получается, что большая часть выводов, приведенных в этом отчете, сделана одним человеком, выдающимся ученым, но при этом не совсем нормальным? — спросил премьер-министр.

— Судя по тому немногому, что мне удалось выяснить, можно сказать и так, хотя это чересчур бескомпромиссная формулировка, — ответил Паркинсон.

— Возможно, — продолжал премьер-министр, — но в любом случае это дает нам основания для некоторой доли скептицизма. Очевидно, что мы должны все детально изучить. Теперь мне хотелось бы обсудить с вами те меры, которые необходимо предпринять для получения более подробной информации. Например, можно обратиться в Совет Королевского научного общества, чтобы они создали комитет, который детально все изучит. Другой возможный вариант решения

проблемы — обратиться напрямую к правительству США, без сомнения, они также должны быть сильно озабочены достоверностью или, все же лучше сказать, точностью данных, предоставленных профессором Кингсли и остальными учеными.

После нескольких часов обсуждений министры пришли к заключению о необходимости незамедлительно обратиться к правительству США. Принятию решения во многом поспособствовала активная позиция министра иностранных дел, который не поскупился на аргументы в поддержку этого варианта, позволяющего заняться решением вопроса его ведомству.

— При обращении в Королевское научное сообщество, насколько бы привлекательным ни казался нам этот путь, — сказал он, — нам неизбежно придется сообщить некоторому числу людей факты, которые на данном этапе лучше всего сохранить в тайне. Думаю, что мы все согласимся с этим.

Все согласились. Правда министр обороны поинтересовался:

— А какие можно предпринять шаги, чтобы ни Королевский астроном, ни доктор Кингсли не начали бы сеять панику своими интерпретациями

предполагаемых фактов?

— Это очень важный и деликатный вопрос, — ответил премьер-министр. — И я уже думал о нем. Поэтому я и пригласил на встречу министра внутренних дел. Я собирался позже обсудить с ним это.

Все практически единодушно согласились, что вопрос стоит оставить для обсуждения премьер-министра с министром внутренних дел, после чего совещание закончилось. Лорд-канцлер в задумчивости удалился в свой кабинет. Он единственный из всех присутствовавших на встрече не на шутку встревожился, так как лишь ему было известно, в каком шатком положении находилась экономика страны и как легко превратить ее в руины. Министр иностранных дел, напротив, гордился собой. Он считал, что прекрасно выступил на собрании. Министр обороны считал, что все это дело — лишь буря в стакане воды и в любом случае никак не относилось к его ведомству. Он вообще не понимал, зачем его вызвали.

Министр внутренних дел, однако же, был рад, что его пригласили на совещание и с удовольствием остался после него для дальнейшей беседы с премьер-министром.

— Я уверен, — сказал он, — что нам удастся найти какой-нибудь законодательный акт, который позволит изолировать этих двоих: Королевского астронома и того ученого из Кембриджа.

— Я в этом тоже не сомневаюсь, — ответил премьер-министр, — не случайно же столько веков составлялся наш свод законов. Но хорошо бы подойти к этому вопросу тактично. Я уже имел возможность побеседовать с Королевским астрономом. Мы все обсудили, и, судя по тому, что он сказал, думаю, мы можем рассчитывать на его благоразумие. Однако из всего им сказанного я понял, что с доктором Кингсли дела обстоят иначе. Поэтому мы должны без промедления связаться с этим доктором Кингсли.

— Я прямо сейчас пошлю кого-нибудь в Кембридж.

— Не кого-нибудь! Вы сами туда поедете. Доктору Кингсли… скажем так, польстит то, что вы решили встретиться с ним лично. Позвоните ему и скажите, что будете в Кембридже завтра утром, так как хотите посоветоваться по одному важному вопросу. Думаю, это будет самый простой и эффективный способ.

После возвращения в Кембридж Кингсли работал не покладая рук. Он с наибольшей пользой

распорядился теми несколькими днями, пока колеса политической машины еще не пришли в движение. Написал и отправил за границу много заказных писем. Проницательный наблюдатель обратил бы особое внимание на два имени: Грета Йохансон из Осло и мадемуазель Иветт Хедельфорт из университета Клермон-Ферран, так как это были единственные женщины среди его адресатов. Также внимание привлекло бы письмо Алексею Ивановичу Александрову. Кингсли надеялся, что оно доберется до адресата, хотя и не был уверен, как и в отношении другой корреспонденции, отправляемой в Россию. Разумеется, русские и западные ученые при встречах на международных конференциях изыскивали способы обмениваться письмами. И, конечно, эти способы хранились в строжайшем секрете, пускай о них и знало достаточно много людей. Поэтому, несмотря на все препятствия, многим из этих писем удавалось обходить все цензурные ограничения. Но никогда ничего не знаешь наверняка. И все же Кингсли надеялся на лучшее.

Однако больше всего Кингсли общался с отделом радиоастрономов. Он досаждал Джону Мальборо и его коллегам, чтобы те вели тщательные наблюдения за Облаком, приближающимся

к Земле, к югу от Ориона. Ему потребовалась большая изобретательность, чтобы убедить их заняться этим делом. В Кембридже только недавно появилось оборудование для работы с 21-сантиметровыми волнами, к тому же Мальборо хотел провести много других наблюдений. Однако в конце концов Кингсли удалось добиться своего, не рассказав при этом об истинных причинах. И как только радиоастрономы приступили к наблюдениям за Облаком, результат оказался настолько ошеломляющим, что команда Мальборо уже не нуждалась в дальнейших увещеваниях. Совсем скоро они начали работать сутки напролет. Кингсли с большим трудом успевал изучать их результаты и извлекать самое важное.

Когда на четвертый день Кингсли встретился с Мальборо за ланчем, последний был воодушевлен и взбудоражен. Решив, что пришел подходящий момент, Кингсли как бы невзначай заметил:

— Очевидно, что в самое ближайшее время мы должны подготовить материал для публикации. Но сначала стоит получить кое-какие подтверждения. Я тут подумал, что, возможно, кому-то из нас стоит написать Лестеру.

Мальборо проглотил наживку.

— Отличная идея, — поддержал он. — Я сам это сделаю. Давно уже стоило написать Лестеру, к тому же мне хочется рассказать ему еще кое о чем.

Кингсли прекрасно знал, что на самом деле Лестер опередил Мальборо в паре исследований, и Мальборо надеялся, что у него теперь появилась возможность утереть коллеге нос.

Мальборо действительно написал Лестеру в Университет Сиднея, впрочем, Кингсли тоже сделал это (не поставив Мальборо в известность). Оба письма содержали примерно один и тот же материал, но Кингсли добавил несколько косвенных намеков, которые имели большое значение только для тех, кто знал об угрозе, исходившей от Черного Облака. Лестер, разумеется, был не из их числа.

Когда на следующее утро после лекции Кингсли вернулся в колледж, его окликнул взволнованный привратник:

— Доктор Кингсли, вам тут очень важное письмо!

Письмо пришло от министра внутренних дел, который сообщал, что с удовольствием побеседует с профессором Кингсли в три часа дня.

«Поздновато для ланча, но слишком рано для чая. Хотя не исключено, что он приготовит мне

хорошее угощение», — подумал Кингсли.

Министр внутренних дел проявил небывалую пунктуальность. Часы в колледже Тринити пробили ровно три, когда тот же самый привратник, по-прежнему сильно взволнованный, сопроводил министра в комнату Кингсли.

— Сэр, к вам министр внутренних дел, — важным голосом объявил он.

Министр внутренних дел был одновременно резок и деликатен. Он сразу же перешел к сути. Отчет, который правительство получило от Королевского астронома, удивил и, возможно, немного встревожил его. Все понимали, насколько важную роль в его составлении сыграли необыкновенные дедуктивные способности профессора Кингсли. Поэтому он, министр внутренних дел, специально приехал в Кембридж, преследуя сразу две цели: выразить восхищение той поразительной скоростью, с которой профессор Кингсли смог провести анализ этого феномена, а также сообщить, что правительство с удовольствием готово постоянно находиться с ним на связи, чтобы иметь возможность в любой момент обратиться за советом.

Кингсли понимал, что ему особенно нечего было возразить против этой хвалебной речи,

и постарался как можно более искренне выразить свое желание оказать любую посильную помощь.

Министр с радостью отреагировал на его заверения, а затем как бы мимоходом добавил, что премьер-министра интересует еще один вопрос, возможно, пустяковый, однако министр внутренних дел все же считает, что он требует деликатного подхода. А вопрос этот связан с тем, что число лиц, располагающих информацией о текущей ситуации, должно быть ограничено по минимуму. А точнее, всей информацией могут располагать только: профессор Кингсли, Королевский астроном, премьер-министр и внутренний кабинет министров, членом которого он, министр внутренних дел, в данном случае считается.

«Хитрый черт, — подумал Кингсли, — пытается заставить меня делать то, чего я совершенно не хочу. Если я сразу откажу, это будет выглядеть очень грубо. Нельзя так поступать с гостем. Придется немного промариновать его».

Вслух же он сказал:

— Вы можете не сомневаться, что я все понимаю и отдаю себе отчет в том, насколько естественно ваше желание держать происходя-

щее в секрете. Но есть ряд трудностей, которые необходимо принимать во внимание. Во-первых, времени очень мало, ведь шестнадцать месяцев — весьма небольшой период. Во-вторых, нам необходимо срочно узнать ряд фактов, касающихся Облака. В-третьих, эти факты не удастся выяснить в обстановке строгой секретности. Мы с Королевским астрономом, скорее всего, не справимся без посторонней помощи. В-четвертых, любая секретность — понятие временное. Другие могут прийти к точно таким же заключениям, которые содержатся в отчете Королевского астронома. В лучшем случае у вас есть пара месяцев. И как бы там ни было, но к осени об это узнают все, кто хотя бы раз взглянет на небо.

— Профессор Кингсли, вы меня не понимаете. Я имею в виду исключительно текущий момент. Как только будет определен курс дальнейших действий, мы дадим этому делу полный ход. Все, кому необходимо сообщить об Облаке, будут проинформированы. Никакого замалчивания не произойдет. Мы просим только соблюдать строгие меры предосторожности до тех пор, пока не будет разработан план. Разумеется, нам не хочется, чтобы поползли разные слухи, прежде чем мы мобилизуем все наши силы, вы уж извините

за эту армейскую аналогию.

— Мне очень жаль, сэр, но эти ваши рассуждения меня не особенно убедили. Вы говорите о необходимости разработать план действий, чтобы в дальнейшем ему следовать. Но это все равно что ставить телегу впереди лошади. Поверьте мне, нельзя разработать действенный план, пока вы не располагаете достаточной информацией. Например, мы пока не знаем, долетит ли Облако до Земли. Нам не известно, является ли материя, из которой состоит Облако, ядовитой. В данный момент мы склонны считать, что с появлением Облака может наступить сильное похолодание, но возможен и обратный эффект. Не исключено, что станет очень жарко. И до тех пор пока мы все это не выясним, любые политические и социальные меры не имеют никакого смысла. Единственный разумный курс действий — безотлагательно собрать всю относящуюся к делу информацию, а это, я повторяю, невозможно в обстановке строгой секретности.

Кингсли стало интересно, сколько еще продлится эта светская беседа в лучших традициях восемнадцатого века. Возможно, стоило поставить чайник и приготовить чай?

Однако развязка стремительно приближалась.

Два этих человека были слишком разными по складу мыслей, а потому просто не могли беседовать дольше получаса. Когда министр внутренних дел говорил с кем-то, он ставил перед собой задачу сделать так, чтобы его собеседник начал действовать согласно определенному, заранее обусловленному плану. Ему было совершенно все равно, как добиться желаемого, главное, чтобы все вышло так, как он хотел. В ход шли любые средства: лесть, попытки обратиться к здравому смыслу, социальное давление, удовлетворение амбиций или даже откровенное запугивание. В большинстве случаев, как и все администраторы, он считал, что такие аргументы, имеющие в своей основе сильный эмоциональный фактор, но преподнесенные, казалось бы, с применением логики, лучше всего помогают достичь успеха. Но действительно строгой логике министр никогда не находил применение. С другой стороны, Кингсли следовал строгой логике во всем — ну, или почти во всем.

И в тот момент министр внутренних дел совершил ошибку.

— Мой дорогой профессор Кингсли, боюсь, вы нас недооцениваете. Можете быть уверены, что при составлении наших планов мы учтем самые

худшие из возможных сценариев.

Кингсли вскочил.

— Тогда, боюсь, вам придется подготовиться к ситуации, когда все мужчины, женщины и дети погибнут и на планете не останется ни животных, ни растений. Я могу поинтересоваться, какой план у вас заготовлен на такой случай?

Министр внутренних дел был не из тех, кто продолжает упорствовать, когда спор проигран. Если он заходил в тупик, то просто менял тему и даже не вспоминал о том, что обсуждалось прежде. Он решил, что как раз настал подходящий момент, и, таким образом, сделал вторую, еще более серьезную ошибку.

— Профессор Кингсли, я пытался представить вам все с объективной точки зрения, но вы ставите меня в довольно неловкое положение. Поэтому давайте-ка начистоту: мне ведь не стоит говорить вам, что, если эта ваша история станет достоянием общественности, последствия могут быть весьма серьезными.

Кингсли только застонал в ответ.

— Мой дорогой друг, — сказал он, — это, конечно, кромешный ужас. И правда, могут возникнуть весьма и весьма серьезные последствия! Я-то прекрасно представляю, насколько серьезными они

будут, если от нас заслонят Солнце. Ваше правительство уже придумало, как это предотвратить?

Министр внутренних дел с трудом сдерживал себя.

— Вы продолжаете утверждать, что Солнце непременно «заслонят», выражаясь вашими словами. Позвольте сказать вам откровенно, мы в правительстве навели кое-какие справки, и нас не удовлетворила точность ваших исследований.

Кингсли возмутило это заявление.

— Что?!

Министр внутренних дел продолжил свою атаку:

— Возможно, вам это еще не приходило в голову, профессор Кингсли, но давайте на минуточку предположим, что вся эта история просто пшик, буря в стакане воды, химера. Вы представляете себе, профессор Кингсли, в каком окажетесь положении после того, как всполошите общественность из-за полнейшей ерунды? Могу вас совершенно серьезно заверить: финал у такой истории возможен только один, причем весьма *значительный*.

Кингсли взял себя в руки. Но внутри у него все закипало.

— Я не могу выразить, насколько благодарен вам за эту заботу. Меня также удивляет то, насколько внимательно правительство ознакомилось с нашим отчетом. Если честно, то я потрясен. Даже жаль, что вы не изучили с такой же тщательностью и другие вопросы, в которых вы вроде как должны разбираться не на таком дилетантском уровне.

Министр внутренних дел перестал церемониться с собеседником. Он поднялся, взял шляпу с тростью и сказал:

— Любое ваше заявление, профессор Кингсли, будет расцениваться как серьезное нарушение нашего Закона о государственной тайне. В последние годы нам приходилось нередко сталкиваться с ситуациями, когда ученые ставили себя выше закона и общественных интересов. Вы можете себе представить, что с ними случилось. Всего хорошего.

Впервые голос Кингсли прозвучал властно и резко:

— Позвольте обратить ваше внимание, господин министр внутренних дел, что любые попытки правительства ограничить мою свободу передвижения, без сомнения, лишат вас всяких шансов сохранить какую бы то ни было секрет-

ность. До тех пор, пока широкая общественность ничего не знает о случившемся, вы в моих руках.

Когда министр внутренних дел ушел, Кингсли посмотрел на себя в зеркало и улыбнулся.

— Думаю, я неплохо сыграл свою роль, но все-таки жаль, что пришлось заниматься этим у себя дома.

Дальнейшие события стали развиваться стремительно. В Кембридж прибыла группа сотрудников МИ-5. Пока Кингсли обедал в столовой колледжа, его квартиру обыскали. Обнаружили длинный перечень его корреспондентов, с которого сразу же сняли копию. Почтовое отделение предоставило список писем, отправленных Кингсли после своего возвращения из США. Сделать это оказалось просто, так как все письма были заказными. Выяснилось, что, вероятно, только одно из этих писем — письмо доктору Х. С. Лестеру из Сиднейского университета — все еще не доставлено адресату. Из Лондона полетели срочные телеграммы, и через несколько часов письмо удалось перехватить в Дарвине, в Австралии. Его содержание в виде шифровки переслали в Лондон.

На следующий день ровно в десять утра на Даунинг-стрит, 10, было созвано совещание.

Присутствовали министр внутренних дел, сэр Гарольд Стэндард — глава МИ-5, Фрэнсис Паркинсон и премьер-министр.

— Итак, джентльмены, — начал премьер-министр, — у вас у всех была возможность изучить все факты, и, думаю, мы все согласны, что с этим Кингсли нужно что-то делать. Тот факт, что одно из писем отправлено в СССР, а также содержание перехваченного письма не оставляют нам другого выхода, кроме как действовать незамедлительно.

Остальные молча кивнули.

— Остается только решить, — продолжил премьер-министр, — какие именно меры необходимо предпринять.

У министра внутренних дел не оставалось никаких сомнений на этот счет. Он был сторонником немедленного заключения под стражу.

— Не думаю, что нам стоит настолько серьезно относиться к угрозе огласки, которая исходит от Кингсли. Мы в силах перекрыть явный источник утечки информации. И хотя это может нанести нам некоторый урон, его масштабы будут невелики, возможно, намного меньше, чем если мы попытаемся пойти на какой-либо компромисс.

— Я согласен, что мы можем перекрыть оче-

видный источник утечки, — согласился Паркинсон. — Но как быть с неочевидными источниками? Сэр, я могу говорить откровенно?

— Почему нет? — ответил премьер-министр.

— Так вот, я немного волновался на нашей прошлой встрече, когда отчитывался перед вами о Кингсли. Я сказал, что многие ученые считают его умным, но неуравновешенным, и в этом отношении совершенно точно передал их точку зрения. Но я не упомянул, что ни в одной сфере профессиональная зависть не разрослась еще до таких масштабов, как в научном мире, и эта зависть просто не позволит признать кого-нибудь одновременно блестящим ученым и нормальным человеком. Если честно, сэр, я очень сомневаюсь, что в отчете Королевского астронома есть какие-либо серьезные ошибки.

— И к чему вы клоните?

— Понимаете, сэр, я изучил отчет очень тщательно, и у меня сложилось некоторое представление о характерах и способностях людей, которые его подписали. Видите ли, человеку, обладающему интеллектом Кингсли, не составило бы ни малейшего труда обнародовать эту ситуацию, если бы у него было такое желание. Если бы мы смогли медленно опутать его сетью,

настолько медленно, что он ничего бы не заподозрил, то, возможно, наши старания увенчались бы успехом. Но он, разумеется, догадывается, что его могут схватить. Поэтому я хотел бы задать сэру Гарольду вот какой вопрос. Сможет ли Кингсли организовать утечку информации, если мы арестуем его внезапно?

— Я боюсь, что мистер Паркинсон совершенно прав, — начал сэр Гарольд. — Мы можем предотвратить утечку в такие привычные для нас средства массовой информации, как печатная пресса или радио, *наше радио*. Но удастся ли нам помешать утечке на радио Люксембурга или ее распространению через множество других каналов? Без сомнения, будь у нас больше времени, нам удалось бы это сделать. Но за один день, боюсь, ничего не выйдет. И еще один момент, — продолжил он, — как только вся правда всплывет, она распространится словно лесной пожар даже без помощи газет и радио. Это будет одна из тех цепных реакций, о которых так много говорят в последнее время. И помешать ее распространению будет очень сложно, так как источник может обнаружиться где угодно. Кингсли достаточно оставить документы в одном из тысячи возможных мест с указанием обнародовать их

содержание в определенный день, если от него не поступит иных распоряжений. Вы же знаете, что такое в порядке вещей. Или, возможно, он придумает что-нибудь более оригинальное.

— И это совпадает с точкой зрения Паркинсона, — перебил его премьер-министр. — Что ж, Фрэнсис, я вижу, у вас есть кое-какие соображения. Давайте выслушаем их.

Паркинсон поделился планом, который, по его мнению, вполне мог бы принести свои плоды. После небольшой дискуссии было решено опробовать его на деле, так как при благоприятном исходе результат немедленно стал бы ясен. Если же ничего не выйдет, всегда можно прибегнуть к плану министра внутренних дел. На этом совещание закончилось. Сразу после этого в Кембридже раздался телефонный звонок. Не согласится ли профессор Кингсли встретиться с мистером Фрэнсисом Паркинсоном — секретарем премьер-министра — завтра в три часа дня? Профессор Кингсли согласился, и Паркинсон отправился в Кембридж. Он проявил пунктуальность и явился к Кингсли домой в тот момент, когда часы в Тринити-колледже пробили три.

— Хм, — пробормотал Кингсли, когда они обменивались рукопожатиями, — для ланча уже

слишком поздно, а для чая — слишком рано.

— Профессор Кингсли, вы же не выгоните меня, как только придет время пить чай? — с улыбкой сказал Паркинсон.

Кингсли оказался моложе, чем ожидал Паркинсон. На вид ему было лет тридцать семь — тридцать восемь. Паркинсон представлял его высоким и худощавым. Так и оказалось, но Паркинсон совершенно не ожидал встретить такое причудливое сочетание густых темных волос с голубыми глазами, настолько поразительно яркими, что смотрелись бы непривычно даже у женщины. Кингсли определенно обладал запоминающейся внешностью.

Паркинсон подвинул кресло к камину, расположился поудобнее и сказал:

— Я слышал о вашем вчерашнем разговоре с министром внутренних дел и позволю себе заметить, что совершенно не одобряю поведение вас обоих.

— По-другому он просто не мог закончиться, — отозвался Кингсли.

— Возможно, и все же мне было прискорбно услышать об этом. Я не одобряю любую дискуссию, стороны которой категорически отказываются идти на компромисс.

— Поэтому угадать вашу профессию не составляет особого труда, мистер Паркинсон.

— Вполне возможно. Но, если честно, я удивлен, что человек вашего положения занимает такую непреклонную позицию.

— Я с удовольствием выслушаю, к какому компромиссу я могу прийти.

— Ради этого я и приехал. Но позвольте мне первым пойти на компромисс и показать вам пример. Кстати, вы недавно говорили про чай. Может, поставим чайник? Меня охватывает такая ностальгия, когда я вспоминаю учебу в Оксфорде. Вы, университетские ученые, даже не представляете, насколько вам повезло.

— Вы намекаете на финансовую поддержку, которую правительство оказывает университетам? — проворчал Кингсли, усаживаясь в свое кресло.

— Я отнюдь не хотел показаться бестактным, хотя министр внутренних дел сегодня утром как бы между делом и упомянул об этом факте.

— Не удивлен. Но я все еще хочу выслушать, на какой компромисс я мог бы пойти. И вы уверены, что слова «компромисс» и «капитуляция» не считаются синонимами в вашем словаре?

— Ни в коем случае. Позвольте мне доказать

свою позицию, рассказав вам о том, на какой компромисс готовы пойти мы.

— Вы или министр внутренних дел?

— Премьер-министр.

— Ясно.

Кингсли занялся приготовлением чая. Когда он закончил, Паркинсон приступил к объяснению:

— Так вот, сначала я хочу извиниться за все те нелестные слова, которые министр внутренних дел высказал в адрес вашего отчета. Во-вторых, я согласен, что первым делом мы должны собрать научные данные. Я считаю, что необходимо приступить к работе как можно скорее, и ученым, которые будут в ней задействованы, надлежит быть в курсе всей ситуации. Но я не согласен, что на данном этапе нам стоит доверять нашу тайну кому-либо еще. Вот тот компромисс, о котором я вас прошу.

— Мистер Паркинсон, я восхищаюсь вашей откровенностью, но не вашей логикой. Готов поручиться, вы не назовете ни одного человека, который узнал бы от меня о том, какую угрозу несет нам Черное Облако. А сколько человек узнало об этом от вас, мистер Паркинсон, и от премьер-министра? Я всегда был против предложений Королевского астронома сообщить вам

обо всем, так как знал, что вы ничего не сможете хранить в тайне. Сейчас я особенно сожалею, что не смог его переубедить.

Паркинсона эти слова возмутили до глубины души.

— Но вы же не станете отрицать, что довольно подробно написали обо всем доктору Лестеру из Сиднейского университета?

— Разумеется, не стану. Да и зачем? Лестер ведь все равно ничего не знает про Облако.

— Но узнал бы, если бы получил письмо.

— Все эти отговорки лучше оставьте политикам, мистер Паркинсон. Я — ученый, для меня важны факты, а не мотивы, подозрения и разные вычурные несуразности. Но факт остается фактом, и я продолжаю настаивать на том, что никто пока не узнал от меня ничего важного по этому делу. Распространением слухов на деле занимается премьер-министр. Я предупреждал Королевского астронома, что так и будет, но он мне не поверил.

— Вы не слишком-то уважаете мою профессию, не так ли, профессор Кингсли?

— Раз для вас так важна откровенность, то скажу вам прямо — нет. Уважения к политикам у меня не больше, чем к приборам на панели

моего автомобиля. Они указывают на состояние двигателя, но не контролируют его.

Внезапно Паркинсона осенило, что Кингсли просто морочит ему голову — и делает это весьма умело. Он не выдержал и рассмеялся. Кингсли поддержал его. После чего им стало намного проще общаться.

Допив вторую чашку чая и поговорив о разных пустяках, Паркинсон вернулся к основной теме:

— Позвольте мне все-таки высказать свою точку зрения. На этот раз вам не удастся сбить меня с толку. Тот путь, которым вы решили воспользоваться для сбора научной информации, далеко не самый быстрый. К тому же он не самый безопасный, если трактовать безопасность в широком смысле слова.

— Мистер Паркинсон, я просто не вижу иного выхода, ведь, хочу вам напомнить, время для нас необычайно ценно.

— Может быть, в данный момент вы и не видите других, более подходящих путей. Однако их вполне можно найти.

— Я не понимаю.

— Правительство хочет собрать вместе всех ученых, которым можно доверить информацию о происходящем. Как я понимаю, вы недавно

работали с мистером Мальборо и группой радиоастрономов. Я готов принять ваши заверения о том, что вы не выдали мистеру Мальборо никакой важной информации. Но признайте, что было бы намного лучше, если бы с ним можно было поделиться всеми необходимыми сведениями.

Кингсли вспомнил, какие затруднения возникли у него с радиоастрономами.

— Несомненно.

— Значит, об этом мы договорились. Следующий пункт связан с тем, что Кембридж, как и любой другой университет, нельзя назвать подходящим местом для проведения подобных исследований. Вы являетесь членом здешнего сообщества, а следовательно, не сможете сохранять секретность и при этом продолжать свободно общаться на любые темы. Нельзя сформировать группу внутри уже сложившегося коллектива. Правильнее всего было бы создать совершенно новое сообщество, которое будет работать над разрешением экстренной ситуации и получит все для этого необходимое.

— Как, например, в Лос-Аламосе?

— Совершенно верно. Если вы хорошенько все обдумаете, то согласитесь, что другого пути просто нет.

— Возможно, мне стоит напомнить вам, что Лос-Аламос находится в пустыне?

— Мы ни в коем случае не поместим вас в пустыню.

— Куда же вы в таком случае нас поместите? Кстати, «поместить» —очаровательнейший глагол.

— Думаю, у вас не возникнет причин для жалоб. Правительство как раз заканчивает подготовку одного славного особняка восемнадцатого века в Нортонстоу.

— Где это?

— В Котсуолдсе, на возвышенности к северо-западу от Киренчестера.

— Почем и как именно вы решили провести эту подготовку?

— Там должен был разместиться колледж сельскохозяйственных исследований. В миле от особняка мы построили еще один дом для вспомогательного персонала: садовников, рабочих, машинисток и так далее. Я же сказал, что вы получите все необходимое, и у вас нет причин не доверять мне.

— А что скажут люди из сельскохозяйственного колледжа, если их оттуда выкинут и разместят нас?

— С этим не возникнет никаких сложностей. Не все относятся к правительству с таким же неуважением, как вы.

— Нет, как это ни прискорбно. Но думаю, это будет учтено при составлении следующих списков на присвоение почетных званий. Однако есть ряд трудностей, которые вы не учли. Потребуется специальное оборудование, например радиотелескоп. На установку похожего ушло около года. Сколько вам потребуется времени, чтобы разместить его там?

— Сколько человек занимались установкой телескопа?

— Где-то с пару дюжин.

— Мы привлечем к работе тысячу, а если понадобится, то и десять тысяч. Мы гарантируем вам, что перевезем и проведем монтаж любого оборудования, которое вам понадобится, за вполне приемлемые сроки. Скажем, около двух недель. Вам еще потребуется какое-нибудь крупное оборудование?

— Нам точно понадобится хороший оптический телескоп, но не обязательно очень большой. Лучше всего подойдет новый Шмидт, который находится здесь, в Кембридже, хотя я не представляю, как вы убедите Адамса отдать его. Он

его годами выбивал.

— Не думаю, что с этим возникнут серьезные трудности. Он только обрадуется, если через полгода получит новый телескоп, который будет еще больше и лучше прежнего.

Кингсли подбросил поленьев в камин и снова сел в свое кресло.

— Давайте больше не будем ходить вокруг да около этого вашего предложения, — сказал он. — Вы хотите, чтобы я позволил вам запереть себя в клетке, пускай клетка и позолоченная. Вот к какому компромиссу вы меня подводите, и, должен сказать, это значительный компромисс. Теперь нам стоит подумать, какой компромисс устроил бы меня.

— Но, мне казалось, что мы сейчас как раз это и обсуждали!

— Да, но все как-то слишком расплывчато. А мне нужна ясность. Во-первых, я хочу, чтобы меня наделили полномочиями набирать персонал для этого центра в Нортонстоу, а также иметь возможность назначать людям такое жалованье, которое сочту разумным, и при этом использовать любые подходящие аргументы, за исключением тех, что будут раскрывать истинное положение вещей. Во-вторых, в Нортонстоу

не должно находиться никаких, я повторяю, *никаких* государственных служащих и никаких лиц, имеющих связи с миром политики, за исключением вас.

— Чем же я обязан такому особому отношению?

— Хотя мы мыслим по-разному и служим разным господам, у нас достаточно много общего, что позволяет находить общий язык. А это довольно редкое качество.

— Я польщен.

— Вы меня неправильно поняли. Я даже не пытался шутить. И готов со всей серьезностью заявить, что, если я или кто-то из моей группы обнаружит в Нортонстоу джентльменов, которые покажутся нам нежелательными персонами на территории поместья, мы в прямом смысле вышвырнем их вон. Если же в дело вмешается полиция или непрошеные гости окажут сопротивление, и мы не сможем их выгнать, в таком случае хочу вас с такой же точно серьезностью предупредить, что мы полностью откажемся от сотрудничества с вами. Не обессудьте, что я придаю этому моменту слишком большое значение, мне слишком хорошо известно, насколько глупы бывают политики.

— Спасибо.

— Не стоит благодарности. Возможно, теперь мы можем перейти к третьему пункту. Нам понадобятся карандаши и бумага. Я хочу, чтобы вы записали все детали, чтобы не возникло ни малейшей ошибки — все оборудование должно быть установлено до того момента, как я переберусь в Нортонстоу. Еще раз повторяю, оборудование должно оказаться в Нортонстоу раньше меня. Я не приму извинений по поводу неизбежных задержек и заверений, что через несколько дней все будет на месте. Вот, возьмите этот листок и записывайте.

Паркинсон привез в Лондон длинный список. На следующий день у него состоялся важный разговор с премьер-министром.

— Ну? — спросил премьер.

— И да, и нет, — ответил Паркинсон. — Мне пришлось пообещать, что там все обустроят как в научном учреждении.

— Ничего страшного. Кингсли прав, нам нужно больше фактов, и чем скорее мы их получим, тем лучше.

— В этом я не сомневаюсь, сэр. Но я бы предпочел, чтобы Кингсли не играл такой важной роли в этом новом учреждении.

— Разве он не славный человек? Мы можем предложить кандидатуру получше?

— О, как ученый он достаточно хорош. Но меня волнует не это.

— Знаю, нам было бы намного проще сотрудничать с кем-нибудь посговорчивее. Но, судя по всему, наши с ним интересы во многом совпадают. По крайней мере, до того момента, пока он не рассердится, узнав, что ему будет запрещено покидать Нортонстоу.

— Как раз на это он смотрит достаточно реалистично. И воспользовался этим моментом в наших переговорах.

— И каковы же условия?

— Для начала там не должно быть никаких государственных чиновников и лиц, имеющих отношение к политике, кроме меня.

Премьер-министр рассмеялся.

— Бедный Фрэнсис! Теперь я понимаю, в чем заключается проблема. Ну хорошо, что касается чиновников, это не так уж и страшно. А по поводу политиков, что ж, поживем — увидим. Были какие-нибудь попытки затребовать… астрономические зарплаты?

— Вовсе нет, правда, Кингсли хочет использовать жалованье как метод убеждения, чтобы

необходимые ему сотрудники согласились поехать в Нортонстоу. По крайней мере, до тех пор, пока не может объяснить истинные причины.

— Тогда в чем же проблема?

— Ни в чем определенном, просто меня не покидает чувство тревоги. Есть много мелких нюансов, ничего не значащих по отдельности, но вызывающих беспокойство, если собрать их вместе.

— Да ладно вам, Фрэнсис, в чем дело?

— Проще говоря, я чувствую, что нас обвели вокруг пальца, хотя на самом деле все должно обстоять с точностью до наоборот.

— Я не понимаю.

— Если честно, то и я тоже. На первый взгляд кажется, что все в порядке. Но если учитывать уровень интеллекта Кингсли, зачем ему было нужно отправлять заказные письма? Ведь нам это оказалось только на руку.

— Возможно, он поручил отправить письма привратнику?

— Все может быть, но если это так, то Кингсли понимал, что привратник наверняка зарегистрирует письма. Еще это письмо Лестеру. Такое чувство, будто Кингсли ожидал, что мы его перехватим, даже подталкивал нас к этому. Вам не

кажется, что он слишком грубо обошелся с бедным стариком Гарри (министром внутренних дел)? А теперь взгляните на эти списки. Они очень подробны, как будто их продумали заранее. Я еще могу понять то, что касается запасов еды и топлива, но зачем ему потребовалось такое количество землеройных машин?

— Не имею ни малейшего представления.

— А вот Кингсли хорошо себе это представляет. Так как тщательно все продумал.

— Мой дорогой Фрэнсис, какая разница, насколько тщательно он все продумал? Нам нужно собрать команду высококвалифицированных ученых, изолировать их и сделать так, чтобы они были всем довольны. Если Кингсли обрадуется, когда мы предоставим ему все по списку, пусть получит желаемое. Из-за чего нам беспокоиться?

— В списке много электронного оборудования, невероятно много. Его можно использовать для радиопередачи.

— Ну так вычеркните его. Мы не предоставим ему этого.

— Минуточку, сэр, это еще не все. Оборудование вызвало у меня подозрение, поэтому я проконсультировался и получил, думаю, очень хороший совет. Дело в следующем. При каждой радио-

передаче происходит кодирование сигнала, а принимающая сторона расшифровывает его. В нашей стране обычно используется кодирование, обозначенное термином «амплитудная модуляция», хотя у Би-би-си в последнее время появился также другой способ кодирования — частотная модуляция.

— А, так вот что такое частотная модуляция! Я часто слышу, как люди говорят о ней.

— Да, сэр. В том-то и дело. Это оборудование из списка Кингсли совершенно по-новому кодирует сигнал, и расшифровать этот код может только специальное принимающее устройство. Даже если он захочет передать кому-нибудь сообщение, его невозможно будет получить.

— Из-за отсутствия специального принимающего устройства?

— Совершенно верно. Так мы выдадим Кингсли это электронное оборудование или нет?

— Зачем оно ему потребовалось?

— Для радиоастрономии. Чтобы наблюдать за Облаком.

— Его можно использовать для этих целей?

— О да.

— Тогда *что* же вас так беспокоит, Фрэнсис?

— То, что его так много. Разумеется, я не уче-

ный, но не могу поверить, чтобы оно требовалось в таком количестве. Итак, мы выдадим его Кингсли или нет?

Премьер-министр задумался на несколько минут.

— Хорошенько проверьте ваши сведения. Если то, что вы рассказали о шифровании, окажется правдой, пускай получит все, что хочет. На самом деле вся эта история с передачей сигналов может даже стать нашим преимуществом. Фрэнсис, пока что вы рассматривали ситуацию с национальной точки зрения. Я имею в виду национальной в противовес международной, понимаете?

— Да, сэр?

— Я же стараюсь смотреть на все шире. Думаю, что американцы сейчас находятся в таком же положении, что и мы. Я практически уверен, что они тоже придут к мысли о необходимости создать учреждение, похожее на то, которое мы решили открыть в Нортонстоу. Думаю, мне стоит попытаться убедить их в необходимости сотрудничества.

— Но это не означает, что мы поедем туда, а не они сюда? — спросил Паркинсон, речь которого прозвучала немного неуклюже. — Они ведь считают своих ученых намного лучше наших.

— Но, возможно, не в сфере… э-э… радиоастрономии. Я полагаю, мы с австралийцами во многом превосходим их. А поскольку радиоастрономия, похоже, очень важна в этом деле, я буду использовать ее как свой козырь в переговорах.

— А как же вопрос безопасности? — простонал Паркинсон. — Американцы считают, что у нас с безопасностью совсем плохо, и временами мне кажется, что они не далеки от истины.

— Зато считается, что наши люди намного флегматичнее. У меня такое чувство, что правительству США будет выгодно, если все ученые, занимающиеся этим делом, окажутся как можно дальше от них. Иначе им придется сидеть на пороховой бочке. До недавнего момента меня беспокоил вопрос связи. Но если нам удастся установить прямое радиосообщение между Нортонстоу и Вашингтоном, используя это ваше новое шифрование, проблема будет решена. Так что я буду настаивать на этом самым решительным образом.

— Несколько минут назад вы упомянули международный аспект. Вы действительно имели в виду международные или только англо-американские отношения?

— Разумеется, международные. Вспомним хотя

бы про австралийских радиоастрономов. И я не думаю, что все происходящее сможет долгое время оставаться только в сфере наших с американцами интересов. Нужно оповестить глав правительств других стран, включая Советы. Затем я позабочусь о том, чтобы был сделан ряд намеков о том, что доктор А и доктор Б получили от некоего Кингсли письма с деталями происходящего, после чего нам пришлось изолировать Кингсли в месте под названием Нортонстоу. Я также скажу, что, если доктора А или доктора Б пришлют в Нортонстоу, мы позаботимся, чтобы они не доставили никаких хлопот правительствам своих стран.

— Советы на это точно не пойдут!

— Почему? Вы же сами знаете, какие могут возникнуть затруднения, если правительству не удастся обеспечить секретность информации. Разве еще вчера мы не были готовы избавиться от Кингсли? Возможно, вы по-прежнему хотите этого. Да они первым же самолетом вышлют сюда своих людей.

— Может быть. Но зачем нам нужны все эти сложности, сэр?

— Скажите, вам не приходила мысль, что Кингсли, возможно, уже подобрал свою команду?

И поэтому отправил им заказные письма? Думаю, нам важно пригласить самых сильных ученых. У меня такое чувство, что в будущем, Нортонстоу, возможно, станет играть даже более важную роль, чем Организация Объединенных Наций.

Нортонстоу

Поместье Нортонстоу находится внутри обширного парка на одном из холмов хребта Котсуолдс, у крутого западного склона. Земли в округе весьма плодородные. Когда только начались разговоры о том, чтобы превратить особняк в «одно из правительственных учреждений», это вызвало многочисленные возражения и среди местных жителей, и в газетах всего Глостершира. Но правительство, как всегда, поступило по-своему. Местных успокоили заверениями, что в поместье будут заниматься вопросами сельского хозяйства, и фермеры смогут обращаться туда за советами.

Примерно в полутора милях от особняка Нортонстоу возвели большой новый жилой комплекс. Он преимущественно состоял из строений на две квартиры для рядового персонала, но были там и отдельные дома для старших специалистов и руководителей.

Хелен и Джо Стоддарды проживали в одном из стоявших в ряд двухквартирных домов с побеленными стенами. Джо устроился садовником. Он как нельзя лучше подходил для этой работы.

К своему тридцати одному году он имел почти тридцатилетний стаж работы, поскольку начал учиться у своего отца, тоже садовника, едва ли не сразу, как научился ходить. Работа Джо полностью устраивала, ведь она позволяла ему круглый год находиться на свежем воздухе. К тому же в эпоху бесконечных анкет и писем ему не приходилось сталкиваться с бумажной волокитой, ведь, скажем откровенно, читал и писал Джо с большим трудом. Его знакомство с каталогами семян ограничивалось разглядыванием фотографий. Но никаких трудностей у него из-за этого не возникало, ведь семена заказывал старший садовник.

Несмотря на необычайную заторможенность ума, у Джо было много друзей. Он никогда не терял самообладания и не впадал в уныние. Если же что-то вызывало у него удивление — а случалось такое нередко, — его открытое лицо просто медленно расплывалось в улыбке.

Насколько тяжело Джо давалась умственная деятельность, настолько же хорошо он умел управлять мускулами своего могучего тела. Джо отлично играл в дартс, но предпочитал, чтобы счет вел кто-нибудь другой. И прослыл настоящей грозой округи, если речь заходила об игре

в кегли.

Хелен Стоддард казалась полной противоположностью своего мужа: миниатюрная хорошенькая молодая женщина двадцати восьми лет, очень смышленая, хоть и необразованная. Даже удивительно, как Джо и Хелен удавалось настолько хорошо ладить. Возможно, благодаря тому, что Джо был легким в общении человеком. А возможно, благодаря двум детям, которые, похоже, унаследовали от родителей все самое лучшее: ум матери и физическую силу отца.

Но теперь Хелен сердилась на своего Джо. В большом доме происходило нечто странное. За последние две недели туда приехало несколько сотен человек. Старые постройки снесли и вместо них поставили новые. Расчистили большой участок земли и над ним протянули непонятные провода. Джо мог разузнать, что все это значило, но он легко верил нелепым объяснениям — на этот раз ему сказали какую-то чушь, будто провода помогают деревьям лучше расти.

Джо, со своей стороны, не понимал, что так встревожило его жену. Даже если это и выглядело странно, как она утверждала, ну что ж, ему казалось странным почти все на свете. «Они» наверняка знали, что происходит, и его это вполне

устраивало.

Хелен злилась, потому что теперь все новости могла узнавать только от своей соперницы — миссис Олсоп. Пегги — дочь Агнес Олсоп — работала в поместье секретарем и отличалась не меньшим любопытством, чем ее мать или Хелен. Разумеется, семейство Олсоп имело постоянный доступ к информации о происходящем. Благодаря такому изобилию новостей и умению ловко ими делиться Агнес Олсоп завоевала большой авторитет среди соседей.

Стоит также упомянуть об ее особом умении строить предположения. Однажды Пегги раскрыла тайну содержимого большого количества ящиков с табличками «Осторожно! Хрупкий груз». После этого все стали уважать миссис Олсоп еще больше.

— Он весь заполнен лампами без проводов, вот что там! — заявила она всем собравшимся. — Их там миллион!

— Но зачем им понадобился миллион ламп? — спросила Хелен.

— Ты еще спрашиваешь? — ответила миссис Олсоп. — А для чего им понадобились все эти башни и провода над полем в пятьсот акров? Если хотите знать мое мнение, я считаю, что они

собираются создать луч смерти.

Дальнейшие события только укрепили ее уверенность.

И когда «они» приехали в «Поместье на горе», всеобщее волнение достигло предела. Пегги, запинаясь, рассказывала матери, как высокий голубоглазый мужчина так разговаривал с важными людьми из правительства, «будто они какие-нибудь мальчишки на побегушках, мама». «Да, точно луч смерти!» — в экстазе прошептала миссис Олсоп.

В конце концов Хелен Стоддард тоже удалось узнать одну любопытную новость, возможно самую важную с практической точки зрения. На следующий день после того, как «они» приехали в поместье, Хелен на велосипеде отправилась в соседнюю деревню Фар-Страйдинг и обнаружила поперек дороги ограждение, которое охранял сержант полиции. Да, один раз ее пропустят в соседнюю деревню, но в будущем никто не сможет ни выехать, ни въехать в Нортонстоу без специального пропуска. Пропуска выдадут позже в тот же день, все должны будут сфотографироваться, и позже на неделе их фото вклеят в пропуска. А как же детям ходить в школу? Кажется, из Страуда должны прислать учителя, поэтому детям

вовсе не придется ходить в деревню. Полицейский выразил свое сожаление, что не может ничего больше рассказать.

Все это только упрочило версию о луче смерти.

Это было очень странное предложение о работе. Энн Халси получила его через своего агента. Не согласится ли она 25 февраля приехать в одно местечко в Глостершире, чтобы исполнить две сонаты: одну — Моцарта и одну — Бетховена? Гонорар предлагали очень высокий, слишком высокий даже для такой подающей надежды молодой пианистки, как она. Также в концерте примет участие квартет. Больше никаких деталей не сообщалось, за исключением того, что она должна выехать на поезде с вокзала Паддингтон, а в Бристоле в два часа дня ее будет ждать машина.

И только когда Энн прошла в вагон-ресторан выпить чашечку чая, она поняла, что ей предстоит играть с квартетом не кого-либо, а Гарри Харгривса.

— Мы будем играть Шёнберга, — сказал Гарри. — Потренируем немного их барабанные перепонки. Кстати, кто они такие?

— Как я понимаю, будет какая-то вечеринка в загородном доме.

— Наверно, они очень богаты, судя по тому, сколько нам платят.

Поездка из Бристоля в Нортонстоу прошла довольно приятно. Ранняя весна уже давала о себе знать. Шофер провел их по коридорам поместья и открыл дверь со словами:

— Гости из Бристоля, сэр!

Кингсли никого не ждал, но быстро взял себя в руки.

— Здравствуйте, Энн! Здравствуйте, Гарри!

— Рады видеть вас, Крис. Но что все это значит? С каких пор вы стали вдруг деревенским сквайром? Или даже лордом, судя по роскоши этого дома и огромным полям, окружающем его?

— Вообще-то мы здесь выполняем специальную работу для правительства. Наверное, там решили немного повысить наш культурный уровень, вот и пригласили вас, — объяснил Кингсли.

Вечер был просто замечательный, это в равной степени касалось и обеда, и концерта, поэтому на следующее утро музыканты покидали поместье с большим сожалением.

— Что ж, до свидания, Крис, спасибо за гостеприимство, — сказала Энн.

— Машина, наверное, уже ждет вас. Так жаль, что вам приходится уезжать.

Но у крыльца не оказалось ни машины, ни шофера.

— Ничего страшного, — сказал Кингсли. — Я уверен, что Дэйв Уайчарт отвезет вас в Бристоль на своем автомобиле, хотя вам и будет там тесновато с вашими инструментами.

Конечно, Дэйв Уайчарт согласился подвезти их в Бристоль, и втиснуться в его автомобиль оказалось непросто, но где-то через четверть часа, насмеявшись от души, они отправились в путь.

Еще через полчаса вся честная компания вернулась обратно. Музыканты были озадачены. Уайчарт — вне себя от ярости. Он ворвался в кабинет Кингсли.

— Что тут творится, Кингсли? Когда мы добрались до заставы, нас развернули обратно. Сказали, что у них приказ никого не выпускать.

— Сегодня вечером мы все выступаем в Лондоне, — сказала Энн, — и если сейчас же не уедем, то опоздаем на поезд.

— Что ж, раз не получается выехать через главные ворота, есть много других путей, — ответил Кингсли. — Я сейчас все разузнаю.

Несколько минут он говорил по телефону, пока все остальные продолжали закипать все сильнее. Наконец Кингсли положил трубку.

— Не вы одни так разозлились. Жители поселка пытались попасть в деревню, но их останавливали. Похоже, они поставили кордоны по всему периметру. Наверное, мне стоит позвонить в Лондон.

Кингсли нажал на кнопку.

— Алло, это пост охраны у главных ворот? Да, да, мне известно, что вы выполняете приказы только главного констебля. Я все понимаю. Просто хочу, чтобы вы сделали следующее. Слушайте внимательно, позвоните по номеру 97–00 в Уайтхолл. Когда дозвонитесь, назовите три кодовые буквы Q-U-E и попросите соединить вас с мистером Фрэнсисом Паркинсоном, секретарем премьер-министра. Когда мистер Паркинсон выйдет на связь, скажите ему, что профессор Кингсли хочет с ним поговорить. И соедините его со мной. Пожалуйста, повторите мои инструкции.

Через несколько минут Паркинсон ответил, и Кингсли сразу же перешел к делу:

— Здравствуйте, Паркинсон. Слышал, сегодня утром ваш капкан захлопнулся. Нет, нет, я не жалуюсь. Я ожидал чего-нибудь в этом роде. Можете расставлять охрану по периметру всего Нортонстоу, главное, чтобы они не пробирались внутрь. Я звоню вам сказать, что с этого момента

связь с Нортонстоу будет осуществляться иначе. Больше никаких телефонных звонков. Мы перережем все провода, ведущие к постам охраны. Если вы захотите связаться с нами, вам придется воспользоваться радиосвязью… Если вы все еще не настроили передатчик, то это ваши проблемы. Вы же сами настаивали, чтобы этим занялся министр внутренних дел… Вы не понимаете? А вы попробуйте понять. Если у ваших людей хватает квалификации управлять страной в обстановке кризиса, они и передатчик смогли бы создать, тем более что мы присылали вам схему. И я хочу, чтобы вы позаботились еще об одном вопросе. Раз уж вы не хотите никого выпускать, то мы не позволим никому приезжать в Нортонстоу. Хотя ладно, вы, Паркинсон, можете при желании приехать, но обратно вас уже не выпустят. На этом все.

— Но это же просто абсурд какой-то! — сказал Уайчарт. — Нас буквально посадили в тюрьму. Не знал, что в Англии может случиться такое.

— В Англии может случиться что угодно, — ответил Кингсли, — только объяснение происходящему окажется довольно необычным. Если вы хотите запереть мужчин и женщин в загородном поселке в Англии, вы не будете говорить охране,

что они сторожат тюрьму. Вы скажете им, что те, кто находится внутри, нуждаются в защите от отчаянных головорезов, пытающихся пробраться снаружи. Так что здесь речь идет о защите, а не о заточении.

И главный констебль действительно считал, что в Нортонстоу хранятся атомные секреты, которые произведут революцию в сфере применения атомной энергии в промышленности. А еще у него сложилось впечатление, будто иностранные шпионы пойдут на что угодно, лишь бы выведать эти секреты. Он знал, что наиболее вероятным источником утечки может стать кто-то работающий в Нортонстоу. И отсюда несложно было сделать заключение, что безопаснее всего перекрыть въезд и выезд на территорию поместья. Сам министр внутренних дел поддержал его точку зрения. И даже не исключал вероятности, что полицейским может потребоваться помощь военных.

— Но какое отношение все это имеет к нам? — спросила Энн Халси.

— Я мог бы сделать вид, будто ваше появление здесь совершенно случайно, — ответил Кингсли, — но я в этом сомневаюсь. Вы стали частью плана. И вы такие тут не единственные. К при-

меру, художника Джорджа Фишера пригласило сюда правительство, чтобы нарисовать несколько пейзажей Нортонстоу. Еще здесь живет Джон Макнил, молодой врач, и Билл Прайс — историк, работающий со старой библиотекой. Думаю, будет лучше пригласить их, и тогда я постараюсь все объяснить.

Когда к ним присоединились Фишер, Макнил и Прайс, Кингсли в общих чертах, но достаточно подробно рассказал этим не имеющим отношения к науке людям об открытии Черного Облака и о событиях, предшествовавших открытию этого учреждения в Нортонстоу.

— Я понимаю, как это может объяснить поведение охраны и все такое. Только как это объясняет наше здесь присутствие? Вы сказали, что это не случайность. Но почему мы, а не кто-нибудь еще? — спросила Энн Халси.

— Это я во всем виноват, — признался Кингсли. — Думаю, произошло следующее. Правительственные агенты нашли мою записную книжку. Там были имена ученых, с которыми я советовался по поводу Черного Облака. И, вероятно, после того, как выяснилось, кем были некоторые указанные там люди, в правительстве решили не рисковать. И они постарались заманить сюда

всех, чьи имена там были указаны. Извините.

— Это было чертовски безответственно с вашей стороны, Крис! — воскликнул Фишер.

— Если честно, то в последние шесть недель мне хватало и других поводов для беспокойства. И в конце концов, ваше положение на такое уж и плохое. Вы все признали, что это очень милое местечко, а когда разразится кризис, у вас окажется намного больше шансов уцелеть, чем в любом другом уголке мира. Здесь мы точно выживем, если это вообще будет возможно. Поэтому, по сути дела, можете считать, что вам очень повезло.

— Кингсли, эта история с записной книжкой, — сказал Макнил, — ко мне, похоже, не имеет никакого отношения. Насколько я помню, до недавнего момента мы никогда с вами не встречались.

— В таком случае, позвольте спросить вас, Макнил, почему же вы здесь?

— Ерунда какая-то. Я подыскивал место для нового санатория, и мне порекомендовали Нортонстоу. Министр здравоохранения предложил приехать сюда и самому все посмотреть. Но зачем, я и представить себе не могу.

— Возможно, чтобы у нас был свой доктор.

Кингсли встал и подошел к окну. Тени облаков скользили по полям, обгоняя друг друга.

Однажды днем в середине апреля Кингсли вернулся домой после бодрой прогулки по территории поместья и обнаружил, что всю его комнату заполнил анисовый дым.

— Не может быть!.. — воскликнул он. — Глазам своим не верю, Джефф Марлоу! Я уж и не надеялся увидеть вас здесь. Как вам удалось пробраться?

— Благодаря обману и предательству, — ответил Марлоу, прожевав кусок тоста и собираясь откусить новый. — Ну и славное у вас тут местечко! Не хотите чая?

— Спасибо, это так любезно с вашей стороны.

— Бросьте. После того как вы уехали, нас перевели в Паломар, где я смог хорошенько поработать. Затем всех отправили в пустыню, за исключением Эмерсона, которого, как я думаю, послали сюда.

— Да, Эмерсон, Барнетт и Уайчарт находятся у нас. Я очень боялся, что вас сошлют в пустыню. Поэтому и поспешил уехать, как только Геррик заявил, что собирается в Вашингтон. Ему досталось за то, что он позволил мне покинуть страну?

— Думаю, да, но он не распространялся на этот

счет.

— И между прочим, я правильно понимаю, что Королевского астронома отправили к вам?

— Так точно, сэр! Королевский астроном теперь главный специалист по связям с Великобританией в американском проекте.

— Рад за него. Думаю, это как раз по его части. Но вы так и не рассказали мне, как вам удалось улизнуть из пустыни и почему вы решили сделать это?

— Почему — это самое простое. Потому что нас до смерти замучили дисциплиной.

Марлоу взял из сахарницы несколько кусочков сахара. Один он положил на стол.

— Вот парень, который делает основную работу.

— Как вы его называете?

— Да вроде бы никак конкретно.

— А здесь мы называем такого «челом».

— «Чел»?

— Верно. Сокращенно от «человека».

— Что ж, хоть мы и не называем их «челами», но пусть будет так, — продолжал Марлоу. — По правде говоря, этому «челу» приходится отдуваться за всех, и скоро вы сами это поймете.

Затем он выложил вряд несколько кусочков

сахара.

— Над «челом» стоит начальник отдела. Вроде меня. Затем следует заместитель директора. Им назначили Геррика, хотя он и сидел в общей конуре вместе с нами. Дальше идет наш старый друг — директор собственной персоной. После него — ассистент куратора, затем, разумеется, сам куратор, они оба военные. Дальше идет координатор проекта. Он — политик. И так, потихоньку, мы доходим до вице-президента. А дальше уже, полагаю, следует и президент, хотя и не уверен, я до таких высот не добирался.

— Я так понимаю, вам это не по душе?

— Нет, сэр, совсем не по душе, — продолжал Марлоу, с хрустом откусывая от тоста еще один кусок. — Я находился почти в самом низу этот иерархии, что тут может понравиться? Кроме того, я никак не мог понять, что происходит за пределами моего отдела. Политика заключалась в том, чтобы каждый отдел работал в изоляции от остальных. Нам говорили, что это все в интересах безопасности, только, мне кажется, от этого сильно страдал результат. Так что можете себе представить, как я был недоволен. Такие попытки решить проблему мне совсем не по душе. Поэтому я начал активно добиваться перевода,

хотел поучаствовать в вашем шоу. Мне казалось, что здесь дела идут намного лучше. И я вижу, так оно и есть, — добавил он и взял еще один тост. — А еще я вдруг сильно соскучился по зеленой траве. Когда возникает такое желание, ему сложно противиться.

— Джефф, все это замечательно, но все равно непонятно, как вам удалось вырваться из лап такой грозной организации?

— Чистое везение, — ответил Марлоу. — В Вашингтоне начали подозревать, что ваши ребята докладывают далеко не все, что им известно. А поскольку я попросил о переводе, меня послали сюда в качестве шпиона. Вот в чем заключается мое предательство.

— Значит, вы должны докладывать обо всем, что мы попытаемся скрыть?

— Совершенно верно. Ну что, теперь, когда вам стала известна причина моего приезда, ответьте: вы позволите мне остаться или вышвырните вон?

— У нас такое правило — те, кто приезжает в Нортонстоу, остаются здесь. Мы никого не выпускаем.

— Значит, вы не против, если Мэри тоже приедет? Она сейчас делает покупки в Лондоне, но

завтра будет здесь.

— Конечно, не против. Дом большой. Комнат много. Мы с удовольствием разместим здесь миссис Марлоу. Честно говоря, работы предстоит очень много, а людей нам не хватает.

— Тогда, может, я смогу иногда отправлять в Вашингтон хоть какие-нибудь крупицы информации, чтобы порадовать их?

— Можете говорить им все, что хотите. Я заметил, что чем больше мы рассказываем политикам, тем в более глубокую депрессию их вгоняем. Поэтому мы предпочитаем ничего от них не скрывать. Здесь нет никаких секретов. Так что передавайте любые сведения в Вашингтон по прямой радиосвязи. Ее как раз подключили около недели назад.

— В таком случае, может, вы в общих чертах расскажете мне, что вообще происходит? Честно говоря, после нашего разговора в пустыне Мохаве я не узнал почти ничего нового. Кое-что, конечно, удалось сделать, но сейчас особой надобности в оптических наблюдениях нет. К осени нам, возможно, удастся получить кое-какие данные. Но мы вроде как договорились, что основной работой занимаются радиоастрономы.

— Это так. Поэтому еще в январе, когда я вер-

нулся в Кембридж, сразу же обратился к Джону Мальборо. Пришлось потрудиться, чтобы убедить его взяться за дело, но я не объяснил ему истинную причину, хотя сейчас он, конечно, обо всем знает. В общем, нам удалось выяснить температуру Облака. Она немногим выше двухсот градусов, двухсот градусов по шкале Кельвина, разумеется.

— Хорошо. Примерно так мы и думали. Немного холодновато, но вполне сносно.

— Это даже лучше, чем кажется на первый взгляд. Когда Облако приблизится к Солнцу, в нем возникнет внутреннее движение. По моим первоначальным расчетам, это приведет к росту температуры процентов на пятьдесят или даже сто. А общая температура будет соответствовать точке замерзания. Погода станет морозной, но не более того.

— Лучше и быть не может!

— Сначала я тоже так подумал. Однако я не специализируюсь на газовой динамике, поэтому написал Александрову.

— Бог мой, вы сильно рисковали, послав письмо в Москву.

— Я так не думаю. Речь шла о чисто научной проблеме. И никто не мог разобраться с ней

лучше, чем Александров. В конце концов нам удалось пригласить его сюда. По его словам, здесь у нас — лучший концентрационный лагерь на свете.

— Вижу, я еще очень многого не знаю. Но продолжайте.

— Тогда, в январе, я считал себя очень умным и хотел показать политикам, где раки зимуют. Я думал, что политики постараются любой ценой получить результаты научных исследований и при этом сохранить все в тайне, и собирался обеспечить их и тем, и другим, но на моих условиях — тех самых, которые вы видите здесь, в Нортонстоу.

— Я вижу, что вы живете в очень милом местечке, военные вас не донимают, о секретности думать не нужно. А как вы нанимали свою команду?

— Исключительно благодаря хорошо продуманной неосмотрительности. Вроде того письма Александрову. Это же так естественно — собрать здесь всех, кто мог что-то от меня узнать. Правда, кое-кому я подложил свинью. И теперь это на моей совести. Рано или поздно вы встретите очаровательную девушку, которая необычайно хорошо играет на рояле. А еще художника, ис-

торика и других музыкантов. Но мне кажется, что годовое заточение в Нортонстоу стало бы совсем невыносимым, если бы здесь жили одни только ученые. Поэтому я и совершил этот неосмотрительный поступок. Только никому не проболтайтесь, Джефф. Думаю, учитывая всю ситуацию, меня можно понять. Однако будет лучше, если они не узнают о том, что оказались здесь по моей вине. Как говорится, меньше знаешь, крепче спишь.

— А что насчет той пещеры, про которую мы говорили в Мохаве? Полагаю, вы об этом также позаботились?

— Разумеется. Вы, конечно, не видели ее, но она вот там — под тем холмом. У нас для этого довольно много землеройной техники.

— Кто этим занимается?

— Ребята, которые живут в новом поселке.

— А кто присматривает за этим домом? Готовит еду и все остальное?

— Женщины из нового поселка, а девушки выполняют секретарскую работу.

— И что с ними будет, когда дела пойдут совсем плохо?

— Естественно, они спрячутся в убежище. Но для этого убежище должно быть намного боль-

ше, чем я планировал изначально. Поэтому мы и приступили к работе так рано.

— Знаете, Крис, похоже, у вас здесь все прекрасно организовано. Я только не могу взять в толк, как же вы показали политикам, где раки зимуют? В конце концов, они заперли нас всех здесь и, судя по вашим рассказам, получают от вас всю интересующую их информацию. Похоже, у них все тоже обстоит замечательно.

— Позвольте объяснить вам, как я представлял себе все в январе и в феврале. В феврале я планировал взять под контроль все международные дела.

Марлоу рассмеялся.

— Да, я знаю, это звучит до нелепого мелодраматично. Но я говорю серьезно. Хоть и не страдаю манией величия. По крайней мере, мне так кажется. Я планировал заниматься этим месяц-другой, после чего спокойно вернуться к научной работе. Такие как я не рождены быть диктаторами. Меня вполне устраивает роль маленького человечка. Но этому маленькому человечку само небо послало возможность откусить большой кусок от тех, кто всю жизнь вытирал об него ноги.

— Конечно, только маленькие люди и живут в таких особняках, — рассмеялся Марлоу, взяв

свою трубку.

— За все это пришлось сражаться. Иначе мы получили бы то, что вызвало у вас такое возмущение. Позвольте взглянуть на происходящее с точки зрения философии и социологии. Джефф, вам никогда не приходило в голову, что несмотря на все те перемены, которые принесла нам наука — я в первую очередь говорю об энергии неживой природы, — при этом мы сохраняем все тот же старый порядок мироустройства? Политики находятся наверху, затем — военные, а те, кто действительно обладает интеллектом, оказываются в самом низу. И нет никакой разницы между существующим положением вещей и Древним Римом или даже первой цивилизацией в Месопотамии. Мы живем в обществе чудовищных противоречий, современном по своему технологическому развитию, но архаичном в социальном плане. Политики много лет подряд кудахчут о том, что нам нужно больше квалифицированных ученых, инженеров и тому подобное. Но они, кажется, не понимают, что дураков на свете не так уж и много.

— Дураков?

— Да, людей вроде нас с вами, Джефф. Мы — дураки. Мы думаем за толпу архаичных недоумков,

да еще и позволяем им помыкать нами.

— Ученые всех стран, соединяйтесь! Вы это пытаетесь сказать?

— Не совсем. Я не говорю о том, что ученые должны противопоставлять себя всем остальным. Проблема гораздо глубже. И она заключается в столкновении двух совершенно разных образов мышления. Современное общество в плане технологий мыслит цифровыми категориями. Но, с другой стороны, в социальной сфере оно все еще мыслит словами. Здесь-то и заключается подлинный конфликт: между словесным и математическим типами мышления. Вам стоит познакомиться с министром внутренних дел. И вы сразу меня поймете.

— А вы представляете, как это можно изменить?

— Я представляю, как могу поддержать математическое мышление. Но я еще не выжил из ума, чтобы верить, будто мои поступки могут иметь решающее значение. Если мне повезет, то я могу показать хороший пример, который впоследствии будут цитировать мастера словесности, — пример того, как со знанием дела накручивать политикам хвосты.

— Боже мой, Крис, вы рассуждаете про цифры

и слова, но при этом я никогда еще не встречал человека с таким богатым словарным запасом. Не могли бы вы попроще объяснить, что вы имеете в виду.

— То есть вы добиваетесь того, чтобы я объяснил вам все на языке цифр? Что ж, я попытаюсь. Давайте представим, что у людей есть шанс выжить после появления здесь Облака. Хотя условия жизни будут весьма далеки от приятных. Мы будем либо постоянно мерзнуть от холода, либо потеть от жары. Маловероятно, что людям удастся нормально передвигаться. Самое большее, на что мы можем надеяться, это вырыть пещеры или подвалы и пересидеть там, — только так мы сможем сохранить себе жизнь. Другими словами, люди перестанут переезжать с места на место. Поэтому связь между ними, а также контроль за всеми сферами человеческой деятельности будет происходить с помощью дистанционного обмена информацией. Передачи сигналов по радио.

— Вы хотите сказать, что сплоченность общества, не позволяющая нам распасться на множество отдельных индивидов, будет зависеть от радиосвязи?

— Именно. Не будет никаких газет, так как все сотрудники издательств спрячутся в убежища.

— И вот тогда в дело вступите вы, Крис? Создадите в Нортонстоу свою пиратскую радиостанцию? Так, где там моя накладная борода?

— Теперь слушайте внимательно. Когда радиосвязь станет иметь первостепенное значение, жизненно важной окажется количество информации. Контроль над всем постепенно перейдет к тем людям, которые способны управлять наибольшими объемами информации, и, по моим планам, Нортонстоу способен передавать в сотни раз больше сведений, чем все передатчики на планете, вместе взятые.

— Да вы фантазер, Крис! А как насчет энергии, которая для этого потребуется?

— У нас есть свои дизельные генераторы и большой запас топлива.

— Но неужели вам удастся производить необходимое для ваших целей огромное количество энергии?

— Нам не нужно *огромное* количество энергии. Я не имел в виду что нам потребуется в сотни раз больше энергии, чем необходимо для работы всех радиопередатчиков на планете, вместе взятых. Я хочу сказать, что наша способность к передаче информации окажется в сотни раз выше, а это совершенно разные вещи. Мы не будем транс-

лировать радиопрограммы отдельным людям. Мы будем расходовать достаточно мало энергии, передавая сообщения правительствам стран всего мира. Мы станем чем-то вроде международного информационного центра. Через нас правительства будут обмениваться друг с другом сведениями. Проще говоря, мы станем нервным центром глобальных коммуникаций и в этом смысле начнем контролировать дела всего мира. Так что если вы ожидаете какого-то сенсационного финала всех моих заявлений, то не забывайте, что я не склонен к мелодраматизму.

— Я это уже понял. Но как же вы собираетесь обеспечить себе мощности, необходимые для передачи всей этой информации?

— Позвольте сначала изложить вам всю теорию. На самом деле достаточно хорошо известную. Но на практике ее до сих пор не применяли, частично из-за безынициативности и личной заинтересованности в уже существующем оборудовании, частично из-за неудобства, так как все сообщения должны быть записаны перед осуществлением радиопередачи.

Кингсли поудобнее расположился в своем кресле.

— Вы, конечно, знаете, что вместо беспрерыв-

ной передачи радиоволн, как это бывает, волны можно передавать отдельными импульсами. Давайте представим себе, что мы можем использовать три типа импульсов: короткие, средние и длинные. На практике это будет означать, что длинные импульсы по своей продолжительности окажутся где-то в два раза длиннее коротких, а средние — в полтора. Имея радиопередатчик, работающий в диапазоне от семи до десяти метров — это стандартный диапазон для передачи сообщений на большие расстояния — и при обычной полосе частот, мы сможем передавать около десяти тысяч импульсов в секунду. Три вида импульсов могут чередоваться в любом установленном порядке — среди всех этих десяти тысяч в секунду. Теперь представим, что мы будем использовать средние импульсы для обозначения конца букв, слов или предложений. Один средний импульс обозначает конец буквы, два средних импульса, следующих один за другим, оповещают о конце слова, а три подряд — о конце предложения. Тогда как длинные и короткие будут передавать буквы. К примеру, представьте, что мы решим воспользоваться азбукой Морзе. Тогда в среднем для обозначения каждой буквы потребуется три импульса. Если

предположить, что в каждом слове в среднем по пять букв, то на каждое слово будет приходиться по пятнадцать длинных и коротких импульсов. Или если средние импульсы также будут включены для обозначения букв, то на каждое слово уже нужно будет двадцать импульсов. Таким образом, при частоте десять тысяч импульсов в секунду, передача будет осуществляться где-то со скоростью пятьсот слов в секунду, в то время как скорость обычной радиопередачи — меньше трех слов в секунду. Так нам удастся увеличить ее в сотни раз.

— Пятьсот слов в секунду. Ну и скорость!

— На самом деле полосу частот, возможно, удастся расширить, так что мы сможем отправлять миллионы импульсов в секунду. Мы предполагаем, что можно передавать и сто тысяч слов в секунду. Ограничения связаны со сжатием и последующим расширением сообщений. Очевидно, что никто не способен говорить со скоростью сто тысяч слов в секунду, даже, слава богу, политики. Поэтому сообщения придется записывать на магнитные ленты. Затем ленты будут сканироваться на высокой скорости. Однако скорость сканирования ограничена возможностями современного оборудования.

— Но нет ли здесь какой-то серьезной загвоздки? Что мешало правительствам разных стран создать подобное оборудование?

— Глупость и инертность. Как обычно, все начинают шевелиться, только когда наступает кризис. Больше всего я боюсь, что политики из-за своей медлительности не обзаведутся даже одним комплектом из передающего и принимающего устройств, не говоря уж о полноценном комплекте оборудования. Мы давим на них, насколько это в наших силах. Например, отказались передавать информацию любыми способами, кроме радиосвязи. С другой стороны, вся ионосфера может измениться, и придется использовать только волны короткого диапазона. Мы готовимся к передаче сантиметровых волн. И постоянно предупреждаем их об этом, но они чертовски заторможены: медленно действуют и еще медленнее соображают.

— Между прочим, а кто всем этим занимается?

— Радиоастрономы. Вы, возможно, знаете, что все эти ребята из Манчестера, Кембриджа и Сиднея перебрались к нам. Их оказалось так много, что они начали наступать друг другу на пятки. И продолжалось так до тех пор, пока нас тут не заперли. Все эти дурачки, конечно, рас-

сердились — как будто с самого начала не было ясно, что нас изолируют. Затем я с присущим мне тактом объяснил, что злость не поможет и самое очевидное решение — постараться заткнуть политиков за пояс, а для этого нужно перенастроить некоторое оборудование для радиоастрономических исследований и превратить его в средство связи. Разумеется, после этого выяснилось, что у нас намного больше электронного оборудования, чем того требовалось для радиоастрономов. Так вскоре в нашем распоряжении появилась целая армия инженеров связи, которая тут же приступила к работе. При желании мы уже можем обогнать по объемам информации Би-би-си.

— Знаете, Кингсли, ваш рассказ про импульсы ошеломил меня. В голове не укладывается, что наша система радиовещания выдавливает из себя по два-три слова в секунду, тогда как можно пересылать пятьсот!

— Все очень просто, Джефф. Человеческий рот передает информацию со скоростью около двух слов в секунду. Человеческое ухо воспринимает менее трех слов в секунду. Поэтому великие умы, которые контролируют наши судьбы, создали оборудование в соответствии с этими ограничениями, хотя для самих электронных устройств

таких ограничений не существует. Разве я уже не повторял несколько раз, что вся социальная система архаична, что те, кто действительно обладают знаниями, находятся внизу иерархии, а наверху обосновалась толпа недоразвитых неучей?

— Мне кажется, это прекрасная финальная реплика, — рассмеялся Марлоу. — Но я думаю, что вы склонны все немного упрощать!

Облако приближается

Все лето Облака не было видно, так как оно находилось на дневном небе, однако его тщательно изучали при помощи радиотелескопа в Нортонстоу.

Ситуация оказалась лучше, чем ожидал премьер-министр. Судя по новостям из Нортонстоу, появление Облака не должно было спровоцировать топливный кризис, и это вызывало у него искреннюю радость. И пока не возникало никаких опасений, что может случиться всеобщая паника. За исключением Королевского астронома, которому премьер-министр полностью доверял, все остальные ученые, в особенности Кингсли, находились в Нортонстоу и не представляли серьезной угрозы. Разумеется, ему пришлось пойти на нелепые уступки. Хуже того, он лишился Паркинсона — его пришлось отправить в Нортонстоу, так как нужно было контролировать ученых, чтобы они не пытались провернуть какие-нибудь махинации. Однако отчеты, которые ему приходили, не содержали ничего подозрительного, поэтому премьер решил

пока не будить спящих псов, несмотря на настойчивые советы некоторых министров поступить иначе. Временами премьер-министр начинал сомневаться в своем решении, ему тяжело было мириться с многочисленными сообщениями от Кингсли, в которых тот советовал строго хранить все в тайне.

По сути дела, все эти двусмысленные намеки Кингсли отличались большой прозорливостью, так как с секретностью в правительстве имелись серьезные проблемы. Отдельно взятые руководители на всех уровнях политической иерархии считали возможным делиться информацией со своими непосредственными подчиненными. В результате сведения о приближении Облака медленно просочилась сверху до самого низа и к началу осени уже достигли уровня парламентариев. Проще говоря, они едва не стали достоянием прессы. Но пока еще не наступил подходящий момент, чтобы Облако появилось в заголовках новостей.

Осень выдалась дождливой, и небо над Англией затянули тучи. И хотя к началу октября Облако уже частично заслонило собой созвездие Зайца, до ноября это не вызвало никаких тревог. Все произошло в ясном небе над Аравийским

полуостровом. Инженеры большой нефтяной компании проводили буровые работы в пустыне. Они заметили, с какой тревогой их рабочие смотрят на небо. Арабы указывали на Облако, точнее, на темное пятно в небе. Диаметр Облака теперь составлял около семи градусов, а внешне оно напоминало зияющую дыру круглой формы. Они говорили, что этой дыры здесь не должно быть, что это какое-то знамение. Смысл этого знамения оставался неясным, но внушал ужас. Никто из инженеров никогда прежде не видел подобного явления в небе, но они недостаточно хорошо знали расположение звезд и ничего не могли сказать наверняка. Однако у одного из них на базе оказалась карта звездного неба. И, вернувшись после буровых работ, он изучил ее. Без сомнения, происходило что-то странное. Поэтому он решил написать в английские газеты.

Газеты не стали немедленно реагировать на полученное известие. Однако через неделю у них в распоряжении оказалось уже несколько подобных историй. Как это часто бывает, одно сообщение послужило предвестником для множества других, точно так же одна капля дождя иногда сообщает о приближающейся грозе. Лондонские газеты отправили в Северную Африку

специальных корреспондентов с фотокамерами и картами звездного неба. Репортеры уезжали в командировку в отличном настроении, надеясь, что смогут чудесно отдохнуть от промозглой ноябрьской погоды. Но вернулись притихшими. Черная дыра в небе не давала повода для легкомысленного веселья. Фотографий с собой они не привезли. Редакторы газет не представляли себе, насколько это тяжело — снимать звезды на обычный фотоаппарат.

Перед британским правительством возникла сложная дилемма: нужно ли воспрепятствовать распространению информации в прессе. В конце концов они решили не предпринимать никаких действий, так как попытки скрыть сведения могли лишь подчеркнуть всю их серьезность.

Редакторов удивлял тон материалов, которые они получали. Они распорядились переписать их в более легкой и шутливой манере и добавить банальные заголовки вроде:

В НЕБЕ ПОЯВИЛОСЬ ПРИВЕДЕНИЕ.

В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ ОБНАРУЖЕНО СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ.

АСТРОНОМЫ ГОВОРЯТ, ЧТО НА РОЖДЕСТВО МЫ НЕ УВИДИМ ЗВЕЗД.

Первые новостные статьи добрались до широкой общественности к концу ноября. В прессе началась обширная кампания. Из нескольких обсерваторий — в Великобритании и за ее пределами — стали приходить фотографии. Их печатали на первых полосах все ежедневные газеты («Таймс», разумеется, разместила снимки на последней), часто после достаточно основательной ретуши. Фотографии сопровождались статьями известных ученых.

Людям сообщили о существовании достаточно разреженного межзвездного газа, который заполнял собой обширные пространства между звездами. Также в статьях указывалось, что газ смешивался со множеством мелких частиц, возможно фрагментов льда, размером не больше одной стотысячной дюйма. Именно эти частицы создавали десятки темных заплаток, которые можно увидеть на протяженности всего Млечного Пути. Статьи сопровождались фотографиями таких заплаток. И это новое «привидение» было как раз одной такой заплаткой, находящейся вблизи от нас. На самом деле астрономы уже знали о том, что подобные скопления иногда приближаются к Солнечной системе и даже проникают в нее. Подобные явления послужили

основой для создания одной из теорий о появлении комет. Фотографии комет также были представлены в газетах.

Научные круги такая информация до конца не успокоила. Повсюду в лабораториях разгорались жаркие споры на тему Облака. Вспомнили про аргументы, которые еще год назад высказывал Уайчарт. Вскоре выяснилось, что решающим фактором стала плотность материи, из которой состояло Облако. Всеобщая тенденция сводилась к тому, что ее, то есть плотность, сильно занижали. Но некоторые ученые вспомнили высказывания Кингсли, которые тот сделал на встрече Британской астрономической ассоциации. Также большое значение придавалось исчезновению из университетов некоторых ученых, которые работали теперь в Нортонстоу. В целом все эти обстоятельства внушали вполне закономерную тревогу. И без сомнения, эти опасения быстро начали бы усиливаться, если бы правительства Великобритании и других стран постоянно не обращались к ученым. Их попросили принять участие в экстренной операции, которая к тому времени уже набирала обороты. В особенности в подготовке запасов продовольствия и топлива и строительстве укрытий.

Однако тревога в какой-то степени стала охватывать и обычных обывателей. В первые две недели декабря начали появляться признаки растущего беспокойства. Знаменитые колумнисты требовали от правительства подробных объяснений, причем в таком же ехидном тоне, как и несколько лет назад во время эпизода с Бёрджессом и Маклином[1]. Однако первая волна беспокойства схлынула при довольно любопытных обстоятельствах. Третья неделя декабря выдалась морозной и ясной. Несмотря на холод, люди на личных машинах и автобусах устремились прочь из города, чтобы лучше рассмотреть ночное небо. Но никаких привидений или дыр они не увидели. Луна сияла так ярко, что можно было рассмотреть только несколько звезд. В прессе напрасно твердили, что Облако можно разглядеть, только на фоне звезд. На какое-то время Облако исчезло из передовиц газет. В конце концов, до Рождества оставалось всего несколько дней.

---

[1] Примечания: 1

Имеются в виду Гай Бёрджесс и Дональд Маклин — участники «Кембриджской пятерки», группы агентов, работавших на советскую разведку и занимавших высокие посты в правительстве и разведке Великобритании в 1940-е годы. После разоблачения в 1951 году Бёрджесс и Маклин были вынуждены переехать в СССР. — *Здесь и далее — прим. пер.*

В правительстве искренне обрадовались такому раннему исчезновению Облака, так как в декабре получили довольно тревожный отчет из Нортонстоу. Стоит упомянуть обстоятельства, послужившие основой для этого отчета.

В течение лета работа в Нортонстоу проходила достаточно гладко. Ученые разделились на две группы: первая занималась исследованием Облака, вторая — проблемами связи, о которых Кингсли рассказал Марлоу. Те, кто не имел отношения к науке, работали в поместье или строили убежище. Каждая из трех групп раз в неделю устраивала собрание, на котором мог присутствовать любой желающий. Это позволяло узнать о положении дел, не вдаваясь во все детали тех сложностей, с которыми каждая из групп сталкивалась.

Марлоу работал над исследованием Облака на телескопе Шмидта, который привезли из Кембриджа. К октябрю они с Эмерсоном разобрались с направлением движения облака. Суть вопроса Марлоу объяснил в своем слишком подробном, чем это было необходимо, отчете на встрече, которую устроили, чтобы выслушать последние результаты измерений. Свое выступление он завершил словами:

— Таким образом, складывается впечатление, что угловой момент Облака по отношению к Солнцу равен нолю.

— А что это означает в практическом смысле? — спросил Макнил.

— Это означает, что Облако поглотит и Солнце, и Землю. Если бы речь шла о существенном угловом моменте, то Облако могло бы в последний момент отклониться в сторону. Но теперь совершенно ясно — этого не произойдет. Облако движется точно на Солнце.

— Не странно ли, что Облако летит прямо на Солнце? — спросил Макнил.

— Ну а куда-то же оно должно лететь, — ответил Билл Барнетт. — Ему ведь нужно двигаться в какую-то сторону.

— И все равно не могу отделаться от чувства, что движение Облака очень странное, именно на Солнце, — не унимался дотошный ирландец.

Александров горестно вздохнул и прекратил уговаривать одну из секретарш сесть к нему на колени.

— Чертовски странно, — согласился он. — Но на свете много странностей. Странно, что Луна с Земли кажется такого же размера, как и Солнце. Чертовски странно, что я вообще здесь нахожусь,

не правда ли?

— Чертовски прискорбно, — пробормотала секретарша.

Этот бессмысленный спор продолжался еще несколько минут, пока Иветт Хедельфорт не встала и не обратилась ко всем.

— У меня проблема, — объявила она.

Многие заулыбались, и кто-то тихо заметил:

— Согласитесь, это чертовски странно?

— Нет, вы меня не поняли, — продолжала молодая женщина. — Моя проблема имеет отношение к делу. Марлоу утверждает, что Облако состоит из водорода. Измерения показывают, что его плотность внутри облака чуть выше 10^{-10} г/см^3. По моим подсчетам, если Земля будет проходить через такое облако в течение примерно одного месяца, то количество водорода в атмосфере возрастет и будет превосходить сто граммов на каждый квадратный сантиметр поверхности Земли. Скажите мне, это так?

Стало совсем тихо, когда собравшиеся, по крайней мере некоторые ученые, осознали смысл только что сказанного.

— Нужно проверить это прямо сейчас, — пробормотал Уайчарт. Он взял блокнот и минут пять занимался вычислениями.

— Да, думаю, что все верно, — объявил он.

На этом встреча практически сразу завершилась. Паркинсон подошел к Марлоу.

— Но, доктор Марлоу, что все это значит?

— Бог мой, разве вы не понимаете? Это значит, что в атмосфере Земли окажется так много водорода, что он соединится со всем находящимся в ней кислородом. Водород с кислородом — очень нестабильное химическое соединение. Всю атмосферу разнесет в клочья. Да уж, от женского глаза ничего не ускользнет…

Кингсли, Александров и Уайчарт проспорили весь день, а затем вместе с Марлоу и Иветт Хедельфорт пошли в комнату Паркинсона.

— Паркинсон, послушайте, — сказал Кингсли после того, как всем разлили напитки. — Думаю, вам придется решать, что сказать Лондону, Вашингтону и другим мировым столицам греха. Все не так просто, как нам казалось еще утром. И, боюсь, что водород не настолько важен, как вы говорите, Иветт.

— Крис, я не утверждаю, что он важен. Я просто задала вопрос.

— Вы поступили абсолютно правильно, мисс Хедельфорт, — вмешался Уайчарт. — Мы слишком сосредоточились на проблеме температуры

и не обратили внимания на тот эффект, который Облако может оказать на атмосферу Земли.

— Не знали, что Земля будет в Облаке, пока доктор Марлоу не закончил свой отчет, — проворчал Александров.

— Это верно, — согласился Уайчарт. — Но сейчас ситуация прояснилась, и нужно действовать. Первый момент связан с энергией. Каждый грамм водорода, который проникнет в атмосферу, может высвобождать энергию двумя путями. Первый — при столкновении с атмосферой, второй — соединяясь с кислородом. В первом случае высвободится больше энергии, а значит, он важнее.

— Бог мой, это еще хуже! — воскликнул Марлоу.

— Не обязательно. Представьте, что произойдет, если газ Облака проникнет в атмосферу. Верхние слои станут очень горячими, так как именно они примут на себя удар. Мы рассчитали, что температура в верхних слоях атмосферы поднимется до сотен тысяч градусов, возможно, даже миллионов. Следующий момент заключается в том, что Земля и ее атмосфера вращаются, а значит, Облако столкнется с атмосферой только с одной стороны.

— С какой? — спросил Паркинсон.

— Положение Земли на орбите будет таковым, что Облако подойдет к нам примерно с той стороны, где будет находиться Солнце, — объяснила Иветт Хедельфорд.

— Хотя самого Солнца видно не будет, — добавил Марлоу.

— Значит, Облако столкнется с атмосферой в то время, когда у нас обычно день. И не будет соприкасаться с ней по ночам.

— И в этом — суть дела, — продолжал Уайчарт. — Из-за высокой температуры, про которую я вам говорил, верхние слои атмосферы будут иметь тенденцию вырываться «наружу». И произойдет все не «днем», так как в это время будет происходить столкновение с Облаком. Однако по «ночам» верхние слои атмосферы начнут улетучиваться в космос.

— О, я понимаю, что вы хотите сказать, — заметила Иветт Хедельфорд. — Водород начнет поступать в атмосферу «днем», но улетучиваться «ночью». Поэтому не произойдет никакого накопления водорода в атмосфере.

— Совершенно верно.

— Но, Дэйв, можем ли мы быть уверены, что водород исчезнет подобным образом? — спросил

Марлоу. — Если небольшая его часть, скажем один процент или даже одна десятая процента, сохранится, эффект может быть катастрофическим! Мы не должны забывать, что малейшая с астрономической точки зрения помеха способна стереть нас всех с лица Земли.

— Я могу с полной уверенностью предсказать, что весь водород исчезнет. Опасность заключается в другом — вместе с ним из атмосферы в космическое пространство улетучится много других газов.

— Как такое возможно? Вы же сказали, что нагреются только самые верхние слои атмосферы.

В эту минуту в разговор включился Кингсли:

— Ситуация следующая. Начнем с того, что верхние слои атмосферы очень, очень сильно нагреются. Нижние слои, в которых находимся мы, поначалу будут оставаться прохладными. Но затем постепенно энергия будет передаваться в нижние слои, нагревая их.

Кингсли поставил свой стакан с виски.

— Сейчас главное — понять, насколько быстро произойдет это распространение энергии вниз. Как вы, Джефф, уже сказали, самый незначительный эффект может оказаться разрушительным. Нижние слои способны так сильно нагреться,

что зажарят нас в прямом смысле слова, причем поджариваться мы будем медленно, все, включая политиков, Паркинсон!

— Вы забываете, что мы продержимся дольше остальных, так как у нас самая толстая кожа.

— Отлично! Очко в вашу пользу. Конечно, передача энергии может произойти настолько быстро, что вся атмосфера вырвется в космическое пространство.

— А можно как-то прояснить этот момент?

— Всего существует три способа передачи тепловой энергии. Они нам всем хорошо известны. Теплопроводность, конвекция, излучение. Теплопроводность мы сразу исключим, в этом у нас уже нет сомнений.

— Конвекцию также, — перебил его Уайчарт. — Атмосфера будет оставаться стабильной, при этом температура верхних слоев окажется намного выше нижних. Поэтому о конвекции не может быть и речи.

— Значит, остается только излучение, — заключил Марлоу. — И какое воздействие оно может оказать?

— Мы этого не знаем, — ответил Уайчарт. — Нужно провести расчеты.

— Вы можете этим заняться? — настойчивым

тоном спросил Паркинсон.

Кингсли кивнул.

— Давайте рассчитаем, — поддержал его Александров. — Это будет чертовски интересный расчет.

Три недели спустя Кингсли пригласил Паркинсона к себе.

— Мы получили результаты расчетов ЭВМ, — сказал он. — Хорошо, что я настоял, чтобы у нас была такая полезная машинка. Судя по всему, если речь идет об излучении, то бояться нам особенно нечего. Оно увеличится примерно в десять раз, но серьезного вреда нам не причинит. Однако из верхних слоев также проникнет много того, что представляет для нас смертельную угрозу: рентгеновские лучи и ультрафиолет. Но, скорее всего, они не доберутся до самых нижних слоев. На уровне моря мы будем надежно защищены. Однако высоко в горах ситуация окажется уже не такой благоприятной. Думаю, всем людям придется спуститься вниз. Находиться в местах вроде Тибета станет небезопасно.

— Но в целом вы считаете, что все будет хорошо?

— Я даже не знаю... Если честно, Паркинсон, меня это беспокоит. Но не излучение. С ним

не должно возникнуть проблем. Однако я не согласен с мнением Дэйва Уайчарта по поводу конвекции, впрочем, думаю, он и сам не так уж в этом уверен. Вы помните, как он высказал точку зрения о том, что конвекция невозможна, так как температура будет увеличиваться по мере роста высоты? В обычных обстоятельствах так и бывает. Температурные инверсии — распространенное явление, особенно на юге Калифорнии, откуда родом Уайчарт. И при температурной инверсии действительно не происходит вертикального движения воздуха.

— Тогда что же вас беспокоит?

— Верхние слои атмосферы, та их часть, с которой должно столкнуться Облако. Наверху должна быть конвекция из-за удара, который придется снаружи. Эта конвекция не доберется до нижних слоев атмосферы, здесь Уайчарт прав. Однако немного вниз она опустится и передаст в этот слой очень много тепла.

— Но если это тепло не дойдет до самого низа, то и переживать не стоит?

— Возможно, все-таки стоит. Давайте попробуем воспроизвести всю картину по дням. В первый день произойдет небольшое проникновение потоков. Тогда за ночь мы не только потеряем

водород, который поступит за день, но и часть атмосферы, до которой доберутся эти тепловые потоки. Поэтому в первый день вместе с водородом мы лишимся верхнего слоя нашей атмосферы. Затем, на следующие сутки мы потеряем еще один слой. И так день за днем с атмосферы будет сдираться один слой за другим.

— Но за месяц она ведь вся не исчезнет?

— В том-то и проблема. Я не могу вам ответить. Возможно, все случится за десять дней. Возможно, атмосфера с легкостью продержится и месяц. Я просто не знаю.

— Можете выяснить?

— Я попробую, но при расчетах очень тяжело учесть все важные факторы. Здесь все намного сложнее, чем с излучением. Разумеется, какие-то результаты мы сможем получить, но не уверен, что на них стоит полагаться. Я могу вам сразу сказать, что дело это весьма сомнительное. И опять же, честно говоря, я не уверен, что через шесть месяцев нам будет известно больше, чем сейчас. Вероятно, эта проблема слишком сложная и ее не решить непосредственными вычислениями. Боюсь, нам остается только ждать и наблюдать.

— Что мне передать в Лондон?

— Что сочтете нужным. Разумеется, вы должны

сказать им о необходимости эвакуировать все населенные пункты, находящихся высоко в горах, хотя в Британии и нет особенно высоких гор. А что еще им сообщить, решайте сами.

— Но ничего хорошего нас не ждет?

— Не ждет. Если вас это сильно расстроит, советую поговорить с одним из садовников по фамилии Стоддард. Весьма заторможенный тип, и ничто не способно нарушить его душевный покой. Даже исчезновение всей атмосферы целиком.

К третьей неделе января дальнейшую судьбу человечества уже можно было прочитать на небесах. Произошло затмение звезды Ригель в созвездии Ориона. В последующие недели скрылись из вида Меч и Пояс Ориона, а также яркая звезда Сириус. Остальные созвездия, кроме, может быть, Большой Медведицы, Облако могло заслонить так, что никто бы этого и не заметил.

В прессе опять заинтересовались Облаком. Каждый день начали публиковаться «сводки последних событий». Особым спросом стали пользоваться ночные автобусные туры «Путешествие в тайну». Опрос радиослушателей показал, что аудитория передач про астрономию на Би-би-си выросла в три раза.

К концу января, наверное, уже каждый четвертый лично видел Облако. Этого соотношения было недостаточно, чтобы контролировать общественное мнение, но его вполне хватило, чтобы заставить большинство предпринять попытки увидеть все своими глазами. Поскольку многие жители мегаполисов не могли выбраться ночью за город, поступило предложение отключить ночное освещение. Сначала муниципальные власти выступали против, но это привело к тому, что на смену вежливым просьбам пришли яростные требования. Вулверхэмптон стал первым городом в Великобритании, где по ночам начали отключать свет. Затем присоединились и другие населенные пункты, а ко второй неделе февраля сдались и власти Лондона. Наконец большинство людей своими глазами увидели, как Черное Облако, будто огромная рука, сжимает Ориона — небесного охотника.

Похожие события повторились в США и в большинстве других индустриальных стран. В США возникла дополнительная проблема, связанная с эвакуацией западных штатов, так как значительная часть их территория находилась на высоте свыше 5000 футов — максимально безопасного предела, по отчетам ученых из Нортон-

стоу. Американское правительство, разумеется, консультировалось со своими специалистами, но их выводы почти не отличались от тех, что были сделаны в Нортонстоу. Кроме того, США взяли на себя обязанности по эвакуации жителей Анд в Южной Америке.

Аграрные страны Азии, как ни странно, почти не отреагировали на новости, поступавшие из Организации Объединенных Наций. Их политика сводилась к житейскому «поживем — увидим», и, возможно, это был самый разумный курс в текущей ситуации. За тысячи лет азиатские крестьяне привыкли к природным катаклизмам, или «обстоятельствам непреодолимой силы», выражаясь языком западных юристов. Согласно восточному мировоззрению, нужно терпеливо сносить засухи и наводнения, разбойничьи набеги, нашествия саранчи и эпидемии. То же самое касалось и этого неизвестного объекта в небе. В любом случае жизнь предлагала им немного, поэтому и ценили они ее не слишком высоко.

Эвакуацией Тибета, Шанхая и внешней Монголии должен был заняться Китай. Но правительство проявило циничное равнодушие и не предприняло никаких мер. Русские, напротив, оказались чрезвычайно пунктуальны и точны

во время эвакуации Памира. Кроме того, были предприняты попытки эвакуировать афганцев, но они выдворили советских эмиссаров под дулами автоматов. Индия и Пакистан тоже не предприняли никаких мер по эвакуации горных регионов к югу от Гималайского водораздела.

С наступлением весны в Северном полушарии Облако стало все больше перемещаться с ночного неба на дневное. И хотя оно быстро расползалось за пределы созвездия Орион, полностью заслонив его собой, обычным наблюдателям стало сложнее увидеть его. Британцы продолжали играть в крикет и вскапывать свои огороды, так же как и американцы.

Большой интерес к садоводству был связан с ранним летом, которое началось еще в середине мая. Разумеется, в воздухе витали нехорошие предчувствия, но необычайно ясная и солнечная погода способствовала тому, что на них перестали обращать внимание. А к концу мая уже созрел урожай овощей.

У правительства прекрасная погода совсем не вызывала радости. Слишком зловещими казались ее причины. С момента своего первого обнаружения Облако уже преодолело около девяноста процентов маршрута к Солнцу. Разумеется,

было ясно, что, приближаясь к Солнцу, Облако отражало все больше и больше солнечного излучения, и это вызывало повышение температуры на Земле. По умозаключению Марлоу, количество видимого солнечного излучения, практически, не должно меняться, и его предсказания подтвердились. Всю солнечную весну и в начале лета яркость неба не увеличивалась. Солнечное излучение, падавшее на Облако, отражалась от него невидимыми тепловыми лучами. К счастью, далеко не все солнечное излучение подвергалось подобному отражению, в противном случае жить на Земле стало бы просто невыносимо. Кроме того, большая часть теплового излучения не проникала в атмосферу, а отражалась в космическое пространство.

К июню стало ясно, что температура на Земле в скором времени поднимется где-то на пятнадцать градусов по Цельсию. Мало кто осознавал, насколько близко к крайнему допустимому для жизни температурному пределу живет большая часть человечества. В очень сухом климате человек может выживать при 60 градусах тепла. Такая температура часто бывает летом в низинных регионах Западно-американской пустыни и в Северной Африке. Но при высокой влажности

уже 45 градусов могут стать для человека смертельными. Высокая влажность и температура 40 градусов часто наблюдается на восточном побережье США, а иногда и на Среднем Западе. Удивительно, что на экваторе столбик термометра редко поднимается выше 35 градусов, хотя влажность там очень высока. Причина этой аномалии заключается в плотных облаках над экватором, которые отражают в космос большое количество солнечных лучей.

Соответственно, можно сделать выводы, что на значительной части Земли разница между предельно безопасной температурой и фактической составляет не больше 10 градусов Цельсия, а в некоторых местах она значительно ниже. Поэтому повышение на 15 градусов могло вызвать серьезные опасения.

Также стоило добавить, что человеческое тело не способно избавиться от постоянно вырабатываемого тепла, и это приводит к смерти. Поэтому необходимо постоянно поддерживать нормальный температурный режим тела в районе 36,6 градусов. Увеличение температуры тела до 38 градусов ведет к болезненному состоянию, до 40 — вызывает горячечный бред, а около 42 — может привести к смерти. Естественно, возникает

вопрос, как телу удается избавляться от излишнего тепла, когда оно оказывается в более горячей атмосфере, например при температуре в 44 градуса? Все дело в испарении пота. Лучше всего это происходит при низкой влажности, именно поэтому человеку легче выживать в условиях небольшой влажности, и жара в таком климате переносится намного легче.

Очевидно, что события следующих дней во многом зависели от уровня влажности. Именно на нее возлагались все надежды. Тепловое излучение, исходившее от Облака, должно нагреть сушу намного быстрее поверхности моря, и температура воздуха будет расти, так как она зависит от температуры земли, в то время как уровень влажности, зависящий от температуры моря, начнет подниматься не так быстро. Следовательно, сначала температура воздуха повысится, а влажность упадет. Именно это падение относительной влажности стало причиной такой небывало ясной весны и начала лета в Великобритании.

При проведении первых подсчетов значение теплового излучения Облака оказалось сильно недооценено. В противном случае американское правительство не разместило бы свой научно-

консультативный центр в пустыне. Теперь им приходилось эвакуировать людей и оборудование. Из-за этого они стали еще больше зависеть от информации, которую предоставляли ученые Нортонстоу, отчего ее важность только возросла. Однако в Нортонстоу возникли свои проблемы.

На совещании группы, занимавшейся изучением Облака, Александров выразил всеобщее мнение, заявив:

— Результат невероятен. Эксперимент проведен неверно.

Но Джон Мальборо продолжал настаивать на своей правоте. И чтобы выйти из тупика, все договорились, что Гарри Лестер, занимавшийся до этого вопросами связи, проведет всю работу повторно. Через десять дней Лестер отчитался перед остальными.

— Давайте вернемся к ранним этапам наблюдений. Когда Облако только обнаружили, оно двигалось к Солнцу со скоростью чуть меньше семидесяти километров в секунду. По предварительным подсчетам, по мере приближения к Солнцу скорость облака должна возрастать и в конце концов достигнет восьмидесяти километров в секунду. Две недели назад Мальборо отчитался о проведенных наблюдения и со-

общил, что Облако ведет себя не так, как мы предполагали. Вместо того чтобы набирать скорость, приближаясь к Солнцу, оно замедляется. Как вам известно, мы решили повторить наблюдения Мальборо. И, думаю, лучше всего сейчас показать вам несколько слайдов.

Единственным, кого обрадовали эти слайды, оказался сам Мальборо. Результат его деятельности подтвердился.

— Но черт побери! — воскликнул Уайчарт. — Облако должно ускоряться, когда оно проходит через гравитационное поле Солнца.

— Если только ему каким-то образом не удается избавляться от импульса, — возразил Лестер. — Давайте еще раз взглянем на последний слайд. Вы видите эти маленькие точки вот здесь? Они такие крошечные, что их можно легко принять за дефект пленки. Но если они на самом деле существуют, то скорость их движения составляет около пятиста километров в секунду.

— Очень интересно, — проворчал Кингсли. — Вы хотите сказать, что Облако выстреливает маленькими фрагментами материи, и это позволяет ему замедляться?

— Можно объяснить это и таким образом, — ответил Лестер. — По крайней мере, эта ин-

терпретация совпадает с законами механики и в какой-то степени представляется разумной.

— Но почему Облако, черт возьми, так себя ведет? — спросил Уайчарт.

— Может, потому, что в нем спрятался какой-нибудь паршивец? — предположил Александров.

Тем же днем Паркинсон отправился на прогулку вместе с Марлоу и Кингсли.

— Интересно, приведут ли сегодняшние открытия к каким-нибудь серьезным переменам? — спросил он.

— Трудно сказать, — ответил Марлоу, попыхивая трубкой. — Пока рано говорить. Но теперь мы должны быть начеку.

— Наше расписание может измениться, — заметил Кингсли. — Мы думали, что Облако доберется до Солнца в начале июля, но, если произошло замедление, Облаку придется лететь дольше. Это может случиться в конце июля или даже в августе. И я не уверен теперь относительно наших вычислений температуры внутри Облака. Изменение скорости должно повлиять на нее.

— Я правильно понимаю, что Облако замедляется точно таким же образом, как и ракета, — выбрасывая на большой скорости фрагменты

материи? — спросил Паркинсон.

— Похоже на то. Мы как раз обсуждали возможные причины.

— И какие же пришли вам на ум?

— Что ж, — подхватил Марлоу, — очевидно, что Облако обладает сильным магнитным полем. Оно уже вызвало серьезные возмущения магнитного поля Земли. Конечно, не исключено, что все дело в солнечных корпускулах и обычных магнитных бурях. Но я подозреваю, что мы столкнулись с магнитным полем Облака.

— Так вы считаете, что все это связано с магнитными явлениями?

— Вполне возможно. Причиной некоторых процессов может стать взаимодействие магнитного поля Земли с магнитным полем Облака. Пока еще неясно, что именно происходит, но такое объяснение кажется наиболее вероятным изо всех, приходивших нам на ум.

Когда все трое свернули за угол, они увидели коренастого мужчину, который почтительно приподнял свою кепку.

— Доброго дня, джентльмены.

— Какая сегодня замечательная погода, Стоддард. Как ваш сад?

— Да, сэр, погода просто-таки расчудесная! По-

мидоры уже созрели. Никогда раньше не видел такого.

Они пошли дальше, и Кингсли сказал:

— Честно говоря, если бы у меня появилась возможность поменяться местами с этим малым на ближайшие три месяца, я согласился бы, не раздумывая. Как же это замечательно, когда вас волнует только созревание помидоров!

В течение всего июня и июля температура постепенно росла по всей Земле. На Британских островах она поднялась до двадцати пяти градусов, затем — до тридцати и постепенно стала приближаться к отметке в сорок. Люди жаловались на жару, но серьезных потрясений это не вызывало.

В США число жертв оказалось невысоким, а все благодаря кондиционерам, установленным в предыдущие годы и месяцы. По всей стране температура поднялась до смертоносного уровня, и людям приходилось неделями не выходить из дома. Иногда кондиционеры выходили из строя, и это приводило к фатальным последствиям.

В тропиках положение оказалось совсем бедственным, судя по тому, что 7943 вида растений и животных полностью вымерли. Люди спасались в пещерах и погребах, которые они сами

вырыли. Зной стоял невыносимый. Сколько всего погибло на этом этапе, так и осталось неизвестным. Можно лишь сказать, что все этапы, вместе взятые, унесли жизни более семи миллионов человек. И число жертв было бы больше, если бы не различные благоприятные обстоятельства, о которых нам еще предстоит рассказать.

В конце концов температура поверхностных слоев моря стала повышаться, это произошло не так быстро, как на суше, но все же скорость оказалась достаточно высокой, чтобы увеличить влажность до опасного уровня. Именно из-за нее и возникло то бедственное положение, о котором упоминалось выше. Миллионам людей в широтах между Каиром и мысом Доброй Надежды пришлось существовать в удушающей атмосфере, причем влажность и зной продолжали неумолимо расти с каждым днем. Люди полностью перестали перемещаться. Им оставалось только лежать и тяжело дышать, как дышат собаки в жаркую погоду.

К четвертой неделе июля тропики оказались на грани между жизнью и полным вымиранием. Затем совершенно внезапно над всем земным шаром собрались дождевые облака. Три дня подряд на небе не было видно ни малейшего просвета.

Тучи заволокли всю Землю, как это обычно происходит с планетой Венера. Температура немного опустилась — без сомнения из-за того, что облака отражали в космос большую часть теплового излучения Солнца. Однако общая обстановка не улучшилась. Повсюду, даже в Исландии, выпадали теплые дожди. Невероятно увеличились популяции насекомых, ведь зной для них так же приятен, как невыносим он для человека и других млекопитающих.

Фантастическим буйным цветом разрослись растения. Зацвела даже пустыня, чего не происходило за все время пребывания человека на Земле. По иронии судьбы, несмотря на неожиданное плодородие прежде засушливых земель, никто не пытался ничего ни сеять, ни сажать. На всей Земле, кроме северо-западной Европы и отдаленных северных регионов, люди пытались просто выжить. Ни о какой деятельности не могло быть и речи. Окружающая среда поставила на колени венец творения, который последние пятнадцать лет гордился тем, что научился эту среду контролировать.

И хотя условия не улучшались, дальнейшего ухудшения также не происходило. Несмотря на скудные запасы еды, воды теперь оказалось

в избытке, и многие люди, столкнувшиеся с экстремальной жарой, все-таки смогли выжить. Смертность достигла пугающего уровня, но дальше расти не стала.

Примерно за неделю до того, как облака закрыли всю Землю, в Нортонстоу было совершено любопытное, с точки зрения астрономии, открытие. При весьма драматических обстоятельствах подтвердилось существование больших облаков пыли на Луне.

Рост температур в июле превратил обычно прохладное британское лето в тропический зной, если не сказать хуже. Трава вскоре выгорела, цветы погибли. По сравнению с условиями, преобладавшими на большей части Земли, Британия пострадала не так сильно. Однако дневная температура все равно поднималась до 38 градусов днем, а ночью опускалась только до 32 градусов. Все рванули на морские курорты, побережья заполонили дома на колесах.

Нортонстоу, к счастью, теперь располагал большим убежищем с кондиционерами, и большинство сотрудников предпочитали ночевать именно там. В остальном жизнь здесь шла как и прежде, разве что прогулки теперь совершались по ночам, а не под жарким солнцем.

Однажды лунной ночью Марлоу, Эмерсон и Кнут Йенсен вышли из дома прогуляться, когда освещение вдруг стало меняться. Эмерсон поднял голову и сказал:

— Знаете, Джефф, это, черт возьми, странно. Я не вижу облаков.

— Возможно, все дело в ледяных кристаллах, находящихся на большой высоте.

— В такую жару это просто невозможно!

— Пожалуй, что вы правы.

— К тому же ледяные кристаллы не могут иметь такого странного желтого цвета, — добавил Йенсен.

— В таком случае нам остается только одно. Если сомневаешься — проверь. Пойдемте к телескопу.

Они отправились к куполу, в котором находился Шмидт. Марлоу навел на Луну шестидюймовый объектив.

— Бог мой! — воскликнул он. — Да там все бурлит!

Эмерсон и Йенсен тоже посмотрели в телескоп. Затем Марлоу сказал:

— Нам лучше вернуться в дом и позвать всех сюда. Такое можно увидеть лишь раз в жизни! Я хочу сам сделать снимки с телескопа.

Энн Халси присоединилась к группе ученых, поспешивших ответить на настойчивый призыв Эмерсона и Йенсена. Когда пришла ее очередь посмотреть в телескоп, Энн просто не знала, что ей сказать. У нее имелись общие представления о том, как выглядит серая, покрытая кратерами, пустынная поверхность Луны, но она, конечно же, не знала всех подробностей рельефа. Не понимала она и значения тех замечаний, которыми в волнении обменивались астрономы. Поэтому к телескопу она подошла скорее из чувства долга. Но когда настроила фокус, ее взгляду открылась совершенно фантастическая картина. Луна была лимонно-желтого цвета. Обычно четкие детали казались размытыми из-за гигантского облака, которое расползлось за пределы ее очертаний. И это облако подпитывали потоки частиц, которые вырывались из темных участков. То там, то здесь из темноты возникали новые потоки, пульсирующие и мерцающие самым невероятным образом.

— Послушайте, Энн, вы тут не одна! Мы тоже хотим посмотреть, пока ночь не закончилась! — послышался чей-то голос.

Она с неохотой уступила место.

— Крис, что это значит? — спросила Энн Кингс-

ли, пока они шли в укрытие.

— Вы помните, мы как-то говорили, что Облако замедляется? Что, приближаясь к Солнцу, оно сбрасывает скорость, вместо того чтобы набирать ее?

— Я помню, всех это сильно встревожило.

— Так вот, Облако замедляется благодаря тому, что выбрасывает сгустки газа на очень высокой скорости. Мы не знаем, по какой причине оно это делает и каким образом, но наблюдения Мальборо и Лестера ясно свидетельствуют об этом.

— Вы же не хотите сказать, что одна из частиц Облака попала в Луну?

— На мой взгляд, именно это и произошло. Те темные участки — гигантские облака пыли, возможно, в две или три мили высотой. И под воздействием движущегося на большой скорости газа пыль поднимается вверх на высоту в сотни миль от поверхности Луны.

— А могут ли эти сгустки газа попасть в нас?

— Думаю, это маловероятно. Земля — очень маленькая мишень. Хотя Луна и того меньше, а один их них только что попала в нее.

— И что случится, если?..

— Газ попадет в нас? Мне даже не хочется об этом думать. Нам и так приходится переживать,

что Облако налетит на нас на скорости где-то в пятьдесят километров в секунду. Если же фрагмент этой материи угодит в Землю на скорости около тысячи километров в секунду, случится ужасное. Думаю, что вся атмосфера Земли просто поднимется в космос, как эта лунная пыль.

— Я только не могу понять, Крис, как вы, зная все это, так сильно переживаете из-за политики и политиков. Ведь это кажется таким неважным и ничтожным.

— Моя дорогая Энн, если бы я все время думал о сложившейся ситуации, то через пару дней просто сошел бы с ума. Некоторые именно так и сходят с ума. Другие спиваются. Я же предпочитаю убегать от реальности, изливая свою желчь на политиков. Старина Паркинсон прекрасно знает, что мы просто играем в своего рода игру. А если серьезно, то теперь наша жизнь будет измеряться часами.

Она подошла к нему чуть ближе.

— Или, возможно, мне стоит выразиться более поэтично, — тихо проговорил Кингсли:

Поцелуй меня, красавица.
Скоро может оборваться жизнь[2].

---

[2] Примечания: 2
Искаженная цитата из «Двенадцатой ночи» Уильяма Шекспира.

Прибытие

В конце июля в Нортонстоу начались ночные дежурства. Джон Стоддард дежурил вместе с остальными, так как в работе садовника практически отпала необходимость. Невозможно ухаживать за садом под тропическим зноем.

Смена Джо выпала на ночь 27 августа. За это время не произошло никаких драматических событий. Однако в 7:30 утра Джо настойчиво постучал в дверь комнаты Кингсли. Прошлым вечером тот неплохо покутил в компании других ученых и не сразу понял, что Джо пытается донести до него нечто важное. Но наконец все же заметил, каким непривычно мрачным выглядел жизнерадостный садовник.

— Его нет, сэр, нет его там!

— Чего нет? Ради бога, принесите мне чашку чая, у меня во рту как на дне клетки попугая.

— Чашку чая, сэр? — Джо запнулся, но затем продолжил свою мысль: — Да, сэр, вы просили сказать вам, если случится что-то необычное, и его там правда нет.

— Джо, послушайте, при всем моем уважении,

я со всей серьезностью заявляю, что прямо сейчас шкуру с вас спущу, если вы не скажете мне, чего там нет. — Кингсли сделал паузу, а затем повторил медленно и громко: — Так чего там нет?

— Дня, сэр! Солнца нет!

Кингсли схватил свои часы. Было около 7:42 утра, в августе к этому времени солнце уже должно взойти. Он выскочил из убежища. Тьма стояла кромешная, даже звезд не было видно — их свет просто не проникал через толстое покрывало облаков. Безрассудный первобытный ужас просочился в мир. Свет померк.

В Англии и других западных странах ночь смягчила потрясение, ведь затмение Солнца в этом регионе пришлось на ночные часы. Вечером свет, как обычно, стал постепенно гаснуть. Но через восемь часов рассвет так и не наступил. За эти часы стена Облака подступило к Солнцу.

В Восточном полушарии люди испытали на себе весь ужас, вызванный полным исчезновением света. Кромешная беспросветная тьма опустилась посередине дня. Например, в Австралии небо начало темнеть ближе к полудню, и к трем часам дня стало совсем черно, за исключением тех мест, где включили искусственное освещение. Во многих крупных городах по всему миру

начались жестокие беспорядки.

Три дня Земля существовала в полнейшей темноте, кроме отдельных регионов, обладающих достаточным технологическим развитием для обеспечения искусственного освещения. Лос-Анджелес и другие американские города жили, освещенные сиянием миллиона электрических ламп. Но даже это не спасало американцев от ужаса, охватившего все человечество. В самом деле, можно сказать, что американцы располагали большим количеством свободного времени и возможностей, чтобы следить за ситуацией, собравшись около телевизоров, они ожидали заявлений от представителей властей, которые оказались не в силах понять или контролировать ход событий.

Через три дня произошло два события. Небо снова начало светлеть, и пошел дождь. Сначала свет был совсем слабым, но день за днем он становился все ярче, пока наконец не стал чем-то средним между сиянием полной луны и полуденного солнца. Сложно понять, принес ли этот свет какое-то облегчение людям всего мира, находившимся в состоянии глубокого стресса, ведь темно-красный оттенок ясно указывал на его неестественное происхождение.

Дожди сначала были теплыми, однако температура постепенно и неуклонно снижалась. Осадков выпало невероятно много. Воздух оказался настолько горячим и влажным, что в нем накопилось очень много влаги. С понижением температуры, связанным с исчезновением солнечных лучей, все больше и больше влаги выпадало в виде дождей. Реки быстро поднялись и вышли из берегов, уничтожая коммуникации и оставляя множество людей без крыши над головой. После нескольких дней изнуряющей жары сложно представить себе, в каком положении находились миллионы людей по всему миру, оказавшиеся во власти неукротимой воды. И все это время в воде отражался сверхъестественный красноватый тусклый свет.

Однако наводнения не имели таких разрушительных последствий, как ураганы, которые пронеслись над всей Землей. В атмосферу произошел беспрецедентный выброс энергии из-за конденсации паров в дождевые капли. Этого оказалось достаточно, чтобы спровоцировать сильнейшие колебания атмосферного давления и привести к возникновению невероятных ураганов, которых никогда еще не знало человечество.

Один из таких ураганов практически уничтожил поместье Нортонстоу. Под завалами погибли двое рабочих. И это была не последняя трагедия в Нортонстоу. Кнута Йенсена и Грету — ту самую Грету Йохансон, которой писал Кингсли, — убило упавшее во время сильнейшей грозы дерево. Их похоронили рядом около старого поместья.

Температура все продолжала падать. Дождь сменился ледяной изморосью, а затем и снегом. Затопленные поля затянуло льдом, и в сентябре бурные реки постепенно затихли, превратившись в застывшие ледяные каскады. Снежные поля стали постепенно подбираться к тропикам. Когда же земля оказалась во власти мороза, снега и льда, тучи рассеялись. И люди снова смогли видеть космос.

Теперь стало ясно, что зловещий красный свет исходил не от Солнца. Он распространялся от горизонта до горизонта, не имея отдельного источника. Все дневное небо сияло слабым и тусклым красным светом. По радио и телевидению людям сообщили, что свет излучает Облако, а не Солнце. Ученые объяснили, что его возникновение связно с тем, что Облако нагрелось, когда окружило Солнце.

К концу сентября первые, легкие, как паутина,

края Облака добрались до Земли. Как и предсказывали ученые в Нортонстоу, верхние слои атмосферы сильно нагрелись. Однако пока что газ оказался слишком разреженным, чтобы вызвать увеличение температуры до сотен тысяч или миллионов градусов. И все же температура поднялась на десятки тысяч градусов. Этого оказалось достаточно, чтобы верхние слои атмосферы стали излучать переливающийся голубой свет, который легко можно было увидеть по ночам. Ночи стали неописуемо прекрасными, но мало кто из людей мог любоваться ими, ведь для наслаждения истинной красотой необходимы безмятежность и покой. Но, возможно, какой-нибудь суровый северный пастух, охраняющий свое стадо, и взирал с удивлением и благоговением на ночное небо, перечерченное фиолетовыми узорами.

Итак, со временем установился следующий распорядок: на смену мрачным красным дням приходили искрящиеся синие ночи. Но ни Солнце, ни Луна не играли в этом никакой роли. А температура все продолжала падать.

За этот период погибло очень много людей, за исключением тех, что проживали в промышленно развитых странах. Неделями им приходилось

существовать в практически невыносимой жаре. Затем много жизней унесли наводнения и ураганы. С наступлением сильных холодов возросла смертность от пневмонии. В промежутке между началом августа и первой неделей октября погибла примерно четверть населения Земли. Невозможно описать словами все масштабы этой трагедии, посетившей так много домов! Смерть неумолимо разлучала влюбленных, мужей и жен, родителей и детей.

Премьер-министр рассердился на ученых из Нортонстоу. Его раздражение было так сильно, что он отправился туда лично. И даже тяготы путешествия в лютый мороз не заставили его отступить.

— Оказывается, правительство ввели в серьезное заблуждение, — сказал он Кингсли. — Сначала вы сказали, что чрезвычайная ситуация продлится не больше месяца. Так вот, прошло уже намного больше времени, и до сих пор не видно всему этому ни конца ни края. Когда же все закончится?

— Не имею ни малейшего представления, — ответил Кингсли.

Премьер-министр бросил злобный взгляд на Паркинсона, Марлоу, Лестера, а затем с особой

свирепостью обратился к Кингсли:

— Позволю себе спросить, как вы объясните такую вопиющую дезинформацию? Мне стоит обратить ваше внимание на то, что вас в Нортонстоу обеспечили всем необходимым? Да что там говорить, вас тут окружили заботой, холили и лелеяли, как сказали бы некоторые из моих коллег. Взамен мы имели полное право ожидать, что вы продемонстрируете достаточную компетентность. Я хочу отметить, что условия жизни здесь намного превосходят те, в которых вынуждено работать правительство.

— Разумеется, условия здесь лучше. Мы же предвидели, что нас ждет.

— Похоже, это единственное, в чем проявилась ваша предусмотрительность — в заботе о личном комфорте и безопасности.

— В данном случае мы следуем примерно тем же курсом, что и правительство.

— Сэр, я вас не понимаю.

— Тогда позвольте изложить позицию яснее. Когда стало известно о ситуации с Облаком, ваше, да и все остальные правительства, насколько я помню, были озабочены только одним — как не допустить, чтобы факты о происходящем стали известны широкой общественности. Ре-

альная причина такой секретности, разумеется, заключалась в том, чтобы не позволить людям выбирать себе более эффективных представителей власти.

Эти слова окончательно вывели премьер-министра из себя.

— Кингсли, скажу вам сейчас прямо: вернувшись в Лондон, я предприму несколько шагов, которые вряд ли вам понравятся.

Паркинсон заметил, как внезапно добродушно-веселый, ироничный тон Кингсли сменился на более жесткий.

— Боюсь, вам не удастся вернуться в Лондон, вы останетесь здесь.

— Я очень сильно сомневаюсь, что даже у вас, профессор Кингсли, хватит наглости сделать меня вашим пленником.

— Не пленником, мой дорогой премьер-министр, ничего подобного, — с улыбкой ответил Кингсли. — Я бы сказал иначе. В предстоящем кризисе вам будет намного безопаснее находиться в Нортонстоу, чем в Лондоне. Поэтому мы предпочитаем, разумеется в интересах нашего народа, чтобы вы оставались в Нортонстоу. И поскольку вам с Паркинсоном, без сомнения, нужно многое обсудить друг с другом, полагаю,

вы захотите, чтоб мы с Лестером и Марлоу оставили вас одних.

Марлоу и Лестер с ошарашенным видом вышли вслед за Кингсли из комнаты.

— Крис, вы не можете так поступить, — сказал Марлоу.

— Могу и поступлю. Если разрешим ему вернуться в Лондон, то под угрозой окажутся жизни всех, кто здесь находится, начиная с вас, Джефф, и заканчивая Джо Стоддардом. А этого я просто не могу допустить. Не будем усложнять и без того практически безвыходную ситуацию.

— Но если он не вернется в Лондон, за ним кого-нибудь пришлют.

— Не пришлют. Мы отправим радиосообщение и скажем, что дороги временно стали непригодными для проезда, и пару дней премьер-министру придется повременить с возвращением. Температура быстро опускается — вы ведь помните, что я вам говорил, когда мы ездили в пустыню Мохаве? О том, что температура резко опустится? Именно это сейчас и происходит. Через несколько дней по дорогам действительно невозможно будет проехать.

— Не понимаю. Неужели навалит еще больше снега?

— Нет, конечно. Но совсем скоро температура станет такой низкой, что любой двигатель внутреннего сгорания просто заглохнет. Не останется моторизованных транспортных средств, способных перемещаться по земле или воздуху. Конечно, можно изготовить специальные двигатели, но, когда у них дойдут до этого руки, ситуация настолько усугубится, что никто уже не будет переживать о том, где находится премьер-министр: в Лондоне или нет.

— Полагаю, так и будет, — согласился Лестер. — Нам придется блефовать всего около недели. А потом все наладится. Честно говоря, не хочется, чтобы меня выставили на мороз из нашего уютного маленького убежища, особенно после всех тех трудностей, которые мы пережили, пока строили его.

Паркинсону редко приходилось видеть премьер-министра по-настоящему рассерженным. Раньше он просто старался ему поддакивать, чтобы не разъярить еще сильнее. Но теперь он чувствовал, что придется принять весь гнев премьер-министра на себя.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он после того, как несколько минут выслушивал премьер-министра, — но, боюсь, вы сами виноваты.

Зря вы назвали Кингсли некомпетентным. Это несправедливое обвинение.

— Несправедливое! — захлебываясь от ярости проговорил премьер-министр. — Фрэнсис, вы понимаете, что из-за утверждений Кингсли об одном месяце, мы не сделали специальных запасов топлива? Вы хоть представляете, в какое положение он всех нас поставил?

— То, что кризис продлится всего месяц, заявлял не только Кингсли. То же самое подтвердили и американцы.

— Одна некомпетентность не служит оправданием для другой.

— Я не согласен, сэр. Когда я находился в Лондоне, мы все время стремились преуменьшать значимость ситуации. В отчетах Кингсли всегда звучали опасения, которые мы не хотели принимать во внимание. Мы постоянно убеждали себя, что ситуация намного лучше, чем кажется. И никогда не рассматривали вероятность, что все окажется хуже наших предположений. Возможно, Кингсли и ошибался, но все же оказался ближе нас к истине.

— Но почему он ошибся? Почему все ученые ошиблись? Вот что я пытался выяснить, только никто мне этого не объяснил.

— Они бы объяснили, если бы вы потрудились их спросить, а не мешать им своими криками.

— Я начинаю подозревать, что вы провели здесь слишком много времени, Фрэнсис.

— Я прожил здесь достаточно и понял, что ученые не считают себя людьми, неспособными на ошибки. Это мы, обыватели, пытаемся рассматривать их утверждения как безошибочные.

— Ради бога, хватит философствовать, Фрэнсис! Будьте так добры, объясните мне просто и ясно, что пошло не так?

— Насколько я понимаю, Облако повело себя совершенно неожиданным образом, и никто не может этого понять. Все ученые считали, что оно будет набирать скорость по мере приближения к Солнцу, затем пройдет мимо Солнца и снова улетит в космос. Вместо этого оно стало замедляться, а оказавшись около Солнца, практически остановилось. Оно не полетело дальше, а зависло вокруг Солнца.

— Но как долго оно так будет оставаться? Меня это больше всего интересует.

— Этого вам никто не сможет сказать. Может быть, неделю, месяц, год, тысячелетие, миллион лет. Никто не знает.

— Но боже мой, вы хотя бы слышите, что го-

ворите? Если Облако не улетит, мы долго не протянем.

— Вы думаете, Кингсли этого не знает? Если Облако останется еще на месяц, много людей погибнет, но некоторые уцелеют. Если на два месяца — то уцелеют единицы. Если на три, то все, кто находятся в Нортонстоу, умрут, несмотря на наши приготовления. И мы будем в числе тех, кто умрет последними. Если же оно останется здесь на год, то на Земле погибнет все живое. Как я уже сказал, Кингсли все это известно, именно поэтому он не воспринимает всерьез политическую сторону этого вопроса.

Перемена к лучшему

Хотя в тот момент еще никто этого не осознавал, но визит премьер-министра произошел в самый тяжелый момент всей истории Черного Облака. Первые признаки улучшения ситуации обнаружили радиоастрономы, которые ни на минуту не прерывали своих наблюдений за Облаком, несмотря на то, что им приходилось работать на открытом воздухе в тяжелейших условиях. 6 октября Джон Мальборо собрал совещание. Пошел слух, что он собирается сообщить нечто важное, поэтому явились многие.

Мальборо продемонстрировал данные своих наблюдений, указывающие на то, что в последние десять дней количество газа, находящегося между Землей и Солнцем, постоянно уменьшалось — примерно вполовину за каждые три дня. И если так будет продолжаться следующие две недели, мы снова увидим Солнце, но, разумеется, нет никакой уверенности, что так будет продолжаться и дальше.

Мальборо спросили, означало ли это, что Облако стало отдаляться от Солнца. На этот вопрос он

ответил, что не видит тому доказательств. Судя по всему, материя, из которой состояло Облако, перераспределялась таким образом, что Солнце могло светить сквозь нее, но исключительно в нашу сторону.

— Не слишком ли самонадеянно допускать, что Облако вдруг неожиданно рассеялось как раз с той стороны, где находимся мы? — спросил Уайчарт.

— Безусловно, это странно, — ответил Мальборо. — Но я лишь представляю вам известные мне сведения. И не даю никаких интерпретаций.

Александров сделал верное предположение, хотя в тот момент никто не отнесся к нему серьезно. Возможно, это было связано с тем, каким образом Александров высказал свое мнение.

— Устойчивость конфигурации диска, — сказал он. — Возможно, Облако принимает форму… диска.

Все заулыбались, а кто-то воскликнул:

— Алексей, вы лаконичны, как военный.

Александрова эти слова привели в замешательство.

— Не военный я. А… ученый, — возразил он.

Премьер-министр решил не отклоняться от темы и сказал:

— Позвольте мне все-таки сформулировать услышанное в более приемлемых для выступления в парламенте выражениях. Я правильно понимаю, что текущая катастрофа должна завершиться в течение двух недель?

— Если нынешнее положение вещей сохранится, то да, — ответил Мальборо.

— Значит, мы должны внимательно наблюдать за происходящим и быть в курсе текущей ситуации.

— Блестящее умозаключение! — простонал Кингсли.

Можно смело сказать, что в истории науки ни одни измерения не проводились с такой тревогой и даже трепетом, как те, которыми занимались радиоастрономы на протяжении следующих дней. Кривая, которую они строили, была в прямом смысле слова кривой жизни и смерти. Ее дальнейший спад означал жизнь, но, если спад прекратится и кривая начнет подниматься, это означало смерть.

Каждые несколько часов в график добавлялись новые пункты. Все, кто мог хоть как-то оценить суть проблемы, старались находиться рядом. И ночью, и в сумерках, и при тусклом дневном свете, они стояли и ждали, когда на графике

появятся новые точки. Четыре дня и четыре ночи кривая продолжала снижение, но на пятый — снижение уменьшилось, а на шестой на смену снижению пришел подъем. Никто почти не разговаривал, лишь иногда люди обменивались короткими репликами. Сложно описать словами, насколько сильным было напряжение. Затем на седьмой день снижение продолжилось, и на восьмой — оно стало еще более резким, чем прежде. Сильное напряжение сменилось бурной реакцией. По меркам обычного человека, нравы в Нортонстоу могли показаться слишком свободными, и, возможно, в тот момент все обстояло именно так. Но непосредственные участники событий — те, кто пережил первые мучительные шесть дней, — не находили в таком поведении ничего предосудительного.

Впоследствии кривая продолжила снижение, количество газа между Землей и Солнцем уменьшалось все быстрее. 19 октября на дневном небе уже можно было рассмотреть желтый световой круг. Он все еще выглядел тусклым, но с течением времени двигался по небу. Без сомнения, то было Солнце, которое люди смогли увидеть впервые с начала августа. Но его по-прежнему скрывала пелена из газа и пыли. Однако эта пелена стано-

вилась все тоньше и тоньше. К 24 октября Солнце засияло уже в полную силу, осветив своими лучами замерзшую Землю.

Те, кому довелось видеть своими глазами восход солнца после холодной ночи в пустыне, могут получить слабое представление о том, какая всех охватила радость 24 октября 1965 года. Стоит также сказать кое-что о религии. С приближением Облака различные религиозные верования приобрели небывалую популярность. Весной свидетели Иеговы полностью приковали к себе внимание всех посетителей Гайд-Парка, оставив других ораторов без аудитории. Священники англиканской церкви, к огромному своему удивлению, обнаружили, что их проповеди стали посещать толпы прихожан. Но 24 октября все изменилось коренным образом. Мужчины и женщины разных верований — христиане, мусульмане, буддисты, индуисты, иудеи — искренне прониклись всеми теми чувствами, которые испытывали когда-то древние солнцепоклонники. Правда, поклонение Солнцу так и не стало официальной религией, поскольку у нее не оказалось единого центра, однако отголоски этого древнего верования снова дали о себе знать и укоренились в современном обществе.

Тропики оттаяли первыми. Лед сошел с рек. Снега растаяли, что вызвало очередные наводнения, но они оказались намного слабее тех, что были прежде. В Северной Америке и Европе снег растаял лишь отчасти, до обычного для конца осени состояния.

Какие бы страдания ни выпали на долю людей в высокоразвитых странах, дела у населения в этих регионах шли намного лучше, чем у тех, кому повезло значительно меньше. И это еще раз подчеркивало, как важно иметь в своем распоряжении достаточно энергии и промышленного оборудования. Стоит также добавить, что ситуация могла сложиться совершенно иначе, если бы мороз продолжал усиливаться, так как улучшение погодных условий наступило в тот момент, когда мировая промышленность оказалась на пороге всеобщего коллапса.

Парадоксально, но среди народов, не обладающих развитой промышленностью, самый сильный урон понесли тропики, а легче всего пережили случившееся кочевники-эскимосы. Во многих местах тропической и субтропической зоны умер каждый второй ее житель. Среди эскимосов же погибших оказалось совсем мало, лишь немногим больше, чем в обычное время. Жара на

севере была не слишком сильной. У эскимосов она вызвала дискомфорт, но не более того. Таяние льдов и снега мешало их свободному передвижению и значительно сократило охотничьи угодья. Но температуры оказались не настолько высокими, чтобы приводить к летальным исходам. Холод также не нанес им сильного урона. Они просто зарылись в снег и ждали; поэтому можно сказать, что во многих отношениях они пережили произошедшее намного легче, чем жители Англии.

Положение правительств многих стран оказалось довольно шатким. Казалось, теперь коммунистическое движение может принять небывалый размах. А Соединенные Штаты начнут активную борьбу с коммунизмом, в то время как группы инакомыслящих будут пытаться свергнуть свои правительства. Но ничего подобного не произошло. В последовавшие за 24 октября дни все были настолько переполнены радостью и слишком уставшими от переживаний, чтобы занимать себя мыслями, которые казались тогда ничего не значащими. А к середине ноября момент уже был упущен. Люди снова начали восстанавливать свои привычные сообщества.

Премьер-министр вернулся в Лондон. Несмот-

ря ни на что, он не испытывал к Нортонстоу особенно негативных чувств. В конце концов, он пережил самые тяжелые моменты катастрофы в намного более комфортных условиях, чем на Даунинг-стрит. Кроме того, вместе с учеными Нортонстоу он прошел через те мучительные, полные напряжения дни, а совместно пережитый стресс всегда сильно сближает.

Перед отъездом премьер-министра предупредили — считать, что опасность миновала, пока не было никаких оснований. Во время дискуссии, которая проходила в одной из прилегавших к убежищу лабораторий, все согласились, что прогноз Александрова подтвердился. Мальборо сказал:

— Теперь уже достаточно очевидно, что Облако приняло форму диска со значительным наклоном к плоскости эклиптики.

— Устойчивая конфигурация диска. Очевидно, — проворчал Александров.

— Возможно, это очевидно для вас, Алексей, — вмешался Кингсли, — но у меня ко всему этому по-прежнему остается много вопросов. Кстати, какой, на ваш взгляд, радиус у этого диска?

— Примерно три четверти радиуса земной орбиты и такой же радиус, как у Венеры, — ответил

Мальборо.

— Это «превращение в диск» — не совсем точная формулировка, — начал Марлоу. — Полагаю, вы имели в виду, что значительная часть материи Облака действительно приняла форму диска. Однако другая немалая часть этой материи распространилась по всей орбите Земли. Об этом можно судить по тем ее элементам, которые постоянно соприкасаются с нашей атмосферой.

— В тени диска чертовски холодно, — объявил Александров.

— Да, слава богу, что этот диск открыл нам Солнце! — сказал Паркинсон.

— Только не забывайте, что мы все равно пока еще не отделались от диска, — заметил Кингсли.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил премьер-министр.

— Только лишь то, что Земля продолжает свое движение вокруг Солнца, и вскоре мы окажемся в тени диска. Но затем мы, разумеется, снова из этой тени выйдем.

— В тени чертовски холодно, — мрачно повторил Александров.

Премьер-министр забеспокоился, и не без основания.

— И как часто, позвольте спросить, будут про-

исходить эти ужасные события?

— Дважды в год! Учитывая нынешнее положение диска, в феврале и в августе. А продолжительность солнечного затмения будет зависеть от толщины диска. Вероятнее всего, период затмения составит от двух недель до месяца.

— И все это приведет к совершенно определенным и очень серьезным последствиям, — вздохнул премьер-министр.

— Наконец-то мы хоть в чем-то сошлись во мнениях, — заметил Кингсли. — На Земле попрежнему можно будет жить, условия станут намного тяжелее. Прежде всего людям придется привыкать к существованию в довольно больших общинах. Мы больше не сможем позволить себе отдельные дома.

— Не понимаю.

— Видите ли, потеря тепла происходит с поверхности зданий. Это понятно?

— Да, разумеется.

— С другой стороны, число людей, которых можно поселить в том или ином доме, зависит прежде всего от его вместимости. И поскольку соотношение площади поверхности к вместимости у больших домов значительно меньше, чем у маленьких, следовательно, при размещении

людей в больших домах уровень потребления энергии будет гораздо ниже на каждого отдельно взятого человека. И если нас ждет бесконечное повторение периодов экстремального холода, то иначе нам просто не удастся сохранить наши топливные ресурсы.

— Кингсли, вы сказали «если»? — уточнил Паркинсон.

— Потому что в последнее время произошло столько всего странного. Я не стал бы полагаться на наши предположения о дальнейшем развитии событий, пока не пойму, что уже случилось.

— Вероятно, стоит также упомянуть возможность долговременных климатических изменений, — предположил Марлоу. — Хотя не исключено, что в ближайший год или два это не будет иметь большого значения, но в будущем сыграет ключевую роль. Если солнечные затмения действительно будут происходить теперь дважды в год.

— Джефф, что вы имеете в виду?

— Нас, без сомнения, ждет новый ледниковый период. Прошедшие ледниковые периоды показывают, насколько тщательно сбалансирован климат на Земле. Два холодных периода: один — зимой и второй — летом, склонят чашу весов

в сторону ледникового периода. Я бы даже сказал, суперледникового периода.

— Вы имеете в виду, что ледяной покров захватит всю Европу и Северную Америку?

— Я не вижу предпосылок для иного развития событий. Хотя это произойдет не за один год и не за два. Процесс будет медленным и нарастающим. Как говорил Крис, человеку придется приспосабливаться к окружающей среде. И, думаю, ему это не очень понравится.

— Океанические течения, — сказал Александров.

— Не понимаю, — проговорил премьер-министр.

— Мне кажется, Алексей хочет сказать, — заметил Кингсли, — что у нас нет никакой уверенности в том, что океанические течения сохранятся в их нынешнем состоянии. Если не сохранятся, то результат может быть катастрофическим. И случиться это может довольно быстро, намного быстрее, чем наступит ледниковый период.

— Это верно, — кивнул Александров. — Гольфстрим станет чертовски холодным.

Премьер-министр решил, что с него довольно.

В течение ноября пульс человечества забился быстрее. Правительства разных стран постепен-

но возвращали себе контроль над ситуацией, а между различными группами людей возникла потребность в общении. Стали восстанавливаться телефонные кабели и линии. Однако особую популярность приобрела радиосвязь. Длинноволновые радиостанции вскоре заработали в штатном режиме, но для передачи сообщений на большие расстояния толку от них было немного. Для этих целей в эксплуатацию стали вводить коротковолновые станции. Однако передающие устройства выходили из строя, и вскоре удалось обнаружить причину. Ионизация атмосферы на высоте около пятидесяти миль оказалась невероятно высокой, что привело к затуханию волн, как называли этот процесс радиоинженеры. Чрезмерная ионизация была вызвана излучением, исходившим от верхних очень горячих слоев атмосферы, из-за которых по ночам небо до сих пор мерцало голубым светом. Проще говоря, происходило замирание радиосигнала.

В данном случае не оставалось другого выхода, кроме как сократить длину передаваемых волн. Волны попытались сократить до одного метра, но сигнал по-прежнему не проходил, а передатчиков, которые работали бы с более короткими волнами, в наличие не оказалось, так как до по-

явления Облака настолько короткие волны практически не использовались. Затем вспомнили, что в Нортонстоу находились радиопередатчики с длиной волн от метра до одного сантиметра. Более того, передатчики из Нортонстоу могли передавать огромное количество информации, что не преминул подчеркнуть Кингсли. Поэтому было принято решение превратить Нортонстоу во всемирный информационный центр. План Кингсли наконец-то принес свои плоды.

Необходимо было провести сложные расчеты, а поскольку сделать это требовалось быстро, пришлось задействовать электронную вычислительную машину. Задача заключалась в том, чтобы найти оптимальную длину волн. Если волны будут слишком длинными, проблема с замиранием продолжится. Если же они окажутся чересчур короткими, то радиоволны начнут покидать атмосферу и уходить в космическое пространство вместо того, чтобы огибать Землю, следуя, предположим, из Лондона в Австралию. Требовалось отыскать компромиссный вариант между этими крайностями. Наконец решено было остановиться на длине в двадцать пять сантиметров. Эта волна оказалась достаточно короткой, чтобы преодолеть все затруднения,

связанные с затуханием сигнала, но не настолько, чтобы выбросить в космическое пространство слишком много энергии, хотя некоторые потери все же могли произойти.

Радиопередатчики в Нортонстоу заработали в первую неделю декабря. Как и предсказывал Кингсли, их возможности по трансляции информации оказались просто немыслимыми. В первый день потребовалось менее получаса, чтобы передать весь необходимый объем информации. Стоило также упомянуть, что на тот момент соответствующими передающими и принимающими устройствами располагали лишь правительства некоторых стран, но система работала так слаженно, что и правительства других стран поспешили обзавестись подобным оборудованием. Отчасти по этой причине сначала через Нортонстоу проходил незначительный поток информации. К тому же вначале у многих просто не укладывалось в голове, как часовой разговор можно передать всего за малую долю секунды. Но время шло, разговоры и сообщения становились длиннее, и все больше правительств разных стран присоединялись к процессу. Постепенно радиостанция в Нортонстоу вместо нескольких минут стала работать более часа в день.

Однажды Лестер, занимавшийся системой радиопередачи, позвонил Кингсли и попросил его прийти в радиолабораторию.

— Гарри, что за паника? — спроси Кингсли.

— У нас произошло замирание.

— Что?!

— Да, прямо сейчас. Вы сами можете посмотреть. Сообщение поступало из Бразилии. Смотрите, сигнал полностью исчез.

— Фантастика! Вероятно, произошел стремительный всплеск ионизации.

— Как вы считаете, что нам делать?

— Думаю, стоит подождать. Возможно, это временное явление. По крайней мере, складывается такое впечатление.

— Если оно продолжится, мы можем сократить длину волны.

— Да, можем. Но вот остальным вряд ли это удастся. Американцы смогут довольно быстро перестроиться на новую длину волн, возможно, еще русские. Только я сомневаюсь, что еще у кого-нибудь получится. Мы и так с большим трудом убедили их обзавестись своими передатчиками.

— Значит, пока будем продолжать в том же духе?

— Я сомневаюсь, что сейчас стоит заниматься

передачей сведений, ведь мы не знаем, получат ли наше сообщение или нет. Думаю, необходимо поставить на запись все входящие сообщения. И тогда мы сможем получить те сигналы, которые все-таки дойдут до нас, если условия улучшатся.

Той ночью на небе отмечалось яркое свечение, похожее на северное сияние, которое ученые Нортонстоу связали с внезапным всплеском ионизации в верхних слоях атмосферы. Однако о причине ионизации они не имели ни малейшего представления. Кроме того, отмечались очень сильные возмущения магнитного поля Земли.

Марлоу и Билл Барнетт обсуждали эту проблему во время прогулки под сияющим небом.

— Бог мой, вы только взгляните на эти оранжевые полосы! — сказал Марлоу.

— Знаете, что меня удивляет, Джефф? Ведь эти явления происходят на сравнительно небольшой высоте. Это видно по цветам. Думаю, нам следовало бы сделать снимок, чтобы проанализировать спектр, но я и так все вижу. Мне кажется, это происходит на высоте не больше пятидесяти миль. Возможно, меньше. Именно там и наблюдается чрезмерная ионизация.

— Я примерно представляю себе, о чем вы думаете, Билл. Это несложно — представить себе

внезапно возникшее облако газа, которое сталкивается с верхним слоем атмосферы. Но в таком случае возмущения возникли бы намного выше. Поэтому сложно поверить, чтобы произошедшее было вызвано таким столкновением.

— Нет, я не думаю, что такое возможно. Мне кажется, это больше похоже на электрический разряд.

— И магнитные возмущения подтверждают эту версию.

— Но, Джефф, вы же понимаете, что это значит? Разряд поступает не от Солнца. С Солнцем никогда еще ничего подобного не происходило. Причиной электрических помех является Облако.

На следующее утро после завтрака Лестер и Кингсли сразу же поспешили в радиолабораторию. В 6:20 из Ирландии пришло короткое сообщение. В 7:51 из США началась передача длинного сообщения, но через три минуты сигнал пропал, и оставшаяся часть сообщения оказалась утерянной. Короткое сообщение из Швеции пришло около полудня, но в начале третьего — длинное сообщение из Китая прервалось, и сигнал пропал.

За чаем к Лестеру и Кингсли присоединился

Паркинсон.

— Ситуация очень тревожная, — сказал он.

— Могу себе вообразить, — ответил Кингсли. — Очередная необъяснимая странность.

— Это ужасно досадно. Я думал, что мы разобрались с перебоями в связи. А в чем заключается странность?

— В том, что мы, похоже, постоянно балансируем на грани: иногда сообщения доходят, а иногда — нет, как будто ионизация то усиливается, то ослабевает.

— Барнетт считает, что это связано с электрическими разрядами. Разве они не способны вызвать подобные колебания?

— Паркинсон, да вы сами стали почти ученым, — рассмеялся Кингсли. — Но все не так просто, — продолжил он. — Колебания возможны, однако не такие, с которыми имеем дело мы. Разве вы не видите, как все это странно?

— Нет, честно говоря, не вижу.

— Я говорю о сообщениях из США и Китая. Они оба так и не дошли до нас. Похоже, это доказывает, что мы осуществляем передачу на границе допустимого. Благодаря колебаниям все же удается отправлять сообщения, но получается это не всегда. Один раз такое еще можно списать на

случайность, но примечательно, что это произошло дважды.

— Возможно, Крис, мы чего-то не учли? — Лестер пожевал мундштук своей трубки, а затем взмахнул ею. — Если возникают электрические разряды, значит, колебания должны быть довольно быстрыми. Оба сообщения, из США и из Китая длинные больше трех минут. Возможно, колебания длятся около трех минут. Тогда ясно, почему мы получаем короткие сообщения целиком, как те из Бразилии или Ирландии, а длинные обрываются.

— Оригинально, Гарри, но слабо в это верится. Я посмотрел запись сигнала, который вы получили из США. Он достаточно стабильный до того момента, пока не исчезает. Не похоже, что там имели место сильные колебания, иначе сигнал начал бы прерываться прежде, чем исчезнуть. К тому же, если колебания происходят каждые три минуты, почему мы не получаем намного больше сообщений или хотя бы их обрывки? Я думаю, что ваша теория несостоятельна.

Лестер снова принялся жевать свою трубку.

— Похоже, что так. Все это чертовски странно.

— И что вы предлагаете делать? — спросил Паркинсон.

— Было бы неплохо, Паркинсон, если бы вы связались с Лондоном и попросили их отправить в Вашингтон телеграмму с просьбой в начале каждого часа пересылать сообщения по пять минут каждое. Тогда мы поймем, какие сообщения до нас не доходят, а какие мы получаем. Можете также сообщить об этой ситуации правительствам других стран.

Следующие три дня никаких сообщений больше не приходило. Было ли это связано с замиранием радиосигналов или просто никто не отправлял никаких посланий, так и осталось неизвестным. Положение дел оказалось не из лучших, поэтому ученые решили изменить план действий. Как сказал Марлоу Паркинсону:

— Мы собираемся хорошенько во всем разобраться, а не полагаться на случайные передачи.

— Как вы намереваетесь это сделать?

— Направим все наши антенны вверх, а не в сторону горизонта. Затем используем наши приемники, чтобы разобраться с этой необычной ионизацией. Скажем так, будем улавливать отголоски наших собственных сигналов.

Наступившие за этим два дня радиоастрономы занимались установкой антенн. Уже ближе к вечеру 9 декабря все работы были завершены.

В лаборатории собралась целая толпа, всем не терпелось посмотреть на результат.

— Ладно, приступим, — сказал кто-то.

— Какую длину волны возьмем для начала?

— Лучше попробуем один метр, — предложил Барнетт. — Если Кингсли прав и двадцать пять сантиметров — это пограничная длина для передачи сигнала, а также наши предположения насчет затухания сигнала верны, то именно такая волна является критической для вертикального распространения.

Включили метровый радиопередатчик.

— Волна проходит, — заметил Барнетт.

— Откуда вы узнали? — спросил Паркинсон.

— Обратно возвращается только очень слабый сигнал, — ответил Марлоу. — Вы можете видеть это на экране. Большая часть энергии поглощается или проникает сквозь атмосферу в космос.

Ближайшие полчаса прошли в наблюдениях за данными электронного оборудования и обсуждением технических деталей. Затем всех охватило радостное оживление.

— Сигнал набирает силу!

— Смотрите! — воскликнула Марлоу. — Он стремительно набирает силу.

Обратный сигнал продолжал усиливаться в те-

чение примерно десяти минут.

— Он достиг предела. Я бы сказал, что мы получили полное его отражение, — сказал Лестер. — Похоже, вы были правы, Крис. Мы находимся в районе критической частоты. Отраженные сигналы поступали с высоты чуть менее пятидесяти миль. Именно оттуда, откуда мы и рассчитывали их получить. Ионизация, вероятно, превышает норму в сотню или даже тысячу раз.

Следующие полчаса ученые провели за измерениями.

— Давайте посмотрим, какой там результат на десяти сантиметрах, — предложил Марлоу.

Нажали на переключатели.

— Мы сейчас на десяти сантиметрах. Сигнал проходит свободно, как, разумеется, и должно быть, — объявил Барнетт.

— От этого наукообразия меня уже тошнит, — сказала Энн Халси. — Пойду приготовлю чай. Крис, вы не поможете мне, если, конечно, в состоянии расстаться со своими измерительными приборами хотя бы на пару минут?

Некоторое время спустя, пока они пили чай и говорили на общие темы, Лестер удивленно воскликнул:

— Боже правый! Вы только посмотрите!

— Быть не может!

— И тем не менее это происходит.

— Отражение десятисантиметровой волны усиливается. Вероятно, ионизация растет с колоссальной скоростью, — объяснил Марлоу Паркинсону.

— Черт возьми, обратный сигнал опять набирает мощность!

— Значит, меньше чем за час ионизация возросла в сто раз. Невероятно.

— Гарри, думаю, лучше включить сантиметровый передатчик, — сказал Кингсли Лестеру.

Итак, вместо десятисантиметрового передатчика включили сантиметровый.

— Все нормально проходит, — заметил кто-то из присутствующих.

— Кстати, а какое сообщение было отправлено? — поинтересовался Паркинсон.

— Никакого, — ответил Лестер, — мы просто передаем Н.В. — непрерывную волну.

«Как будто мне это о чем-то говорит», — подумал Паркинсон.

Но хотя ученые сидели вокруг передатчика еще около двух часов, ничего существенного больше не произошло.

— Что ж, волна по-прежнему проходит. Посмот-

рим, что с ней будет после обеда, — заявил Барнетт.

После обеда сантиметровый передатчик продолжал работать без помех.

— Может, стоит снова включить десятисантиметровый? — предложил Марлоу.

— Хорошо, давайте попробуем еще раз. — Лестер нажал на выключатель. — Интересно, — заметил он. — Теперь и десятисантиметровый сигнал свободно проходит. Похоже, уровень ионизации падает, и довольно стремительно.

— Возможно, это связана с образованием отрицательных ионов, — предположил Уайчарт.

Десять минут спустя Лестер взволнованно воскликнул:

— Смотрите, сигнал снова поступает!

Он оказался прав. В следующие несколько секунд отраженный сигнал быстро набрал силу до максимального значения.

— Произошло полное отражение. И что будем делать? Вернемся к сантиметровым волнам?

— Нет, Гарри, — сказал Кингсли. — Рискну высказать революционное предположение: давайте поднимемся наверх, в гостиную, выпьем кофе и послушаем музыку, которую сыграют нам прелестные руки Энн. Мне хотелось бы отвлечься на

часик-другой, а потом вернуться сюда позже.

— Ради бога, Крис, что вам пришло в голову?

— О, всего лишь предположение, возможно, безумная идея. Но, я надеюсь, в порядке исключения, вы пойдете мне навстречу.

— В порядке исключения! — усмехнулся Марлоу. — Крис, у меня такое чувство, что вам всегда шли навстречу с самого рождения.

— Возможно, но все-таки невежливо вот так говорить об этом, Джефф. Пойдемте, Энн. Вам давно хотелось узнать, как мы отреагируем на ваше исполнение Сонаты для фортепиано № 29 Бетховена. Ваш час настал.

Примерно чрез полтора часа, когда в их головах еще звучали первые аккорды великой сонаты, вся компания вернулась в радиолабораторию.

— Давайте наудачу попробуем сначала метровые волны, — сказал Кингсли.

— Но метровые сигналы же полностью глушатся, — сказал Барнетт, переключая несколько тумблеров.

— Разрази меня гром, нет, ничего подобного! — воскликнул он несколько минут спустя, когда оборудование разогрелось. — Сигнал проходит. В это невозможно поверить, но тем не менее это ясно как божий день! Все видно на экране!

— Ну что, Гарри, готовы сделать ставку на то, что будет дальше?

— Никаких ставок, Крис. Это еще хуже, чем играть в «Найди даму»[3].

— Готов поспорить, что произойдет насыщение сигнала.

— У вас есть на то основания?

— Если это случится, у меня, разумеется, такие основания появятся. Если нет, то нет.

— Решили подстраховаться?

— Сигнал усиливается, — нараспев объявил Барнетт. — Похоже, Крис был прав. Он все сильнее!

Через пять минут метровый сигнал набрал полную мощность. Ионосфера не пропустила его, и вся энергия вернулась обратно на Землю.

— Теперь попробуйте десятисантиметровый сигнал, — приказал Кингсли.

Следующие минут двадцать-тридцать все молчали и не сводили глаз с оборудования. Прежняя схема повторилась. Сначала отражение было совсем слабым. Но затем отраженный сигнал

---

[3] Примечания: 3

Азартная игра по принципу наперстка, где играющий должен угадать, какая из трех карт, лежащая рубашками вверх, — дама. А тот, кто ведет игру, прибегает к различным ухищрениям, чтобы игрок не смог этого сделать.

начал быстро насыщаться.

— Ну вот. Сначала сигнал проникает в ионосферу. Затем через несколько минут ионизация возрастает и не пропускает его. Крис, что это значит? — спросил Лестер.

— Давайте поднимемся наверх и все обдумаем. Если Энн и Иветт будут так любезны, что приготовят еще кофе, возможно, у нас получится выяснить, что происходит.

Пока готовили кофе, пришел Макнил. Во время эксперимента он навещал больного ребенка.

— К чему вся эта торжественная серьезность? Что происходит?

— Джон, вы как раз вовремя. Мы сейчас собирались еще раз пройтись по всем фактам. Но договорились не начинать, пока не приготовят кофе.

Кофе принесли, и Кингсли начал излагать свои доводы:

— Для Джона я начну все сначала. При передаче радиоволн важны два фактора: длина волн, а также ионизация атмосферы. Представим, что мы решили передать волну определенной длины и понаблюдать, что произойдет, если уровень ионизации повысится. Начнем с того, что при низкой ионизации энергия радиоволн проник-

нет через атмосферу и лишь очень небольшая ее часть отразится. Затем, когда уровень ионизации возрастет, отраженный сигнал станет сильнее, пока резко не достигнет очень высокого показателя, и в конце концов вся энергия радиоволн отразится и вернется к поверхности Земли. Тогда можно будет сказать, что произошло насыщение сигнала. Джон, это вам понятно?

— Постольку-поскольку. Я только не понимаю, какое к этому имеет отношение длина волн?

— Скажем так, чем короче волна, тем плотнее должна быть ионизация для ее насыщения.

— Значит, если волна одной длины может быть полностью отражена атмосферой, более короткие волны почти полностью проникнут сквозь нее в космос?

— Именно так. Но давайте на минутку вернемся к моей волне определенной длины и к эффекту, вызванному ростом уровня ионизации. Для удобства я буду называть это «Волновая схема А».

— Как вы хотите это назвать? — уточнил Паркинсон.

— Смотрите, что я имею в виду:

1. При низком уровне ионизации происходит почти полное прохождение сигнала через атмосферу.

2. Ионизация возрастает и все жестче отражает сигнал.

3. Ионизация становится настолько высокой, что происходит полное отражение.

Все это я называю «Схемой А».

— Как же тогда выглядит «Схема Б»? — спросила Энн Халси.

— Не будет никакой схемы Б.

— Зачем же вы тогда использовали для обозначения «А»?

— Избавьте меня от женской бестолковости! Я назвал ее «Схемой А» просто потому, что мне так захотелось. Разве я не могу этого сделать?

— Конечно, дорогой. Но почему вам этого захотелось?

— Продолжайте, Крис. Она просто морочит вам голову.

— Так вот, здесь перечень того, что произошло сегодня днем и вечером. Позвольте мне зачитать вам эту таблицу.

Длина волны Примерное время События

1 метр	*14:45*	*Схема А разворачивается в течение получаса*
10 см	*15:15*	*Схема А разворачивается в течение получаса*
1 см	*15:45*	*Полное проникновение через ионосферу в течение 3 часов*
10 см	*19:00*	*Схема А разворачивается в течение получаса*

Между 19:30 и 21:00 никаких передач не производилось.

1 метр	*21:00*	*Схема А разворачивается в течение получаса*
10 см	*21:30*	*Схема А разворачивается в течение получаса*

— Да, это выглядит весьма рационально, если собрать все данные вместе, — сказал Лестер.

— Так и есть, правда?

— Боюсь, я ничего не понимаю, — сказал Паркинсон.

— И я тоже, — признался Макнил.

Кингсли заговорил очень медленно:

— На мой взгляд, все это можно объяснить очень просто одной гипотезой. Но хочу вас предупредить, что гипотеза эта довольно абсурдна.

— Крис, может, хватит нагнетать драматизм? Объясните простыми словами, в чем заключается ваша абсурдная гипотеза.

— Хорошо. Если совсем коротко, то при любой длине волн, начиная с нескольких сантиметров и больше, наши передачи сигналов автоматически провоцируют рост ионизации, которая продолжается вплоть до полного насыщения сигнала.

— Этого просто не может быть, — покачала головой Лестер.

— Я не утверждал, что это возможно, — ответил Кингсли. — Я сказал, что это может все объяснить. Так и есть. Это объясняет содержание моей таблицы.

— Я примерно представляю, к чему вы клоните, — заметил Макнил. — Могу ли я предположить, что уровень ионизации падает, как только прекращается передача сигнала?

— Да. Едва мы прекращаем передачу, как ионизирующий фактор прекращает свою деятельность. Чем бы этот фактор ни был — возможно, это те самые электрические разряды, про которые говорил Билл. После этого уровень ионизации быстро понижается. Видите ли, мы имеем дело со слоями атмосферы, где ионизация очень низкая,

так как плотность газа достаточно велика, чтобы приводить к быстрому формированию отрицательных ионов кислорода. Поэтому уровень ионизации быстро начинает падать.

— Давайте рассмотрим все чуть более детально, — проговорил Марлоу сквозь клубы анисового дыма. — Мне кажется, что этот гипотетический ионизирующий фактор должен обладать весьма трезвым мышлением. Предположим, что мы включаем десятисантиметровую передачу. Тогда, согласно вашей, Крис, идее, этот неведомый фактор повышает ионизацию до такого уровня, чтобы десятисантиметровые волны остались в пределах атмосферы Земли. И я могу предположить, что дальше ионизация уже не возрастает. Все очень точно рассчитано. Фактор как будто знает, насколько далеко ему следует зайти.

— Поэтому все выглядит не слишком правдоподобно, — сказал Уайчарт. — Но есть и другая трудность. Почему нам так долго удавалось передавать двадцатипятисантиметровые сигналы? Ведь это продолжалось много дней подряд, а не какие-нибудь полчаса. И почему эта ваша «Схема А», как вы ее называете, не вырисовывается, когда мы используем сантиметровые волны?

— Чертовски никчемная философия, — заметил

Александров. — Пустая трата сил. Гипотезы строятся на предсказаниях. Нужен научный подход.

Лестер взглянул на часы.

— Прошло уже больше часа с момента последней передачи. Если Крис прав, то эта «Схема А» должна повториться, если мы снова начнем передавать сигнал на десяти сантиметрах и, возможно, также на одном метре. Давайте попробуем.

Лестер и еще с полдюжины остальных участников беседы отправились в лабораторию. Через полчаса они вернулись.

— Полное отражение сигнала на одном метре. На десяти сантиметрах повторилась «Схема А», — объявил Лестер. — Кажется, это подтверждает слова Криса.

— Я не уверен, — заметил Уайчарт. — Почему на одном метре не повторилось «Схемы А»?

— У меня есть некоторые предположения, они в какой-то мере еще более фантастические, поэтому пока я не стану беспокоить вас ими. Но факт, и я настаиваю, что этот факт имеет место быть, так вот этот факт заключается в том, что как только мы включаем десятисантиметровый передатчик, сразу же происходит резкий скачок атмосферной ионизации, а когда мы его выклю-

чаем, ионизация идет на спад. Кто-нибудь станет это отрицать?

— Я не отрицаю, что вы достаточно точно описали все произошедшее, — возразил Лестер. — Согласен, что здесь нечего отрицать. Меня только настораживают попытки установить связь между нашими радиопередачами и колебаниями уровня ионизации.

— Дэйв, по-вашему, все, что мы обнаружили сегодня днем и вечером, всего лишь совпадения? — спросил Марлоу.

— Да, именно это я и имел в виду. Я согласен, что вероятность серии подобных совпадений ничтожна, но взаимосвязь, о которой говорил Кингсли, кажется совершенно неправдоподобной. Я считаю, что маловероятное может произойти, но неправдоподобное — никогда.

— Неправдоподобное — это слишком уж сильно сказано, — продолжал стоять на своем Кингсли. — И думаю, Уайчарт не сможет подтвердить, что верно использовал это слово. На самом деле мы должны сделать выбор между двумя невероятностями — а я говорил, что моя гипотеза кажется невероятной, когда изложил ее в первый раз. Более того, я согласен с недавним высказыванием Алексея о том, что подтвердить правильность ги-

потезы можно только с помощью предсказаний. Прошло три четверти часа с того момента, как Гарри Лестер осуществил последнюю передачу сигнала. Я предлагаю ему снова пойти и провести еще одну десятисантиметровую передачу.

— Неужели опять?! — простонал Лестер.

— Я предсказываю, — продолжал Кингсли, — что моя «Схема А» повторится. И теперь я хотел бы узнать, какое предсказание сделает Уайчарт.

Уайчарту не понравилось, куда в итоге зашел спор, и он попытался уклониться от ответа. Марлоу рассмеялся.

— Он загнал вас в угол, Дэйв! Придется отвечать. Если вы правы насчет совпадений, вам нужно согласиться, что нынешние предсказания Кингсли вряд ли сбудутся.

— Разумеется, шансы очень малы, но все равно это может произойти.

— Да бросьте, Джефф! Что вы предсказываете? На что готовы поставить деньги?

И Уайчарту пришлось согласиться на пари и поставить на то, что Кингсли неправ.

— Ну хорошо. Давайте проверим, — предложил Лестер.

Пока все выходили из комнаты, Энн Халси сказала Паркинсону:

— Мистер Паркинсон, вы не поможете мне приготовить еще кофе? Они наверняка не откажутся, когда вернутся.

Пока они возились на кухне, она продолжила:

— Вы когда-нибудь слышали, чтобы люди так много разговаривали? Я всегда считала ученых молчаливыми типами, но столько болтовни, как сегодня, мне еще не доводилось слышать. Помните, что Омар Хайям говорил о врачах и святых?

— Вероятно, что-то в этом духе, — предположил Паркинсон:

Стремимся к знаниям мы с лет младых,

Советов ищем и у лекарей, и у святых.

Мудры их речи, только горестен итог:

Ложимся прахом мы среди могил глухих.

— Меня удивило даже не то, сколько они говорили, — рассмеялся он. — Нас, политиков, не впечатлить долгими разговорами. Меня поражает, сколько ошибок они совершают, насколько часто все происходит не так, как они ожидают.

Когда ученые вернулись, по одному их виду можно было догадаться о том, что произошло.

Марлоу взял у Паркинсона чашку кофе.

— Спасибо. Ну вот и все! Крис оказался прав, а Дэйв ошибся. Теперь нужно понять, что все это значит.

— Ваша версия, Крис, — сказал Лестер.

— Давайте предположим, что моя гипотеза верна и наши передачи воздействуют на ионизацию атмосферы.

Энн Халси протянула Кингсли чашку кофе.

— Я была бы признательна, если бы мне объяснили, что такое ионизация. Вот, выпейте это.

— О, это означает, что внешняя оболочка атомов отрывается от их внутренней части.

— И как такое может произойти?

— Разными способами. Благодаря электрическому разряду, как при ударе молнии, или как в неоновых лампах, которые мы используем здесь для освещения. Газ в этих лампах частично ионизирован.

— Полагаю, главная сложность заключается в источнике энергии? Ведь при ридиопередаче энергии выделяется недостаточно, чтобы вызвать такой рост ионизации? — предположил Макнил.

— Верно, — ответил Марлоу. — Наши передачи просто не могут быть основным источником настолько мощных атмосферных колебаний. Бог

мой, да здесь требуется невероятное количество энергии!

— Тогда как же гипотеза Кингсли может оказаться правильной?

— Наши передачи не являются основной причиной, как сказал Джефф. Это просто невозможно. Здесь я согласен с Уайчартом. Моя гипотеза заключается в том, что наши передачи служат пусковым механизмом, который активизирует мощный источник энергии.

— И где, Крис, по-вашему, находится этот источник? — спросил Марлоу.

— Разумеется, в Облаке.

— Но это же просто фантастика — предполагать, будто мы можем заставить Облако реагировать подобным образом, да еще с таким завидным постоянством! Ведь это подразумевает, что Облако располагает механизмом для осуществления обратной связи, — возразил Лестер.

— Согласно моей гипотезе, именно так и есть.

— Кингсли, неужели вы не видите, что это совершеннейшее безумие? — воскликнул Уайчарт.

Кингсли посмотрел на свои часы.

— Еще немного — и мы сможем пойти и еще раз попробовать, если найдутся желающие. Кто-нибудь хочет?

— Боже правый, нет! — сказал Лестер.

— Мы либо пойдем, либо останемся. И если останемся, значит, мы принимаем гипотезу Кингсли. Ну что, ребята, мы пойдем или останемся? — поинтересовался Марлоу.

— Мы остаемся, — сказал Барнетт. — И посмотрим, куда заведет нас этот спор. Пока мы договорились до того, что Облако имеет механизм для осуществления обратной связи и этот механизм вырабатывает большое количество энергии, как только в него снаружи проникают отголоски наших радиоволн. Далее, полагаю, мы обсудим, как этот механизм работает и почему он работает именно таким образом. У кого-нибудь есть соображения?

Александров откашлялся. Он редко высказывался, поэтому всем было интересно его выслушать.

— Паршивец в Облаке. Я это уже говорил.

Иветт Хедельфорд не смогла сдержать улыбки и тихо хихикнула. Кингсли тем не менее ответил совершенно серьезно:

— Я это помню. Алексей, вы тогда говорили совершенно серьезно.

— Я всегда серьезен, черт возьми, — ответил русский.

— Крис, скажите уж прямо, что вы имеете в виду? — спросил кто-то.

— Я хочу сказать, что Облако наделено разумом. Пока все не начали возмущаться, позвольте сказать вам, я знаю, что идея абсурдна, и я ни за что не озвучил бы ее, если бы существовала не настолько абсурдная альтернатива ей. Вас не удивляет, как часто мы ошибались относительно поведения Облака?

Паркинсон и Энн Халси в изумлении переглянулись.

— И у всех наших ошибок есть одна общая особенность. Это те самые ошибки, которые кажутся совершенно естественными, если предположить, что Облако не какой-нибудь неодушевленный объект, а нечто живое.

Логические рассуждения

Поразительно, насколько сильно прогресс зависит от отдельных личностей. Кажется, что миллиарды людей организованы в общество, похожее по своему устройству на муравейник. Но на самом деле это не так. Новые идеи — движущая сила всякого развития — исходят от отдельных личностей, а не от корпораций или государств. И эти новые идеи хрупки, как весенние цветы: толпа легко растопчет их, а одинокий странник может вырастить, окружая заботой.

Среди множества тех, кто пережил появление Облака, никто, за исключением Кингсли, не смог обосновать причину визита этого самого Облака в Солнечную систему. Его первые голословные заявления были встречены с недоверием даже со стороны коллег-ученых, за исключением Александрова.

Уайчарт прямо высказал свою точку зрения.

— Ваша идея совершенно абсурдна, — заявил он.

Марлоу покачал головой.

— Вы читаете слишком много научной фанта-

стики. Все это вымысел.

— Никакой чертовой фантастики о том, что Облако полетит прямо к Солнцу, будь оно не ладно. Никакой чертовой фантастики о том, что Облако остановится. Никакой чертовой фантастики про ионизацию, — проворчал Александров.

Врача Макнила эта информация заинтриговала. Новая идея оказалась ему намного ближе всяких передатчиков и антенн.

— Крис, мне хотелось бы понять, какое значение ты вкладывал в слово «живое»?

— Джон, вам ведь намного лучше меня известно, что разница между одушевленным и неодушевленным в большей степени существует для удобства терминологии. В целом неодушевленная материя имеет более простую структуру и относительно простые свойства. С другой стороны, живая, или одушевленная, материя обладает достаточно сложной структурой и способностью к весьма неординарному поведению. Когда я сказал, что Облако живое, я имел в виду, что материя внутри него может быть организована достаточно затейливым образом, поэтому ее поведение, а следовательно, и поведение всего Облака намного сложнее, чем мы предполагали прежде.

— Нет ли здесь какой-то тавтологии? — спросил Уайчарт.

— Я сказал, что термины «одушевленное» и «неодушевленное» — весьма условны. Если зайти слишком далеко, то они в самом деле могут показаться тавтологией. Рассуждая более научным языком, я могу предположить, что химические процессы внутри Облака очень сложные. У него сложные молекулы, сложная структура, построенная из этих молекул, сложная нервная деятельность. Иными словами, я считаю, что у Облака есть мозг.

— Чертовски прямолинейное заключение, — кивнул Александров.

Когда смех стих, Марлоу обратился к Кингсли:

— Послушайте, Крис, мы понимаем, что вы имеете в виду. По крайней мере, более-менее понимаем. Теперь изложите нам свои аргументы. Не спешите. Разложите нам все по полочкам. Надеюсь, у вас это получится.

— Ну хорошо, тогда приступим. Пункт первый: температура внутри Облака способствует образованию очень сложных молекул.

— Верно! Очко в вашу пользу. На самом деле температура в Облаке, возможно, лишь чуть менее благоприятна, чем здесь, на Земле.

— Второй пункт заключается в том, что условия благоприятны для построения экстенсивных структур из этих сложных молекул.

— А почему? — поинтересовалась Иветт Хедельфорд.

— Слипание на поверхности твердых частиц. Плотность внутри Облака настолько высокая, что там наверняка можно обнаружить довольно большие фрагменты твердой материи, возможно представляющей собой самый обычный лед. Я предполагал, что сложные молекулы образуются в процессе прилипания к этим фрагментам.

— Хороший аргумент, Крис, — согласился Марлоу.

— Извините, но на этот раз я не соглашусь, — покачал головой Макнил. — Вы говорите, что сложные молекулы образуются, слипаясь на поверхности этих твердых частиц. Но это невозможно. Молекулы, из которых состоит живая материя, содержат большой запас внутренней энергии. И процесс жизнедеятельности зависит от этой внутренней энергии. Проблема с вашим процессом слипания заключается в том, что таким способом молекулы не смогут эту энергию получить.

Кингсли, похоже, это утверждение совсем не

смутило.

— А из какого источника молекулы живых существ получают запасы внутренней энергии здесь, на Земле? — спросил он Макнила.

— Растения — из солнечного света, животные получают ее от растений и, разумеется, от других животных. Так что в конечном счете источником энергии всегда выступает Солнце. А откуда Облако черпает энергию в данный момент?

Ситуация коренным образом изменилась. Ни Макнил, ни кто-либо еще из присутствующих не высказал никаких возражений, поэтому Кингсли продолжил:

— Давайте примем во внимание аргумент Джона и предположим, что зверь, скрывающийся внутри облака, состоит примерно из тех же молекул, что и мы с вами. Тогда свет от какой-нибудь звезды необходим для формирования молекул. Разумеется, свет звезд доступен и в межзвездном пространстве, но там он достаточно слабый. Чтобы получить мощный источник света, этому созданию нужно подобраться на достаточно близкое расстояние к звезде. Именно так оно и сделало.

Марлоу тут же оживился.

— Бог мой, это же позволяет сразу установить

связь между тремя явлениями. Во-первых, потребность в солнечном свете. Во-вторых, Облако двигалось прямо к Солнцу. В-третьих, Облако остановилось, достигнув Солнца. Отлично, Крис!

— Да, начало, без сомнения, хорошее, но все равно некоторые моменты остаются неясными, — заметила Иветт Хедельфорд. — Я не понимаю, как случилось, что Облако оказалось в космическом пространстве? Если ему нужен солнечный свет или свет звезд, то логично предположить, что оно должно все время оставаться около какой-нибудь звезды. Или вы считаете, что это ваше создание появилось где-то в космосе, а теперь решило обосноваться около нашего Солнца?

— И раз уж на то пошло, Крис, вы не могли бы объяснить, как это создание управляет своими запасами энергии? Как ему удавалось выстреливать теми сгустками газовой материи, когда оно замедлялось? — спросил Лестер.

— Пожалуйста, не все вопросы сразу! Сначала я отвечу на вопрос Гарри, потому что он, возможно, проще. Мы пытались объяснить выброс этих газовых сгустков действием магнитных полей, но наше объяснение оказалось неверным. Проблема заключалась в том, что подобные поля должны быть настолько мощными, что они просто

разорвали бы Облако на части. Если выразиться несколько иначе, мы просто не смогли найти другого способа локализации значительного количества энергии на относительно небольших участках пространства, кроме как под воздействием магнитного фактора. Но давайте взглянем на проблему с этой новой точки зрения. Давайте спросим себя, каким методом воспользовались бы мы сами, если бы нам потребовалось воспроизвести мощный локализованный выброс энергии.

— Взрывы! — в изумлении произнес Барнетт.

— Совершенно верно, взрывы. Спровоцированные либо ядерным делением, либо, что вероятнее всего, ядерным синтезом. Водорода в Облаке в избытке.

— Крис, вы серьезно?

— Разумеется, я говорю абсолютно серьезно. Если я прав в моих предположениях, что в Облаке обитает какое-то создание, то почему оно не может обладать интеллектом, хотя бы такого же уровня, как и у нас?

— Есть одна небольшая сложность, связанная с продуктами радиоактивного распада. Разве они не вредоносны для живых существ? — спросил Макнил.

— Если они вступят в контакт с живой мате-

рией, то, без сомнения, это так. Однако, пускай магнитные поля и не способны вызывать взрывы, они вполне могут помешать двум видам материи соприкоснуться друг с другом. Я думаю, что это создание упорядочивает материю с помощью магнитных полей и может перемещать материю внутри Облака по своему усмотрению. Думаю, оно тщательно следит за тем, чтобы радиоактивный газ был надежно изолирован от живой материи. Не забывайте, что я использую слово «живая» в достаточно условном значении. И не собираюсь вступать в философский спор по этому вопросу.

— Знаете что, Кингсли, — сказал Уайчарт, — все получается намного лучше, чем я думал. Полагаю, вы имеете в виду, что в то время, как мы собираем все с помощью машин или своими руками, Облако делает это благодаря магнитной энергии.

— Да, в общих чертах, именно так. И я должен также добавить, что это существо имеет значительное преимущество. По крайней мере, в его распоряжении находится намного больше энергии, чем у нас.

— Бог мой, я тоже так думаю. По меньшей мере, в несколько миллионов раз, — сказал

Марлоу. — Крис, мне начинает казаться, что вы выигрываете в споре. Но мы, ваши оппоненты, возлагаем большие надежды на вопрос Иветт. Мне кажется, это очень хороший вопрос. Что вы можете ответить на него?

— Да, это действительно очень хороший вопрос, Джефф, и не знаю, смогу ли я дать достаточно убедительный ответ. У меня есть некоторые мысли насчет того, что, возможно, создание не способно долгое время оставаться рядом со звездой. Вероятно, оно периодически приближается к той или иной звезде, создает молекулы, которые обеспечивают его запасом питания, а затем летит дальше. Не исключено, что так повторяется снова и снова.

— Но почему создание не может постоянно находиться около звезды?

— Видите ли, если обычное облако, внутри которого нет никаких созданий, будет постоянно находиться рядом со звездой, постепенно в процессе конденсации оно превратится в компактное тело или в некоторое количество компактных тел. В самом деле, нам же известна теория о том, что наша Земля, возможно, образовалась из такого облака. Очевидно, что наш приятель испытает огромные затруднения, если

его защитное Облако конденсируется в планету. Точно так же очевидно, что создание предпочтет покинуть звезду, как только возникнет риск подобного явления. И Облако заберет с собой.

— У вас есть соображения, насчет того, как долго это может продлиться? — спросил Паркинсон.

— Ни малейшего. Думаю, создание отбудет, как только окончательно пополнит свои запасы питания. На это могут потребоваться недели, месяцы, годы или даже тысячелетия.

— Вы не находите, что во всем этом есть какой-то подвох? — заметил Барнетт.

— Все может быть. Я, конечно, не могу судить о вашем уровне проницательности, Билл, но скажите, что вас смущает?

— Очень многое. У меня сложилось впечатление, что ваше замечание о конденсации в планету касалось только неодушевленного Облака. Если мы предположим, что Облако способно контролировать распределение материи внутри него, в таком случае оно с легкостью может предотвратить процесс конденсации. В конце концов, этот процесс достаточно неустойчивый и даже при незначительной степени контроля ваше создание способно предотвратить конденсацию как таковую.

— У меня на то есть два ответа. Во-первых, я считаю, что создание утратит контроль, если задержится около Солнца надолго. В таком случае магнитные поля Солнца смогут воздействовать на Облако. Затем из-за вращения Облака вокруг Солнца магнитные поля деформируются, и всякий контроль будет утрачен.

— Господи, как вы это здорово придумали!

— А разве я не прав? Но это еще не все. Как бы сильно это создание не отличалось от живого мира здесь, на Земле, кое-что у него с нами должно совпадать. Нам всем приходится подчиняться простым биологическим правилам отбора и развития. Я хочу сказать, что мы не можем считать, будто Облако с самого зарождения содержало в себе полностью сформировавшееся создание. Все должно было начаться с малого, как и в случае с жизнью здесь, на Земле. Поэтому прежде в Облаке не существовало никакого сложного контроля за распределением материи. Отсюда можно сделать вывод, что, если бы Облако изначально находилось поблизости от звезды, оно не смогло бы воспрепятствовать своему превращению в планету или в ряд планет.

— И как же вы представляете себе это раннее начало?

— Как нечто происходящее вдалеке, в межзвездном пространстве. Сначала жизнь в Облаке зависела от общего излучения звезд. Но все равно это создание получало намного больше излучения для процесса построения молекул, чем живой мир на Земле. Затем, полагаю, когда у создания начал развиваться интеллект, оно обнаружило, что запасы питания, необходимые для построения молекул, возрастают в значительной степени, если приблизиться к одной из звезд на относительно короткий период. В моем понимании, это создание является обитателем межзвездного пространства. Ну, Билл, вас еще что-нибудь смущает?

— Вообще-то, да. Есть одна проблема. Почему Облако не способно испускать свое собственное излучение? Зачем ему приближаться к звезде? Если оно настолько хорошо разбирается в ядерном синтезе, чтобы производить мощные взрывы, то почему не способно использовать этот синтез для обеспечения себя излучением?

— Чтобы контролировать вырабатываемое излучение, нужен термоядерный реактор, а именно таким реактором является звезда. Солнце — это не что иное, как гигантский термоядерный реактор. Чтобы производить излучение, сравнимое

с Солнцем, Облаку нужно было стать звездой. И тогда создание внутри него просто поджарилось бы. Там стало бы слишком горячо.

— И даже в этом случае я сомневаюсь, что облако с такой массой смогло бы испускать достаточно излучения, — заметил Марлоу. — Его масса слишком мала. При соотношении масса/светимость оно слишком сильно уступало бы Солнцу. Нет, Билл, вы, похоже, ткнули пальцем в небо.

— У меня возник вопрос, — сказал Паркинсон. — Почему вы все время говорите о вашем «создании» в единственном числе? Разве не может оказаться, что в Облаке сидит множество маленьких созданий?

— У меня есть на то причины, но на их объяснение уйдет много времени.

— Похоже, что сегодня нам вряд ли удастся уснуть, так что можете развивать вашу мысль дальше.

— В таком случае давайте предположим, что в Облаке много маленьких созданий вместо одного большого. Думаю, вы все согласитесь, что между этими индивидуумами должна осуществляться связь.

— Разумеется.

— И в какой же форме?

— Мы надеемся, что вы нам это расскажете, Крис.

— Мой вопрос был чисто риторическим. Я считаю, что наш способ общения в данном случае невозможен. Мы обмениваемся информацией акустически.

— Вы хотите сказать, с помощью разговора? Это, без сомнения, ваш метод, Крис, — сказала Энн Халси.

Но Кингсли не обратил внимания на ее замечание и продолжил:

— Любые попытки воспользоваться звуком будут заглушаться многочисленными фоновыми помехами внутри Облака. Это еще хуже, чем разговаривать сквозь рев бури. Думаю, мы можем с полной уверенностью сказать, что коммуникация осуществляется с помощью электричества.

— Похоже, это справедливое замечание.

— Хорошо. Далее следует указать, что, по нашим меркам, расстояние между индивидами должно быть очень большим, ведь само Облако, по нашим меркам, огромное. А при таких расстояниях недопустимо полагаться на методы П. Т.

— П. Т. методы? Крис, нельзя ли без этого жаргона?

— Постоянного тока.

— А, теперь, разумеется, все стало ясно.

— Ну, нечто подобное мы используем при телефонных разговорах. Проще говоря, разница в коммуникации с помощью постоянного и переменного тока, это как разница между телефоном и радио.

Марлоу улыбнулся Энн Халси.

— Крис в своей неподражаемой манере пытается сказать, что обмен информацией должен осуществляться с помощью распространения излучения.

— Если вы думаете, что это многое объясняет…

— Конечно, это многое объясняет. Энн, не пытайтесь сбить меня с толку. Распространение излучения происходит в том случае, если мы передаем световой или радиосигнал. В вакууме он распространяется на скорости 186 000 миль в секунду. Но даже при такой скорости потребуется около десяти минут, чтобы сигнал преодолел расстояние от одного конца Облака до другого.

Далее следует учитывать, что объем информации, который можно передать таким методом излучения, во много раз больше того, что мы передаем с помощью обычного звука. Мы убедились в этом на примере наших импульсных передатчиков. Так что если в Облаке находится

несколько отдельных индивидов, то их общение должно быть куда масштабнее нашего. Ту информацию, на высказывание которой у нас уйдут долгие часы, они смогут передать за сотую долю секунды.

— Теперь я начинаю понимать, — перебил его Макнил. — Если общение будет вестись на таком уровне, то сомнительно говорить об отдельных личностях.

— Вы молодец, Джон!

— А вот я не молодец, — сказал Паркинсон.

— Проще говоря, — дружелюбным тоном сказал Макнил, — Крис хотел сказать, что эти индивиды в Облаке, если они там существуют, должны обладать высокоразвитыми телепатическими способностями, причем настолько сильными, что имеет смысл воспринимать их как единое целое.

— Так почему же он сам это не сказал? — спросила Энн Халси.

— Потому что, как и все прочие «простые» определения, слово «телепатия» не имеет особого значения.

— Ну, для меня оно довольно много значит.

— И что же конкретно, Энн?

— Что можно обмениваться мыслями и не нужно ничего говорить, или писать, или подми-

гивать и все такое прочее.

— Иными словами, это означает — если в данном случае вообще можно говорить о каком-либо значении — общение с помощью неакустических методов.

— С использованием распространения излучения, — подхватил Лестер.

— И для этого используются переменные токи, а не постоянные токи и напряжение, как при нашей мозговой деятельности.

— Но я думал, что у нас тоже есть некоторая склонность к телепатии.

— Чушь! Наш мозг не приспособлен к телепатии. У нас все основывается на напряжении постоянного тока, а обмен излучением в таком случае невозможен.

— Знаю, что, возможно, ухожу от темы, однако мне всегда казалось, что особо чувствительные люди могут устанавливать друг с другом поразительные взаимосвязи, — продолжал отстаивать свою позицию Паркинсон.

— Чертовски плохая наука, — мрачно заявил Александров. — Взаимосвязь, полученная после эксперимента, чертовски плохая. Наука — это только прогноз.

— Не понимаю.

— Алексей хотел сказать, что в науке важны только прогнозы, — объяснил Уайчарт. — Именно это помогло Кингсли обыграть меня пару часов назад. Нет никакого толку проводить сначала множество экспериментов, чтобы обнаружить различные взаимосвязи, на основе которых невозможно сделать внятного прогноза. Это все равно что делать ставку на уже свершившийся забег.

— С точки зрения нейрологии идеи Кингсли довольно любопытны, — заметил Макнил. — Коммуникация для нас — процесс очень сложный. Нам самим приходится преобразовывать в своем мозге электрическую активность, в особенности связанную с действием постоянных токов. Для этого значительной части нашего мозга необходимо контролировать мускулы наших губ и голосовые связки. И все равно преобразование этих сигналов далеко от совершенства. У нас получается сделать это более-менее внятно, когда мы передаем простые идеи, но с передачей эмоций все обстоит тяжело. Я думаю, что маленькие создания Кингсли способны также обмениваться эмоциями, и это еще одна причина, по которой бессмысленно говорить об отдельных индивидуумах. Просто в голове не укладывается, как все,

о чем мы сегодня рассуждали, с трудом пытаясь донести друг для друга смысл сказанного, эти маленькие создания, о которых упоминал Кингсли, смогли во много раз точнее передать и гораздо лучше понять, потратив на это всего сотую долю секунды!

— Мне хотелось бы еще немного развить идею об отдельных индивидуумах, — сказал Барнетт, а затем обратился к Кингсли: — Как вы считаете, каждый из этих созданий сконструировал себе нечто вроде радиопередатчика?

— Никто никаких передатчиков не конструировал. Позвольте мне описать, как я представляю себе биологическую эволюцию внутри Облака. Я думаю, что на ранних стадиях в нем действительно существовало множество относительно самостоятельных индивидуумов. Общение между ними постепенно развивалось, но происходило это не благодаря осознанному созданию неорганического устройства для распространения излучения, а через медленный процесс биологического развития. У этих созданий развился биологический орган для распространения излучения, точно так же, как у нас развивались рот, язык, губы и голосовые связки. В итоге их способ общения вырос до немыслимого для нас

уровня. Едва у кого-то из них зарождалась мысль, как она сразу же передавалась остальным. Не успевал один из них испытать определенную эмоцию, как он уже делился ею с окружающими. При этом происходило исчезновение отдельных индивидуумов, их трансформация в единое целое. И это создание, как я его себе представляю, не обязательно должно находиться в одной определенной части Облака. Оно может быть рассредоточено по всему Облаку, однако я все равно воспринимаю его как единую неврологическую сущность, связь внутри которой осуществляется с помощью системы коммуникации, а сигналы распространяются со скоростью 186 000 миль в секунду.

— Нам стоит подробнее рассмотреть эти сигналы. Я думаю, что они передаются длинноволновым способом. Обычный свет, вероятно, здесь будет бесполезен, так как Облако не пропускает его.

— Я предполагаю, что эти сигналы — радиоволны, — продолжал Кингсли. — На то есть веские причины. Для эффективной работы необходимо, чтобы фаза колебаний в системе коммуникации была строго отрегулирована. Это можно сделать с радиоволнами, но, насколько нам известно, не

с короткими.

Макнила его слова неожиданно взволновали.

— Наши радиопередачи! — воскликнул он. — Они, наверное, создали помехи в нервной деятельности создания.

— Могли бы, если бы оно это допустило.

— Крис, что вы имеете в виду?

— Понимаете, созданию приходится иметь дело не только с нашими передачами, но и со всем потоком космического излучения. Радиоволны изо всех уголков Вселенной мешали бы его нервной деятельности, если бы оно не создало определенную форму защиты.

— Какую же защиту имеете в виду вы?

— Электрические разряды в верхних слоях Облака создают достаточный уровень ионизации, чтобы предотвратить проникновение радиоволн. Такая защита выполняет ту же функцию, что и череп по отношению к человеческому мозгу.

Комнату быстро стал наполнять анисовый дым. Марлоу внезапно показалось, что трубка нагрелась слишком сильно, чтобы держать ее в руке, поэтому он осторожно положил ее на стол.

— Боже мой, вы думаете, что это объясняет неожиданный всплеск ионизации в атмосфере, который происходит всякий раз, как мы включа-

ем наши передатчики?

— В общих чертах да. Ранее мы говорили о механизмах для обратной связи. Именно так, по моему мнению, она и осуществляется. Если какая-то волна извне проникает слишком глубоко, напряжение возрастает и появляются разряды, чтобы эта волна не пробралась еще глубже.

— Но ионизация происходит в нашей атмосфере.

— Я думаю, что в данном случае мы можем считать нашу атмосферу частью Облака. Судя по мерцанию в ночном небе, мы в состоянии сделать вывод, что газ распределяется по всему пространству между нашей Землей и более плотной частью Облака, которое приняло форму диска. Короче говоря, если смотреть на все с точки зрения электроники, то мы находимся внутри Облака. Именно это и объясняет наши трудности с передачей информации. На ранних этапах, когда мы еще оставались за пределами Облака, создание защищало себя, не повышая уровень ионизации в атмосфере, а с помощью внешних электрических полей. Но как только мы оказались внутри этих полей, стали появляться разряды уже в нашей атмосфере. Создание начало блокировать наши радиопередачи.

— Очень хороший аргумент, Крис! — сказал Марлоу.

— Чертовски замечательный, — кивнул Александров.

— Как же тогда насчет сантиметровых передач? Они нормально проходят, — возразил Уайчарт.

— Хотя цепочка рассуждений становится слишком длинной, все-таки стоит высказать еще одно предположение. Я считаю, это необходимо сделать, чтобы мы смогли определиться с дальнейшими действиями. Мне кажется маловероятным, что Облако уникально. Природа не производит уникальных экземпляров. Поэтому давайте предположим, что галактику населяет много таких созданий. В таком случае я предполагаю, что между этими облаками происходит общение. А значит, существуют волны определенной длины, необходимые для внешнего общения, и эти волны способны проникать в Облако, не причиняя вред его нервной системе.

— И вы считаете, что это как раз сантиметровые волны?

— Вероятно.

— Но почему же тогда оно не отвечает на наши сантиметровые сигналы? — спросил Паркинсон.

— Наверное, потому, что мы не посылали ника-

ких сообщений. Нет смысла отвечать на пустую передачу.

— Значит, следует переслать импульсные сообщения на сантиметровой волне! — воскликнул Лестер. — Но как Облако их расшифрует?

— Это пока не первоочередная задача. В конце концов станет ясно, что в наших передачах содержится информация, а случится это из-за частых повторов разных схем в передаче сигналов. И как только Облако поймет, что наши передачи осуществляются осознанно и за этим стоит некий интеллект, думаю, мы можем ожидать от него какого-либо ответа. Гарри, сколько потребуется времени, чтобы приступить к работе? Вы пока не можете передавать информацию на сантиметровых волнах?

— Нет. Но сможем через пару дней, если будем работать в ночную смену. Я так и знал, что сегодня мне не придется спать. Пойдемте, ребята, поработаем.

Лестер встал, потянулся и неторопливым шагом вышел из комнаты. На этом встреча завершилась. Кингсли отвел Паркинсона в сторону.

— Послушайте, Паркинсон, — сказал он, — пока мы во всем не разберемся, не нужно особенно распространяться на этот счет.

— Разумеется. Премьер-министр и так подозревает, что у меня не все в порядке с головой.

— Но кое-что вы можете передать ему. Если Лондон, Вашингтон и другие клоуны от политики смогут ввести в эксплуатацию свои десятисантиметровые передатчики, то, возможно, им удастся избежать проблем с исчезновением сигнала.

Позже, тем же вечером, когда Кингсли и Энн Халси остались одни, Энн спросила:

— Крис, как тебе могла прийти в голову такая идея?

— На самом деле все довольно очевидно. Проблема заключается в том, что мы все даже думать не хотим о чем-то подобном. Убеждение, что Земля — единственная обитель жизни, слишком завладело нашими умами, несмотря на все фантастические романы и детские комиксы. Если бы мы могли посмотреть на происходящее бесстрастным взглядом, то давно бы это заметили. С самого начала все шло не так, как надо, но при этом в происходящем прослеживалась строгая система. И все же, преодолев психологический барьер, я увидел, что со всеми трудностями можно справиться, сделав единственный простой, но верный шаг. И вот один за другим все фрагменты головоломки встали на свои места. Думаю, Алек-

сандров пришел к похожей мысли, только его английский не позволяет ему выразить ее.

— Ты хотел сказать, его *чертовский* английский. А если серьезно, ты правда считаешь, что нам удастся наладить связь?

— Я очень на это надеюсь. Это необычайно важно сделать.

— Почему ты так говоришь?

— Вспомни, какие катастрофы пережила Земля, а ведь Облако пока не предпринимало никаких осознанных действий против нас. Немного света, отраженного от его поверхности едва нас не поджарило. Краткое затмение Солнца почти заморозило. Если Облако направит против нас хотя бы крошечную долю той энергии, которую контролирует, это сотрет нас с лица земли вместе со всеми растениями и животными.

— Но почему нечто подобное должно случиться?

— Кто знает? Ты задумываешься о судьбе маленького жучка или муравья, которого случайно раздавишь во время дневной прогулки? Одного газового снаряда вроде того, который три месяца назад попал в Луну, будет достаточно, чтобы покончить с нами. Рано или поздно Облако, возможно, выбросит еще несколько таких. Или нас

убьет каким-нибудь мощным электрическим разрядом.

— Но зачем Облаку так поступать?

— Все просто. В распоряжении Облака находится невероятная энергия. Если нам удастся вступить с ним в контакт, то, возможно, Облако и не станет нас топтать.

— Ты думаешь, оно станет утруждать себя чем-то подобным?

— Но если бы жук сказал тебе: «Пожалуйста, мисс Халси, не ходите сюда, а то вы меня раздавите», разве ты не согласилась бы сделать шаг в сторону?

Контакт установлен

Через четыре дня после тридцатитрехчасовой радиопередачи из Нортонстоу пришел первый ответ от Облака. Трудно описать словами, насколько сильно всех это взбудоражило. Достаточно лишь сказать, что ученые предприняли отчаянные попытки расшифровать входящее сообщение — в том, что это именно какое-то послание, не оставалось никаких сомнений, судя по определенной схеме, которая прослеживалась среди быстрых пульсирующих радиосигналов. Но все оказалось безуспешно. Это никого не удивило, так как Кингсли заметил, что сложно найти код, когда послание передается на неизвестном языке. А языка Облака не знал никто.

— Мне кажется это вполне разумным, — заметил Лестер. — Облако столкнулось с такой же сложной проблемой, как и мы. Облако не поймет наших сообщений до тех пор, пока не узнает об английском языке.

— Возможно, проблема гораздо серьезнее, — заметил Кингсли. — У нас есть все основания считать, что Облако обладает гораздо более вы-

соким интеллектом, чем все мы, вместе взятые, поэтому его язык, каким бы он ни был, скорее всего, окажется гораздо сложнее всех наших языков. Я предлагаю прекратить попытки расшифровать полученные сообщения. Вместо этого давайте подождем, пока Облако расшифрует наш язык. Затем, когда Облако научится нашему языку, оно сможет ответить, используя наш код.

— Чертовски хорошая идея. Всегда заставляй иностранцев учить английский, — сказал Александров Иветт Хедельфорд.

— На мой взгляд, вначале лучше передавать сообщения, связанные с наукой и математикой, так будет проще найти точки соприкосновения. Позже мы можем попробовать социологию. Нам предстоит серьезная работа — записать весь материал, который планируем передать.

— Вы хотите сказать, что мы должны передать Облаку начальный курс естественных наук и математики, а также английского языка? — спросил Уайчарт.

— Отличная идея. Думаю, нам стоит прямо сейчас приступить к ее реализации.

Идея оказалась удачной. Даже слишком удачной. Через два дня был получен первый внятный ответ следующего содержания: «Сообщение по-

лучено. Информация скудная. Пришлите еще».

Следующие несколько недель все занимались тем, что зачитывали вслух фрагменты из книг подходящей тематики, а затем передавали записи этих чтений. Но в ответ всегда поступало лишь короткое требование высылать все больше и больше информации.

— Ничего хорошего из этого не выйдет, Крис, — сказал Марлоу Кингсли. — Придется придумать что-то еще. Этот грубиян скоро нас всех измотает. От постоянного чтения мой голос стал хриплым, как у старой вороны.

— Гарри Лестер работает над новой идеей.

— Рад слышать. В чем ее суть?

— Что ж, она позволит нам убить одним выстрелом двух зайцев. Проблема не только в том, что из-за нынешнего метода мы практически топчемся на месте. Большая часть того, что мы отправляем, может показаться совершенно непонятной. Огромное количество слов в нашем языке служат для обозначения объектов, которые мы можем увидеть, или потрогать, или услышать. Если Облако не знает об этих объектах, то я не представляю, как оно разберется в том, что мы ему пересылаем. Представьте, что вы никогда не видели апельсин и не трогали его, как вы пой-

мете, что обозначает слово «апельсин», каким бы высоким интеллектом вы ни обладали?

— Это я понимаю. Но что вы предлагаете?

— У Гарри появилась одна мысль. Он считает, что сможет воспользоваться телевизионной камерой. К счастью, я добился от Паркинсона, чтобы он на всякий случай прислал нам такую. Гарри считает, что ее удастся подключить к нашему передатчику. Более того, он уверен, что сможет усовершенствовать ее, чтобы она передавала 20 000 строк вместо жалких 450 или около того, как в обычном телевещании.

— Это все благодаря меньшей длине волн?

— Да, конечно. Мы сможем передавать очень четкое изображение.

— Но у Облака нет телевизора!

— Конечно, нет. Пусть Облако само решает, как ему анализировать сигналы. Наша задача — передать всю необходимую информацию. Пока мы с этой задачей справлялись плохо, и у Облака были основания предъявлять нам претензии.

— Как вы собираетесь использовать телевизионные камеры?

— Начнем с определенного перечня слов, будем демонстрировать разные существительные и глаголы. Это первый шаг. К делу стоит подойти

очень тщательно, но, чтобы подобрать около пяти тысяч слов, много времени не потребуется, возможно, на это уйдет около недели. Затем мы будем передавать содержание целых книг, сканируя страницы с помощью камеры. Таким методом мы за несколько дней перешлем всю энциклопедию «Британника».

— Это непременно должно удовлетворить жажду знаний грубияна. Что ж, думаю, мне лучше вернуться к чтению. Скажете, когда камера будет готова. Вы даже не представляете, с какой радостью я отделаюсь от этой нудной работы.

Позже Кингсли навестил Лестера.

— Извините, Гарри, — сказал он, — но у меня возникли кое-какие проблемы.

— Надеюсь, вы оставите их при себе. Мы в нашем отделе ушли с головой в работу и ни на что больше не реагируем.

— К сожалению, это имеет отношение к вам, и, боюсь, работы будет еще больше.

— Крис, послушайте, почему бы вам тогда не снять пальто и не заняться чем-нибудь полезным вместо того, чтобы морочить пролетариям голову? Ну, говорите же, что стряслось?

— Проблема в том, что мы не уделяем достаточного внимания принимающей станции. Я имею

в виду, нашей принимающей станции. Как только начнем передавать информацию с помощью телевизионной камеры, скорее всего, мы будем получать ответные сообщения в такой же форме. То есть они начнут появляться в виде слов на телевизионном экране.

— И в чем сложность? Мы легко сможем их прочитать.

— Да, в этом сложности нет. Но не забывайте, что мы можем читать со скоростью около ста двадцати слов в минуту, в то время, как по нашим предположениям, скорость передачи может оказаться по меньшей мере в сотню раз выше.

— Значит, надо объяснить этому малому, чтобы он отвечал помедленнее, всего-то. Скажем ему, какие мы тупые и можем читать всего сто двадцать слов в минуту вместо десятков тысяч, которые он, похоже, способен проглатывать за раз.

— Все это замечательно, Гарри, и я даже не буду с вами спорить.

— Но вы хотите, чтобы я сделал еще кое-какую работу?

— Совершенно верно. Как вы догадались? Моя идея заключается в том, что хорошо бы не только читать сообщения Облака на экране, но и слушать их. От чтения мы устанем намного сильнее,

чем от прослушивания.

— Я сейчас процитирую Алексея и скажу, что это чертовски ужасная идея. Вы хоть представляете, что для этого потребуется?

— Это означает, что в вашем распоряжении должны быть звуковые и визуальные эквиваленты. Для этих целей можно воспользоваться электронно-вычислительной машиной. Нам нужно будет подготовить таким образом всего пять тысяч слов.

— Всего!

— Я не думаю, что вы потратите на это много времени. Мы начнем достаточно медленно передавать Облаку отдельные слова. Я закладываю на это около недели. Показывая каждое слово, мы будем заносить ключевую часть нашего телесигнала на перфоленту. Это совсем не сложно. Звуки, обозначающие слова, тоже можно записать на перфоленту, разумеется, с помощью микрофона, чтобы преобразовать звук в электрический сигнал. Как только получим все записи, мы сможем в любой момент использовать их в вычислительной машине. А для хранения такого большого объема данных используем магнитные диски. Все это можно сделать довольно легко и просто. Задействуем конверсионные программы для

высокоскоростного хранилища данных. После этого мы сможем либо читать сообщения Облака на экране, либо прослушивать его через репродуктор.

— Отдаю вам должное, Крис. Я еще не видел человека, который так хорошо умел бы находить работу для других. А вы, как я понимаю, будете писать конверсионную программу?

— Разумеется.

— Спокойная кабинетная работа? В то время как мы, бедолаги, будем вкалывать с паяльниками, прожигая дырки у себя в штанах и черт знает где еще. А чей голос мне нужно будет записывать?

— Ваш собственный, Гарри. Это послужит вам наградой за все те дырки, которые вы прожжете себе в штанах. И мы часами напролет будем слушать вас.

Со временем идея о преобразовании посланий Облаку в звук стала нравиться Гарри Лестеру все больше и больше. Прошла пара дней, и с его лица теперь не сходила довольная улыбка, но никто не мог понять ее причины.

Телевизионная система работала весьма успешно. После того, как они в течение четырех дней передавали сообщения, пришло ответное

послание следующего содержания: «Поздравляю с техническим усовершенствованием».

Сообщение появилось только на экране телевизора, так как система звукового преобразования еще не работала.

Передавать отдельные слова оказалось сложнее, чем ожидалось, но в конце концов и с этой задачей удалось справиться. Передавать научные и математические труды было намного легче. Вскоре стало ясно, что эти передачи лишь знакомили Облако с уровнем развития человечества. Примерно так же ребенок показывает свои достижения взрослым. Затем в ход пошли книги, связанные с социальными вопросами. С поиском необходимого материала возникли сложности, и в конце концов ученые переслали многочисленные и совершенно случайно подобранные образцы. Стало ясно, что такие сведения Облаку освоить непросто. Наконец на экране высветилось сообщение:

«Последние передачи кажутся самыми сумбурными и странными. Я хочу задать много вопросов, но сделаю это в другой раз. Стоит отметить, что ваши передачи из-за близкого расположения передатчика вызывают серьезные помехи при получении различных посланий

извне, которые мне нужно принимать. По этой причине я высылаю вам следующий код. В будущем пользуйтесь им. Я собираюсь установить защитное электронное поле против ваших передатчиков. Код будет служить сигналом к тому, что вы хотите проникнуть сквозь поле. Если вас все устраивает, я позволю вам сделать это. Следующее сообщение от меня ожидайте примерно через сорок восемь часов».

На экране мелькнул затейливый световой узор. За ним последовало следующее сообщение:

«Пожалуйста, подтвердите, что вы получили код и можете им воспользоваться».

Лестер продиктовал следующий ответ:

— Мы получили ваш код. Скорее всего, мы сможем им воспользоваться, хотя и не уверены в этом. Мы подтвердим это в нашем следующем сообщении.

Последовала пауза, продлившаяся около десяти минут. Затем пришел ответ:

«Хорошо. До свидания».

Кингсли объяснил Энн Халси:

— Эта задержка связана с тем, что должно пройти некоторое время, пока сигнал дойдет до Облака, а затем вернется к нам обратно. Из-за таких пауз обмен короткими репликами кажется

бесполезным.

Но Энн Халси заинтересовали не паузы, а тон сообщения Облака.

— Оно разговаривает как человек, — проговорила она с расширенными от удивления глазами.

— Разумеется. А как же иначе? Оно использует наш язык, наши фразы, поэтому и говорит как человек.

— Но это «До свидания» прозвучало так мило.

— Ерунда! Для Облака «до свидания», возможно, просто кодовое слово, обозначающее конец передачи. Не забывайте, что оно выучило наш язык с нуля за каких-нибудь две недели. Мне кажется, человек на такое не способен.

— Ох, Крис, американцы таких, как ты, называют «занудами», правда, Джефф?

— Насчет того, что Крис — зануда? Это точно, мэм, второго такого зануду еще стоит поискать. Можете не сомневаться! А если серьезно, Крис, то что вы обо всем этом думаете?

— Мне кажется, это хороший сигнал, что Облако послало нам код.

— Я тоже так считаю. Он поможет поддержать наш моральный дух. Одному богу известно, насколько нам это сейчас необходимо. Минувший

год оказался не из легких. Последний раз у меня было такое же хорошее настроение, когда я встречал вас в аэропорту Лос-Анджелеса. А с тех пор, кажется, прошла целая жизнь.

Энн Халси сморщила нос.

— Не понимаю, почему вы все без ума от кода, а когда я заговорила про «до свидания», только отмахнулись от меня?

— Потому, моя дорогая, — ответил Кингсли, — что пересылка кода — совершенно логический поступок. Это точка соприкосновения, возникновение взаимопонимания, даже не связанного напрямую с языком. В то время как «до свидания» — всего лишь пустая лингвистическая красивость.

К ним подошел Лестер.

— Хорошо, что следующее сообщение придется ждать два дня. Думаю, к тому времени нам удастся ввести в эксплуатацию звуковую систему.

— А что насчет кода?

— Я почти уверен, что с ним все в порядке. Но, думаю, не лишним будет подстраховаться.

Через два дня вечером все собрались в радиолаборатории. Лестер и его коллеги проводили последние наладки аппаратуры. Примерно в восемь часов на экране появились первые вспышки

света. Вскоре там стали возникать и слова.

— Давайте добавим звук, — сказал Лестер.

Когда из репродуктора донесся голос, все заулыбались и даже засмеялись, так как этот голос принадлежал Джо Стоддарду. В первую минуту все решили, что это розыгрыш, но потом заметили — голос произносил те же слова, которые высвечивались на экране. К тому же Стоддард говорил совершенно серьезным тоном.

У шутки Лестера было свое преимущество. Из-за вынужденных обстоятельств он не успел записать разные интонации: каждое слово произносилось с одинаковым выражением, в одинаковом темпе, только в конце предложений следовала небольшая пауза. Недостатки звукопередачи компенсировались тем, что в обычной речи Джо Стоддард, как правило, тоже говорил без особого выражения. А Лестер очень точно рассчитал скорость воспроизведения слов так, чтобы она совпадала с обычной речью Джо. Поэтому очевидно, что в своей речи Облако подражало манере Джо, причем имитация получилась очень удачной. Особенно непривычным казалось то, что Облако произносило «р» очень медленно и раскатисто, как жители Западной Англии, а некоторые ошибки в произношении,

свойственные Джо, создавали определенный комический эффект. После этого Облако стали называть не иначе как «Джо».

Первое сообщение Джо имело примерно следующее содержание:

«Ваше первое послание удивило меня, так странно обнаружить животных, обладающих техническими навыками, на одной из планет, относящихся к самым экстремальным аванпостам жизни».

Тогда Джо спросили, почему он так считает.

«По двум довольно простым причинам. Вы живете на поверхности твердого тела и подвергаете себя воздействию гравитации. Это сильно ограничивает ваши животные размеры, а следовательно, сокращает масштабы вашей нервной деятельности. Из-за этого вам необходимо наличие мышечной структуры, чтобы передвигаться, а также приходится носить защитную броню, предохраняющую вас от сильных ударов. Например, череп нужен вам для защиты мозга. Вес мышц и защитной брони еще сильнее сокращают возможности вашей нервной деятельности. Судите сами, ваши самые большие животные состоят преимущественно из мышц и брони и обладают очень маленьким мозгом. Как уже

было сказано ранее, все эти затруднения связаны с мощным гравитационным полем, в котором вы живете. По большому счету разумную жизнь естественнее встретить в диффузной газообразной среде, а не на такой планете.

Второй неблагоприятный фактор связан с отсутствием основных химических компонентов, необходимых для питания. Для создания химических питательных компонентов необходимо большое количество звездного света. Но ваша планета поглощает лишь очень малую долю солнечного излучения. В данную минуту я произвожу синтез основных химических продуктов в масштабах, в 10 000 000 000 раз превосходящих масштабы синтеза подобных компонентов на поверхности всей вашей планеты.

Недостаток химических продуктов ведет к борьбе за выживание, в которой первым проблескам интеллекта тяжело бывает одержать победу в борьбе с костями и мускулами. Разумеется, после того, как интеллекту все же удается укрепить свои позиции, его противостояние костям и мускулам становится простым, но первые шаги на этом пути невероятно тяжелы, поэтому ваш случай на фоне остальных планетарных форм жизни является скорее исключительным».

— И что, теперь можно поставить крест на покорении космоса? — сказал Марлоу. — Гарри, спросите его, чем объясняется возникновение разумной жизни здесь, на Земле?

Вопрос был задан, и через некоторое время последовал ответ:

«Возможно, это связано с сочетанием нескольких обстоятельств, среди которых я хочу выделить одно, наиболее важное, — около пятидесяти миллионов лет назад появилась растительность, которую вы называете «травой». Возникновение этой растительности привело к радикальным изменениям во всем животном мире, в связи с той характерной чертой, что траву, в отличие от остальных растений, можно объедать прямо с земли. Когда трава распространилась по всей Земле, те животные, которые смогли воспользоваться этим преимуществом, выжили и эволюционировали. Другие же деградировали или вымерли. Судя по всему, именно в процессе этой масштабной перестановки на вашей планете и зародилась разумная жизнь.

Есть еще ряд необычных факторов, которые несколько затрудняют расшифровку вашего метода коммуникации, — продолжало Облако. — В частности, я нахожу очень странным, что ваши

символы, которые вы используете для передачи информации, не имеют тесной связи с нервной деятельностью вашего мозга».

— Наверное, нам стоит ему что-то ответить, — предположил Кингсли.

— Наверное. Я и не думала, что ты сможешь молчать так долго, Крис, — заметила Энн Халси.

Кингсли объяснил свою идею по поводу коммуникации с помощью постоянного и переменного тока и спросил, правда ли, что деятельность Джо осуществляется на основе переменного тока. Джо ответил утвердительно и продолжил:

«Однако это не единственная причудливая особенность. Поразительная странность заключается также в том, насколько вы похожи друг на друга. И это позволяет вам пользоваться довольно грубыми методами коммуникации. Вы обозначаете состояние вашей нервной системы различными ярлыками: гнев, головная боль, смущение, счастье, меланхолия. Все это ярлыки. Если мистер А захочет сказать мистеру Б, что у него болит голова, он даже не попытается описать, какие нарушения происходят в работе его нервной системы. Он просто навесит ярлык и скажет: «У меня болит голова». Когда же мистер Б услышит это, он воспримет ярлык «головная

боль» в соответствии со своим личным опытом. Таким образом, мистер А может сообщить мистеру Б о своем недомогании, даже если ни один из них не представляет, что скрывается за понятием «головная боль». Такой в высшей мере необычный метод коммуникации, разумеется, возможен только среди практически идентичных индивидуумов».

— А можно это иначе сформулировать? — спросил Кингсли. — Между двумя абсолютно идентичными индивидуумами, если таковые вообще существуют, не потребуется никакой коммуникации, так как подобный индивидуум автоматически будет понимать, что чувствует его собеседник. Между двумя практически идентичными индивидуумами достаточно довольно примитивного метода коммуникации. Зато для двух непохожих индивидуумов уже требуется намного более сложная система.

«Именно это я и пытаюсь объяснить. Теперь вы понимаете ту трудность, с которой я сталкиваюсь при попытке расшифровать ваш язык. Этот язык подходит для практически идентичных индивидуумов. В то время как мы с вами очень разные, возможно, вы даже не представляете насколько. К счастью, ваша нервная система

кажется достаточно простой. Как только мне удалось в ней немного разобраться, расшифровка стала возможной».

— У нашей нервной деятельности есть хоть что-нибудь общее с вами? У вас, например, бывает что-то похожее на «головную боль»? — спросил Макнил.

Последовал следующий ответ:

«В широком смысле, мы с вами можем испытывать и удовольствие, и боль. Но это свойственно всем существам, обладающим нервной системой. Болезненные эмоции связаны с резким разрушением нервных связей, и я могу переживать это точно так же, как и вы. Счастье — динамическое состояние, при котором нервные связи расширяются, а не разрушаются, и со мной это точно так же может произойти, как и с вами. Но, несмотря на это сходство, я полагаю, что мои личные переживания очень далеки от ваших, за исключением одной особенности. Как и вы, я стараюсь избегать болезненных эмоций, а к счастливым, напротив, стремлюсь.

Если более конкретно, то ваша головная боль связана с недостатком кровоснабжения, из-за которого снижается точность электрических импульсов в вашем мозге. Я испытываю нечто

похожее на головную боль. Если радиоактивная материя проникает в мою нервную систему, она провоцирует появление электрических разрядов как в ваших счетчиках Гейгера. Эти разряды нарушают последовательность импульсов и вызывают очень неприятные субъективные ощущения.

А теперь мне хочется разобраться в совершенно другом вопросе. Меня интересует то, что вы называете «искусством». Как я понимаю, литература — это искусство по облачению идей и эмоций в слова. Изобразительные искусства, очевидно, связаны с вашим восприятием мира. Но я совершенно не понимаю природу музыки. Моя невежественность в этом вопросе неудивительна, ведь я знаю, что вы не пересылали в своих сообщениях никакой музыки. Не могли бы вы восполнить этот пробел?»

— Это твой шанс, Энн, — сказал Кингсли. — И какой шанс! Еще ни одному музыканту не доводилось играть для такой аудитории!

— И что мне сыграть?

— Как насчет недавнего Бетховена?

— Соната № 29? Не слишком ли жестоко для начинающего слушателя?

— Бросьте, Энн. Пусть у старины Джо появится

пища для размышлений, — сказал Барнетт.

— Если не хотите, можете не играть, Энн. Я записал ваше прошлое исполнение, — сказал Лестер.

— И какого эта запись качества?

— С технической точки зрения самая лучшая, какую только можно представить. Если вас удовлетворяет исполнение, мы, с вашего позволения, сразу же начнем передачу.

— Наверное, я все же предпочту запись. Звучит нелепо, но мне кажется, я буду сильно волноваться, играя для этого создания, чем бы оно ни было.

— Не говорите глупостей. Старина Джо не кусается.

— Возможно, и все-таки я предпочитаю воспользоваться записью.

Итак, в сообщении передали запись. После этого пришел ответ:

«Очень интересно. Пожалуйста, повторите первую часть, увеличив скорость воспроизведения на тридцать процентов».

Когда просьба была исполнена, пришло следующее сообщение:

«Уже лучше. Очень хорошо. Мне нужно все обдумать. До свидания».

— Бог мой, Энн, вы его уделали! — воскликнул

Марлоу.

— Не понимаю, как Джо мог настолько проникнуться музыкой? В конце концов, музыка — это звуки, а мы пришли к выводу, что звуки не должны ничего для него значить.

— Я с этим не согласен, — возразил Макнил. — Наше понимание музыки на самом деле никак не связано со звуками, хотя на первый взгляд и может показаться иначе. Мы воспринимаем электрические сигналы, которые поступают в наш мозг через уши. Мы используем звуки, так как это удобное средство для выработки определенных электрических сигналов. Есть много свидетельств того, что музыкальный ритм отражает основной электрический ритм нашего мозга.

— Как интересно, Джон! — воскликнул Кингсли. — То есть вы хотите сказать, что музыка — это прямое выражение деятельности нашего мозга?

— Нет, я не стал бы формулировать так категорично. Я бы сказал, что музыка лучше всего отражает масштабные процессы, происходящие в нашем мозге. В то время как слова лучше всего отражают более мелкие процессы.

Дискуссия затянулась до глубокой ночи. Обсудили все моменты, связанные с заявлениями

Облака. Возможно, самое поразительное замечание принадлежало Энн Халси:

— В первой части сонаты си-бемоль мажор присутствует обозначение темпа по метроному с требованием исполнять ее в совершенно фантастическом темпе, намного быстрее, чем сможет сыграть обычный пианист. И уж точно быстрее, чем получится сыграть у меня. Вы обратили внимание на просьбу увеличить скорость? Меня от нее в дрожь бросило, хотя, возможно, это просто странное совпадение.

На этом этапе ученые решили сообщить властям об истинной природе Облака. Правительства разных стран снова стали получать радиосообщения. Выяснилось, что если направить трехсантиметровые волны вертикально в атмосферу, то можно поддерживать благоприятный уровень ионизации для передачи сообщений на десятисантиметровых волнах. Нортонстоу снова превратился во всемирный информационный центр.

По большому счету распространение информации, касавшейся Облака, радости ни у кого не вызвало. Ученые предвидели, что Нортонстоу могут лишить возможности дальнейшего общения с Облаком. А ведь им так хотелось еще многое

узнать. Кингсли выступал решительно против того, чтобы передать все сведения политикам, но в конце концов согласился с мнением большинства, решивших, что, как это было не прискорбно, они больше не могли оставлять происходящее в тайне.

Лестер записал беседы с Облаком, а затем их передали по десятисантиметровым каналам. Однако правительства различных стран твердо решили сохранять строгую секретность. Простые люди так и не узнали о существовании жизни в Облаке, а дальнейшие события приняли такой оборот, что их просто стало необходимо хранить в тайне.

На тот момент ни одно из правительств не располагало сантиметровыми передатчиками и приемниками надлежащего вида. Поэтому какое-то время связь с Облаком осуществлялась исключительно из Нортонстоу. Однако технические специалисты из США заметили, что, если передавать информацию на десятисантиметровых волнах в Нортонстоу, а затем оттуда на сантиметровых Облаку, это позволит правительству США и других стран установить контакт с Облаком. Поэтому было принято решение, что Нортонстоу станет центром не только для

передачи информации по всей Земле, но и для коммуникации с Облаком.

Сотрудники Нортонстоу разделились на два примерно одинаковых по численности лагеря. Те, кто поддерживал Кингсли и Лестера, выступали за то, чтобы в открытую отвергнуть план политиков и послать все правительства к черту. Другой лагерь во главе с Марлоу и Паркинсоном возражал, заявляя, что такое откровенное неповиновение ничем им не поможет, ведь политики при необходимости могут добиться своего, применив силу. За несколько часов до предполагаемого контакта с Облаком между этими двумя группами разгорелся особенно горячий спор. Он разрешился в пользу компромисса. Стороны условились на время контакта с Облаком организовать технический сбой, из-за которого Нортонстоу не сможет получать десятисантиметровые волны. Таким образом, политики будут слышать Облако, однако им не удастся общаться с ним.

Итак, этот план был претворен в действие. В тот день самые высокопоставленные и уважаемые представители человеческой расы слушали Облако, но не могли ему ответить. Надо сказать, что Облако произвело не самое благоприятное

впечатление на эту достопочтенную аудиторию, так как Джо решил честно высказать свое мнение по поводу секса.

«Как вы можете разрешить следующий парадокс? — спросил он. — Я вижу, что значительная часть вашей литературы посвящена тому, что вы называете «любовью». По большей части «любви мирской». В самом деле, из тех образцов, что вы мне прислали, по моим подсчетам, этой теме отводится около сорока процентов литературы. Но нигде в этой литературе мне не удалось найти, из чего эта «любовь» состоит. Эта проблема всегда старательно избегается. Отсюда у меня сложилось представление, что «любовь», должно быть, какой-то очень редкий, уникальный процесс. И вы можете представить мое удивление, когда в медицинских книгах вдруг обнаружилось, что эта ваша «любовь» — процесс очень простой и заурядный, свойственный большинству других животных, населяющих вашу планету?»

Некоторые самые высокопоставленные и уважаемые представители человечества тут же поспешили высказать свое возмущение на такое утверждение. Лестер заставил их замолчать, отключив от громкоговорителей.

— Да заткнитесь вы, — сказал он и передал мик-

рофон Макнилу: — Думаю, теперь ваша очередь, Джон. Постарайтесь ответить Джо что-нибудь вразумительное.

Макнил сделал все, что мог:

— С точки зрения логики вынашивание и воспитание детей — перспектива весьма непривлекательная. Для женщины это означает страдание и бесконечные заботы. Мужчине приходится еще больше работать, чтобы содержать семью. Поэтому если бы мы смотрели на секс логически, то, возможно, просто перестали бы заботиться о продолжении рода. Но природа побеспокоилась об этом, сделав нас абсолютно и полностью нерациональными. В противном случае мы просто не смогли бы выжить, какой бы противоречивой ни казалась эта мысль. Возможно, у других животных происходит то же самое.

Джо снова заговорил:

«У этой иррациональности, о наличии которой у меня возникали подозрения, и хорошо, что вы их сейчас подтвердили, есть один серьезный и достаточно зловещий аспект. Вы ведь помните мое предупреждение, что запасы химических продуктов на вашей планете, к сожалению, сильно ограничены. И велика вероятность, что в результате иррационального подхода к вос-

произведению себе подобных на свет появится слишком много особей, которым просто не хватит таких скудных ресурсов. Эта ситуация таит в себе большую угрозу. И, скорее всего, столь редко встречающаяся разумная жизнь возникла на планете благодаря существованию подобной нерациональности по отношению к дефициту продовольствия. Но я не исключаю, что рано или поздно ваш вид ждет вымирание. Эту мою точку зрения подтверждает слишком быстрый рост популяции людей».

Лестер указал на мигающие лампы:

— Политики пытаюсь пробиться: Москва, Вашингтон, Лондон, Париж, Тимбукту и так далее, и тому подобное. Соединить их, Крис?

Александров впервые высказался по поводу политиков.

— Пусть паршивцы из Кремля тоже послушают, — сказал он.

— Алексей, вы используете неподходящее выражение, — заметил Кингсли. — В приличном обществе мы называем политиков «бедолагами».

— Думаю, Алексею стоит ознакомиться с рабо-

тами знаменитого доктора Баудлера[4]. Но пора вернуться к Джо, — сказал Марлоу.

— Конечно, не надо подключать политиков, Гарри. Заткните им глотки. Джон, спросите-ка у Джо, каким образом он… э-э-э… размножается.

— Именно этот вопрос я и хотел задать, — сказал Макнил.

— Тогда продолжим. Посмотрим, насколько он будет деликатен, когда речь пойдет о нем.

— Крис!

Макнил задал Облаку вопрос:

— Нам было бы интересно узнать, насколько сильно ваша репродуктивная система отличается от нашей.

«Воспроизведение в значение рождения на свет новой особи в нашем случае происходит совершенно иным образом. Видите ли, если не принимать в расчет несчастные случаи, а также всепоглощающее стремление к самоуничтожению, которое появляется у некоторых представителей нашего вида так же, как и вашего, то я могу жить вечно. Таким образом, у меня

---

[4] Примечания: 4

Доктор Томас Баудлер (1754–1825) — шотландский врач и шахматист, вошедший в историю благодаря тому, что выпустил собрание сочинений Уильяма Шекспира для семейного чтения, из которого были удалены все моменты, считавшиеся грубыми и непристойными. В английской культуре его фамилия стала синонимом цензуры.

нет такой, как у вас, потребности воспроизводить себе подобных, чтобы после моей смерти они заняли мое место».

— Сколько же вам лет?

— Гораздо больше пятисот миллионов.

— А ваше рождение, или, если хотите, ваше происхождение, стало результатом спонтанной химической реакции так же, как, по нашему мнению, зародилась жизнь здесь, на Земле?

«Нет, ничего подобного. Путешествуя по галактике, мы ищем подходящее скопление материи, подходящее облако, в которое можем посадить жизнь. Мы делаем это примерно так же, как вы сажаете молодые деревья. Если мне доведется найти подходящее облако, еще не наделенное жизнью, то я посажу в него довольно простую неврологическую структуру. И эта структура, из которой состою я сам, есть частичка меня.

Такой подход позволяет избежать многих опасностей, которые вынуждена преодолевать разумная жизнь, возникшая спонтанно. В мою нервную систему нельзя допускать радиоактивные вещества, в прежних беседах я уже объяснял вам причину. Поэтому я обладаю сложным электромагнитным экраном, который препятствует проникновению радиоактивного газа в мои нев-

рологические зоны, иными словами, в мой мозг. Если экран выйдет из строя, я почувствую боль и вскоре после этого умру. Неполадки в работе экрана — один из тех несчастных случаев, которые упоминались ранее. Смысл этого примера заключается в том, что мы можем обеспечить наших «младенцев» не только экранами, но и разумом, который позволяет управлять ими, между тем подобные экраны вряд ли смогли бы сформироваться в случае спонтанного возникновения жизни».

— Но это должно было случиться, когда появился первый представитель вашего вида, — предположил Макнил.

«Я не соглашусь с тем, что существовал какой-либо «первый» представитель», — сказало Облако.

Макнил не понял этого замечания, но Кингсли и Марлоу обменялись многозначительными взглядами, словно хотели сказать: «Ну надо же! Сторонников теории о взрывающейся вселенной не обрадовало бы такое заявление!»

«Мы обеспечиваем наших «новорожденных» защитными устройствами, — продолжало Облако, — но при этом даем им возможность развиваться так, как они сочтут нужным. И здесь мне

нужно объяснить серьезную разницу между нами. Количество клеток вашего мозга чаще всего устанавливается при рождении. У вас развитие заключается в том, что вы учитесь наилучшим образом пользоваться вашим мозгом, производительность которого довольно ограниченна. В нашем случае все обстоит иначе. Мы вольны увеличивать производительность нашего мозга настолько, насколько сочтем нужным. И, разумеется, можем заменять вышедшие из строя или бракованные его фрагменты. Поэтому цель нашего развития — расширить мозг наиболее оптимальным образом, а также научиться лучше всего им пользоваться. Под «лучше» я подразумеваю тот способ, который наиболее удачно подходит для решения возникающих перед нами проблем. Поэтому вы понимаете, что в «младенчестве» мы обладаем сравнительно простым мозгом, но по мере взросления наш мозг становится все больше и сложнее».

— Вы не могли бы описать нам понятнее, как вы создаете эти новые части вашего мозга? — спросил Макнил.

«Думаю, что могу. Сначала я перерабатываю химические продукты в сложные молекулы необходимого мне типа. У меня в распоряжении

всегда находится определенный их запас. Затем молекулы складываются в соответствующую неврологическую структуру на поверхности твердого тела. Материя, из которой это тело состоит, выбирается с учетом нескольких факторов: температура ее плавления должна быть не очень низкой — у льда, к примеру, опасно низкая температура плавления — и обладать хорошими изоляционными свойствами в отношении электричества. Внешнюю часть этого твердого тела также следует тщательно подготовить для надежного закрепления неврологического материала, или, как сказали бы вы, ткани мозга.

Разумеется, сложности возникают с устройством этой неврологической структуры. Ее следует организовать таким образом, чтобы этот новый мозг служил для достижения определенных целей. Кроме того, новый отдел мозга не должен приступать в работе спонтанно, а только после того, как получает сигналы от уже существующей части мозга. Эти сигналы имеют различные точки доступа в новую структуру. Точно так же, как и новый отдел имеет много связей с более старой частью моего мозга. Таким образом его деятельность удается контролировать и интегрировать в мою нервную систему».

— Интересны два момента, — сказал Макнил. — Как вы подзаряжаете энергией вашу неврологическую материю? В случае с людьми за это отвечает кровеносная система. У вас есть ее эквивалент? И второе, каков приблизительный размер этих отделов, которые вы создаете?

Ответ оказался следующим:

«Размер варьируется в зависимости от того, для каких целей создается этот отдел. Площадь твердого тела, на которой он располагается, может быть от пары до нескольких сотен ярдов.

Да, у меня есть эквивалент кровеносной системы. Подача необходимой субстанции поддерживается потоком газа, который постоянно циркулирует по созданным мной отделам мозга. Этот поток поддерживает не сердце, а электромагнитный насос. Стоит сказать, что насос имеет неорганическую структуру. Это еще одно устройство, которым мы всегда обеспечиваем саженец новой жизни. Газ поступает от насоса к запасу химических компонентов, а оттуда — к моей неврологической структуре, которая поглощает необходимый для мозговой деятельности материал. Отходы жизнедеятельности также поступают обратно в газ. Затем газ возвращается в насос, но перед этим проходит через фильтр, который

очищает его от отходов, и этот фильтр чем-то похож на ваши почки.

Достоинство моих «сердца», «почек» и «крови» заключено в том, что они по своим свойствам являются неорганическими. Сбои в их работе допустимы. Если с моим «сердцем» что-то случится, я просто включу запасное, которое всегда у меня наготове. Если откажут «почки», я не умру, как ваш композитор Моцарт. Я опять же включу запасные «почки». И я могу изготавливать новую «кровь» в больших количествах».

Вскоре после этого Джо покинул эфир.

— Меня все-таки поражает это удивительное сходство между нашими с ним принципами жизнедеятельности, — заметил Макнил. — Детали, разумеется, абсолютно разные: газ вместо крови, электромагнитные сердце и почки и тому подобное. Но логика в строении организма та же самая.

— И логика в построении мозга напоминает программирование нашей вычислительной машины, — сказал Лестер. — Крис, вы обратили на это внимание? Это же почти как разработка новой подпрограммы.

— Я думаю, что сходство действительно есть. Бытует мнение, что строение коленного суста-

ва мухи подобно строению наших коленных суставов. А почему? Да потому, что существует только один способ сконструировать хороший коленный сустав. Точно так же есть только одна логика и одна общая схема строения разумного организма.

— Но почему, по-вашему, должна существовать такая уникальная логика? — спросил Макнил.

— Мне трудновато это объяснить, так как здесь я вторгаюсь на территорию религиозных воззрений. Мы знаем, что у Вселенной есть своя внутренняя структура, именно это обнаруживает или пытается обнаружить наша наука. Мы склонны хвалить себя, когда размышляем над нашими удачами в этой области, и таким образом словно пытаемся сказать, что Вселенная следует нашей логике. Но это, конечно, все равно что ставить телегу впереди лошади. Не Вселенная следует нашей логике, а мы созданы в соответствии с логикой Вселенной. И можно сказать, в этом и заключается определение разумной жизни, как чего-то отражающего основы построения Вселенной. Это заложено и в нас, и в Джо, поэтому мы находим общие темы для общения несмотря на то, что в деталях мы абсолютно разные. Мы все отражаем внутреннюю структуру Вселенной.

— Эти политические паршивцы все еще пытаются прорваться к нам. Черт побери, я сейчас отключу все лампочки, — возмутился Лестер.

Он подошел к панели с лампочками, которые оповещали о получении различных сообщений, а через минуту вернулся на свое место, весь дрожа от смеха,

— Просто замечательно! — проговорил он сквозь хохот. — Я забыл отключить передачу нашего разговора на десятиметровой волне. Они все слышали: и замечание Алексея про Кремль, и предложение Криса обрубить связь. Не удивительно, что они теперь в ярости! Кажется, исправить уже ничего не получится.

Никто не знал, что делать. Наконец Кингсли подошел к панели управления. Он щелкнул несколькими переключателями и сказал в микрофон:

— Это Нортонстоу, говорит Кристофер Кингсли. Если у вас есть какое-нибудь сообщение, можете передать его.

Из репродуктора донесся рассерженный голос:

— Наконец-то вы в Нортонстоу изволили ответить! Мы пытались выйти с вами на связь последние три часа.

— Кто говорит?

— Громер, министр обороны США. И хочу сказать, что вы сейчас разговариваете с очень сердитым человеком, мистер Кингсли. Я жду объяснений насчет вашего сегодняшнего возмутительного поведения.

— В таком случае, боюсь, вам придется ждать и дальше. Я даю вам еще тридцать секунд, и если не услышу от вас более убедительных доводов, то снова отключу связь.

Голос стал тише, но в нем еще более явственно слышалась угроза:

— Мистер Кингсли, мне и прежде доводилось слышать о вашем несносном упрямстве, но лично я никогда еще ни с чем подобным не сталкивался. Довожу до вашего сведения, больше подобное не повторится. И это не предупреждение. Я просто хочу вам сообщить, что в скором времени вы покинете Нортонстоу. А вот куда вас после этого отправят, это я оставлю на откуп вашему воображению.

— Я очень надеюсь, что в своих планах насчет моей дальнейшей судьбы, мистер Громер, вы учли один очень важный момент.

— Это какой же, позвольте вас спросить?

— То, что я могу уничтожить весь американский континент. Если вы мне не верите, спросите

ваших астрономов, что случилось с Луной седьмого августа. Также учтите, что для осуществления своей угрозы мне потребуется менее пяти минут.

Кингсли щелкнул несколькими тумблерами, и лампы на панели управления погасли. Марлоу побледнел, на лбу и над верхней губой у него выступили капельки пота.

— Зря вы так, Крис, ох, зря! — сказал он.

Кингсли выглядел расстроенным.

— Извините, Джефф. Когда я это говорил, то даже не подумал о том, что Америка — ваша родина. Еще раз приношу извинения, но в свое оправдание скажу, что я то же самое заявил бы в адрес Лондона, Москвы, да и вообще кого угодно.

Марлоу покачал головой.

— Крис, вы меня не поняли. Я возразил не потому, что американец. В любом случае я знаю, что вы блефовали. Меня тревожит, что этот блеф может привести к чертовски опасным последствиям.

— Ерунда! Вы преувеличиваете значение этой бури в стакане. Вы до сих пор считаете политиков важными персонами только потому, что об этом пишут в газетах. Возможно, они догадались, что я блефую, но пока у меня остается хотя бы ма-

лейший шанс привести свои угрозы в действие, они не станут прибегать к силовому решению. Вот увидите.

Однако на этот раз Марлоу оказался прав, а Кингсли ошибался, и дальнейшие события это показали.

Водородные ракеты

Примерно через три часа Кингсли разбудили.

— Извините, что поднимаю вас, Крис, но случилось нечто важное, — сказал Гарри Лестер. А затем, удостоверившись, что Кингсли окончательно проснулся, продолжил: — Паркинсону поступил звонок из Лондона.

— Они времени зря не теряют.

— Нельзя допустить, чтобы он на него ответил. Это слишком рискованно.

Кингсли ненадолго замолчал. А затем, видимо, принял решение:

— Гарри, думаю, стоит рискнуть, но мы будем стоять рядом, когда Паркинсон будет отвечать на звонок. Мы должны проследить, чтобы он не сболтнул ничего лишнего. Дело вот в чем. Я, конечно, не сомневаюсь, что длинная рука Вашингтона способна дотянуться до Нортонстоу, но, думаю, нашему правительству вряд ли понравится, если ему начнут указывать, как поступать на его собственной территории. Так что сочувствие соотечественников станет для нас преимуществом. Если же мы не позволим

Паркинсону выйти на связь, то сразу же этого преимущества лишимся. Так что давайте сходим к нему.

Когда они разбудили Паркинсона и сообщили ему про звонок, Кингсли сказал:

— Смотрите, Паркинсон, я скажу вам начистоту. С нашей стороны игра шла по правилам. Перед тем как приехать сюда, мы поставили много условий, это так, и настаивали на том, чтобы все условия соблюдались. Но взамен мы честно предоставляли вашим коллегам самую лучшую информацию, которую только могли получить. Опять же, верно, что мы не всегда оказывались правы, но теперь причины наших ошибок очевидны. Американцы создали похожую организацию, но ею руководили политики, а не ученые, поэтому информации от нее поступало меньше, чем от Нортонстоу. Вам хорошо известно, что, если бы не сведения, которые мы обнародовали, число жертв за последние месяцы могло быть намного больше.

— Кингсли, к чему вы клоните?

— Я просто показываю вам, что мы играли по-честному, пускай иногда и складывалось противоположное впечатление. Мы были честными до такой степени, что даже раскрыли подлинную

сущность Облака и передали политикам все сведения, которые получили от него. Но я твердо уверен, что мы теряем драгоценное время, которое могли бы потратить на общение с Облаком. Мы не можем рассчитывать, что Облако будет до бесконечности с нами разговаривать, у него есть дела поважнее. Поэтому я решительно не собираюсь тратить то время, которое у нас еще есть в распоряжении, на болтовню с политиками. Нам еще слишком многое предстоит выяснить. Кроме того, если политики начнут заниматься всякой женевской ерундой и спорить по поводу повестки дня, слишком велика вероятность, что Облаку это быстро надоест, и оно оборвет с нами всякую связь. Вряд ли у него возникнет желание тратить свое время на разговоры с болтливыми идиотами.

— Я никогда не устану повторять, что мне очень лестно слышать ваше мнение о нас. Но я все равно не понимаю, к чему все это?

— Вот к чему. Вам звонят из Лондона, и мы будем с вами, когда вы ответите на этот звонок. И если вы хотя бы одним словом выразите свое сомнение по поводу моего предложение о союзе между нами и Облаком, я стукну вас по голове гаечным ключом. Пойдемте, разберемся с этим

поскорее.

Оказалось, что Кингсли неверно оценил ситуацию. Премьер-министр всего лишь хотел узнать у Паркинсона, оставалась ли у него хотя бы капля сомнения, что Облако при желании может уничтожить целый континент. У Паркинсона не возникло затруднений с ответом. Он без промедления и совершенно искренне заявил, что имеет все основания верить в такую вероятность. Премьера-министра такой ответ удовлетворил, и после еще нескольких незначительных ремарок он завершил разговор.

— Очень странно, — сказал Лестер Кингсли после того, как Паркинсон ушел спать.

— Слишком много Клаузевица[5], — продолжал он. — Их интересует только военная составляющая.

— Да, похоже, им никогда не приходило в голову, что можно обладать сокрушительным оружием, но при этом не желать использовать его.

— Особенно в подобном случае.

— Что вы хотите этим сказать, Гарри?

— Разве это не аксиома, что нечеловеческий

---

[5] Примечания: 5

Карл фон Клаузевиц (1780–1831) — военачальник и знаменитый военный теоретик.

разум непременно должен быть злым?

— Думаю, что да. А ведь правда, если задуматься, что в девяносто девяти процентов историй про инопланетный разум он непременно оказывается ужасным злодеем. Мне всегда казалось, это связано с тем, что придумать убедительного злодея очень сложно, но, возможно, причины кроются намного глубже.

— Что ж, люди всегда боятся непонятного, а я сомневаюсь, что эти ребята из мира политики осознают смысл происходящего. Вы думаете, они способны понять, что у нас со стариной Джо установились довольно дружеские отношения?

— Возможно, они считают это доказательством того, что мы вступили в сделку с дьяволом.

После угроз Кингсли и подтверждений из Лондона о том, что Облако обладало потенциальной разрушительной силой, правительство США предприняло первый шаг. Он заключался в том, что американцы немедленно занялись созданием сантиметрового передатчика и приемника — примерно таких же, как в Нортонстоу (это стало возможно благодаря информации, полученной ранее из Нортонстоу). Американцы располагали такой великолепной технической базой, что работа была завершена в очень ко-

роткие сроки. Но результат всех разочаровал. Облако не отвечало на американские передачи, кроме того, не удалось перехватить ни одного сообщения, адресованного Облаком в Нортонстоу. У этой неудачи оказалось две причины. Перехватить сообщения не удалось из-за серьезной технической трудности. Как только Облако вступило в диалог с учеными из Нортонстоу, отпала необходимость в быстрой передаче информации, как это происходило в тот период, когда Облако узнавало о научных познаниях и культурной жизни людей. Это позволило значительно сократить диапазон передачи, что вполне устраивало Облако, так как уменьшало количество помех при получении сообщений от других обитателей галактики. Диапазон стал совсем узким, вместе с ним уменьшился и объем потребляемой энергии, поэтому американцам никак не удавалось обнаружить точную длину волны, чтобы осуществить перехват. Причина, по которой Облако не отвечало на передачи американцев, оказалась проще. Облако отвечало только на те сообщения, в начале которых передавался правильно закодированный сигнал, а у правительства США такого кода не было.

Из-за невозможности установить связь при-

шлось реализовывать другие планы. И суть этих планов вызвала настоящее потрясение в Нортонстоу. Однажды днем Паркинсон ворвался в кабинет Кингсли и сообщил о случившемся.

— Почему на свете столько дураков?! — воскликнул он нечеловеческим голосом.

— Надо же, неужели вы наконец-то прозрели? — прокомментировал Кингсли.

— И вы один из них, Кингсли. Благодаря вашему дурацкому поступку, а также тем недоумкам из Вашингтона и Москвы мы попали в серьезный переплет!

— Паркинсон, выпейте лучше чашечку кофе и успокойтесь.

— К черту вашу чашечку кофе! Вы меня послушайте! Давайте вернемся в 1958 год, когда никто еще ничего не знал про Облако. Вы, разумеется, помните гонку вооружений, когда США и Советы яростно сражались за возможность первыми изобрести межконтинентальную ракету с водородной боеголовкой? Как ученый, вы понимаете, что направить ракету в цель, находящуюся от нее на расстояние в шесть или семь тысяч миль, это почти то же самое, что запустить ракету с Земли в космос.

— Паркинсон, вы хотите сказать…

— Я хочу сказать, что американцы и русские продвинулись в решении этой проблемы намного дальше, чем британское правительство могло себе это представить. Мы узнали об этом около двух дней назад. Оказывается, США и СССР объявили о том, что выпустили ракеты прямо по Облаку.

— Ужасные дураки. Когда это произошло?

— На прошлой неделе. Очевидно, они устроили тайное соревнование, о котором мы ничего не знали. США пытались обставить Советы и наоборот. Они собираются показать друг другу, на что способны, а заодно прикончить Облако.

— Нужно позвать Марлоу, Лестера и Александрова. Возможно, нам еще удастся спасти положение.

Макнил как раз в это время беседовал с Марлоу, поэтому тоже пришел на встречу. После того как Паркинсон изложил суть дела, Марлоу сказал:

— Все-таки это случилось. Именно этого я боялся, когда не выдержал и сорвался на вас, Крис.

— Вы хотите сказать, что предвидели случившееся?

— Разве что в общих чертах. Я и представить себе не мог, что они так далеко зайдут со своими злосчастными ракетами. Но я нутром чуял, что

должно случиться нечто подобное. Вы закоренелый логик, Крис, и просто не понимаете людей.

— Сколько ракет они уже выпустили? — спросил Лестер.

— Судя по тем данным, которые мы получили, американцы — около ста, русские — возможно, пятьдесят или типа того.

— Я не понимаю, почему это так важно? — заметил Лестер. — Энергия сотни водородных бомб, конечно, много значит для нас, но она просто микроскопическая в сравнении с энергией Облака. Мне кажется, это еще глупее, чем пытаться убить носорога зубочисткой.

Паркинсон покачал головой.

— Насколько я понимаю, они не пытаются взорвать Облако, они хотят отравить его.

— Отравить? Но как?

— Радиоактивными веществами. Вы слышали рассказ Облака о том, что может произойти, если радиоактивные вещества проникнут через его защитный экран. Они тоже слышали об этом от самого Облака.

— Да, думаю, что несколько сотен тонн радиоактивных веществ — это уже другая история.

— Радиоактивные частицы вызовут ионизацию в непригодных для этого местах. Появятся

электрически разряды, ионизация возрастет еще больше, и вся чертова работа пойдет насмарку, — сказал Александров.

Кингсли кивнул.

— И здесь мы возвращаемся к той теме, что мы существуем за счет постоянного тока, а Облако — переменного. Для работы системы переменного тока необходимо высокое напряжение. В наших телах нет высокого напряжения, именно поэтому нам требуется постоянный ток. Но Облаку нужно высокое напряжение, чтобы осуществлять коммуникацию на большие расстояния, используя переменный ток. И если при высоком напряжении несколько электрически заряженных частиц оказываются в ненадлежащем месте, да еще посреди изолирующего вещества, это может привести к чертовски тяжелым последствиям, как сказал бы Алексей. Кстати, Алексей, что вы по поводу всего этого думаете?

Русский высказался еще лаконичнее, чем обычно.

— Мне это не нравится, — сказал он.

— А как же защитный экран Облака? Разве он не предотвратит попадание радиации внутрь? — спросил Марлоу.

— Я думаю, именно в этом и заключается са-

мая отвратительная часть плана, — ответил Кингсли. — Возможно, экран реагирует на газообразные, а не на твердые вещества, поэтому он не остановит ракеты. А радиоактивные продукты появятся только после того, как ракеты взорвутся, и я полагаю, что взорвутся они только после того, как пройдут сквозь экран.

Паркинсон подтвердил это предположение.

— Совершенно верно, — сказал он. — Они нацелены на поражение любого твердого тела достаточно больших размеров. Поэтому полетят прямо в нервный центр Облака. По крайней мере, таков изначальный замысел.

Кингсли встал и принялся ходить по комнате, попутно рассуждая:

— И все равно план безумен. Посудите сами. Во-первых, он может не сработать или сработать только частично: разозлить Облако, но не убить его. Это приведет к ответным мерам. Вся жизнь на Земле может быть уничтожена без малейшего сожаления, как если бы мы прихлопнули муху. Судя по тому, что говорило Облако, жизнь на нашей планете не вызывает у него особого восторга.

— Но оно всегда рассуждало довольно разумно, — перебил его Лестер.

— Да, но сильная головная боль может повлиять на его восприятие. В любом случае я думаю, что беседы с Облаком занимали лишь крошечную часть его мозга. Возможно, оно одновременно выполняет тысячу различных дел. Нет, у нас нет ни малейшей причины надеяться, что оно проявит деликатность после такого. И это — только один из рисков. Не менее серьезный риск связан с убийством Облака, если им удастся это сделать. Прекращение его нервной деятельности спровоцирует мощнейший выброс энергии — то, что называется агонией. С точки зрения землян, в Облаке заключены колоссальные запасы энергии. В случае его гибели вся эта энергия высвободится, и наши шансы на выживание снова окажутся совсем крошечными. Это все равно что оказаться запертыми в конюшне с разбушевавшимся слоном, только несравнимо хуже, как сказали бы ирландцы. И вдобавок последнее — если Облако уничтожат, а нам, вопреки всему, удастся уцелеть, вокруг Солнца будет постоянно находиться газовый диск. А всем известно, что приятного в этом мало. Так что в любом случае я не понимаю логику такого поступка. Паркинсон, вы можете объяснить это с точки зрения психологии?

— Как ни странно, но думаю, что смогу. Не-

сколько минут назад Джефф Марлоу сказал, что вы, Кингсли, всегда рассуждаете логически, но сейчас вам нужна не логика, а понимание человеческой природы. Возьмем ваш последний аргумент. Судя по тому, что мы узнали от Облака, оно собирается задержаться вокруг Солнца на срок от пятидесяти до ста лет. Для большинства людей это примерно то же самое, как если бы оно осталось здесь навсегда.

— Это совсем не одно и то же. За пятьдесят лет в климате Земли произойдут значительные перемены, но не настолько радикальные, как если бы Облако обосновалось здесь навечно.

— Я не сомневаюсь в этом. Лишь хочу сказать, что большинству людей совершенно неважно, что произойдет через пятьдесят или, если хотите, сто лет. Касательно двух упомянутых вами вариантов развития событий, здесь я согласен с вашими утверждениями по поводу серьезной опасности.

— Значит, вы согласны с моими доводами?

— Никоим образом. При каких обстоятельствах вы решитесь пойти на огромный риск? Нет, даже не пытайтесь отвечать. Я скажу сам. Ответ такой — вы решитесь на опасный шаг, только если все альтернативы окажутся еще хуже.

— Но альтернативы не хуже. Был вариант ничего не предпринимать, и это не понесло бы за собой никаких рисков.

— Но тогда появился бы риск, что вы станете мировым диктатором.

— Что за ерунда! Из таких, как я, никогда не получится диктатор. Моя единственная агрессивная черта — это неприязнь к дуракам. Разве я похож на диктатора?

— Похожи, Крис, — ответил Марлоу. — Не для нас, нет, — поспешно добавил он, пока Кингсли окончательно не вышел из себя, — но для Вашингтона вы, возможно, именно такой. Когда кто-то начинает с ними разговаривать как с умственно отсталыми школьниками и когда складывается впечатление, что этот человек обладает неописуемым могуществом, нельзя винить их в том, что они приходят к подобным заключениям.

— И есть еще одна причина, по которой они никогда не пришли бы к какому-нибудь другому выводу, — добавил Паркинсон. — Позвольте рассказать вам историю моей жизни. Я учился в хороших частных школах: в начальной и в средней. В таких школах самых способных учеников обычно поощряли в изучении клас-

сики, и, хотя, возможно, мне и не стоит так говорить, это был как раз мой случай. Я выиграл стипендию в Оксфорде, неплохо там отучился и к двадцати одному году обнаружил, что моя голова забита совершенно бесполезными знаниями. Во всяком случае, пользу они могли принести только очень умному человеку, а я умом не отличался. Поэтому я поступил на административную службу и в конце концов получил мою нынешнюю должность. Мораль моей истории в том, что политикой я занялся по чистой случайности, а не потому, что планировал сделать это. Это происходит и с другими, осмелюсь утверждать, что мой случай не уникален. Но мы, случайные люди, находимся в меньшинстве и обычно не занимаем влиятельных постов. Большинство приходят в политику, потому что жаждут этого, им нравится быть в центре внимания, привлекает возможность управлять массами.

— Паркинсон, да это настоящее признание!

— Теперь вы понимаете, что я имею в виду?

— Я начинаю смутно догадываться. Вы хотите сказать, склад ума у ведущих политиков таков, что они и представить себе не могут, как кому-то может не понравиться перспектива стать диктатором.

— Да, Крис, я себе это живо представляю. — улыбнулся Лестер. — Труд до изнеможения, казнь за один только смех, все жены и дочери живут в постоянном страхе. Я даже рад, что участвую в этом!

— Участвуете в этом? — с некоторым удивлением спросил русский. — Не терпится пойти и заткнуть всем глотки?

— Да, Алексей, но не сейчас, конечно, а попозже.

— Теперь кое-что начинает проясняться, Паркинсон. — Кингсли продолжил ходить по комнате. — Но я до сих пор не могу понять, почему перспектива того, что мы станем мировыми диктаторами, какой бы нелепой эта идея ни казалась, — худшая из альтернатив? Даже ужаснее тех мер, которые уже были предприняты.

— Для Кремля потеря власти — это самое страшное, — сказал Алексей.

— Алексей, как всегда, зрит в корень, — ответил Паркинсон. — Полная потеря власти — самая жуткая перспектива для любого политика. Она затмевает все остальное.

— Паркинсон, вы меня поражаете. Я серьезно. Клянусь небом, я всегда был невысокого мнения о политиках, но в моем понимании даже самый

подлый человек никогда не будет ставить свои амбиции выше судьбы всего человечества.

— О, мой дорогой Кингсли, все-таки вы совершенно не понимаете людей. Вы помните библейскую мудрость: «Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая»? Вам известно, что она означает? То, что свои идеи лучше держать в маленьких водонепроницаемых отсеках, не позволяя им взаимодействовать или противоречить друг другу. Это означает, что вы можете ходить в церковь один раз в неделю и грешить остальные шесть. Не думайте, что кто-то видит в этих ракетах потенциальную угрозу для всего человечества. Наоборот. Это отважный отпор захватчику, который уже уничтожил целые поселения, из-за чего даже самые сильные страны оказались на пороге катастрофы. Это дерзкий и решительный ответ демократических сил угрозе потенциальной тирании. Нет, я не шучу. Я говорю абсолютно серьезно. И не забывайте слова Гарри Лестера о том, что «все жены и дочери живут в постоянном страхе». В этом тоже что-то есть.

— Но это же какой-то абсурд.

— Для нас, да. Но не для них. Мы со своих позиций слишком легко трактуем высказывания

других людей.

— Честно говоря, Паркинсон, мне кажется, что вся эта история лишила вас здравого смысла. Не может быть все настолько плохо, как вы говорите. И тому есть одно доказательство. Откуда вы узнали про эти ракеты? Кажется, вы говорили, что из Лондона?

— Да, из Лондона.

— Значит, у них все-таки осталась еще капля порядочности.

— Мне жаль разочаровывать вас, Кингсли. Я не могу полностью доказать мою правоту, это так, но полагаю, что мы никогда не получили бы этой информации, если бы у британского правительства возникла возможность присоединиться к США и Советам. Видите ли, у нас нет ракет, которые мы могли бы запустить в Облако. Понимаете, если бы вы захватили власть над миром, эта страна пострадала бы меньше остальных. Что бы мы там о себе ни думали, но Британия неуклонно и стремительно теряет статус мировой державы. Возможно, британское правительство оказалось бы только в выигрыше, если бы США, Советы, Китай, Германия и другие страны стали бы подчинятся приказам группы людей, которые находятся в Британии. Возмож-

но, они надеются, что это позволит им ярче сиять отраженным светом вашей или, если хотите, нашей славы, как они сияли в последнее время. Возможно, они считают, что, когда речь зайдет об административных вопросах, им удастся обвести вас вокруг пальца и взять все под свой контроль.

— Как бы странно это ни звучало, Паркинсон, но было время, когда я думал о себе как о законченном цинике.

Паркинсон усмехнулся.

— Видите ли, Кингсли, мой дорогой друг, я один раз в жизни позволил себе говорить с вами совершенно откровенно, хотя на самом деле мне давно уже стоило так поступать. Циник из вас никудышный, до настоящего цинизма вам далеко. В глубине души, и поверьте, я говорю совершенно серьезно, вы просто мечтатель-идеалист.

В разговор вмешался Марлоу:

— Когда вы закончите заниматься самокопанием, мне кажется, нам всем стоит подумать о том, что делать дальше.

— Прямо как в пьесе Чехова, будь он не ладен, — проворчал Александров.

— Зато интересно и весьма проницательно, — сказал Макнил.

— О, Джефф, насчет того, что нам делать даль-

ше, ничего сложного нет. Мы должны связаться с Облаком и обо всем ему рассказать. В любом случае это единственное, что в наших силах.

— Крис, вас это вполне устраивает?

— Конечно, какие могут быть сомнения? Прежде всего я руководствуюсь довольно эгоистичными мотивами. Возможно, нам удастся избежать гибели, так как Облако будет предупреждено и не впадет в слепую ярость. Но, несмотря на сказанное Паркинсоном, я все равно считаю, что поступил бы точно так же, даже если бы этого мотива и не существовало. Пускай это слово покажется странным и не совсем точно передает смысл того, что я на самом деле думаю, но я считаю, что поступаю *по-человечески.* Однако, если подходить к делу с практической стороны, то мне кажется, что мы должны принять это решение по всеобщему согласию или, по крайней мере, при поддержке большинства. Мы можем еще долго обсуждать этот вопрос, но, полагаю, вы уже успели все обдумать за последний час. Предлагаю сразу провести голосование. Лестер?

— Я — за.

— Александров?

— Предупредим этого паршивца. Теперь нам точно крышка!

— Марлоу?
— Согласен.
— Макнил?
— Да.
— Паркинсон?
— Согласен.
— Чисто из любопытства, Паркинсон, пускай я опять начинаю говорить как персонаж из чеховской пьесы, но все же скажите, почему вы согласились? С первого дня нашего знакомства и до сегодняшнего утра я считал, что мы с вами находимся по разные стороны баррикад.
— Так и было, потому что мне приходилось выполнять свою работу, и я старался оставаться лояльным своему руководству. Но сегодня я вдруг понял, что должен освободиться от своих прежних обязательств, чтобы исполнить другие, более важные и значительные. Возможно, я начинаю превращаться в такого же мечтателя-идеалиста, но я согласен со всем, что вы сказали, подразумевая наш долг перед людьми. И я согласен, что мы должны поступить по-человечески.
— Значит, мы договорились, что свяжемся с Облаком и оповестим его о существовании этих ракет?
— Вам не кажется, что стоит посоветоваться

с остальными? — спросил Марлоу.

Кингсли ответил:

— Джефф, возможно, мой ответ прозвучит по-диктаторски, и все же нет, я против дальнейшего расширения дискуссии. Для начала я предупреждаю, что, если мы посоветуемся со всеми и это приведет к принятию прямо противоположного решения, я с ними не соглашусь, пускай после этого вы и сочтете меня диктатором. Но есть еще один момент, который упомянул Алексей, о том, что нам теперь точно крышка. До сих пор мы с пренебрежением относились ко всем общепризнанным авторитетам. Но мы делали это с юмором. Любая попытка подать на нас в суд, без сомнения, вызвала бы только смех. Однако сейчас все будет иначе. Если мы передадим Облаку, что называется, военную информацию, то возьмем на себя очень серьезную ответственность. И я не хочу, чтобы эта ответственность легла на плечи слишком многих. Например, я точно не хочу, чтобы в этом оказалась замешана Энн.

— Паркинсон, что вы думаете? — спросил Марлоу.

— Я согласен с Кингсли. Не забывайте, что, по сути дела, мы не обладаем никакой властью. Ничто не помешает полиции ворваться сюда

и арестовать нас. Разумеется, не исключено, что Облако захочет нас поддержать, особенно после этого эпизода. Но опять же, возможно, что оно просто оборвет связь с Землей и ничего не предпримет. Мы рискуем остаться с одними только нашими голословными утверждениями. Пока нам очень хорошо удавалось блефовать, так что даже не удивительно, что политики проглатывали нашу наживку. Но мы не можем блефовать всю жизнь. Более того, даже если нам удастся заполучить Облако в союзники, наша позиция все равно остается очень уязвимой. Заявления в духе «Я могу стереть целый американский континент» звучат грозно, но вы прекрасно знаете, что никогда этого не совершите. Так что в любом случае блеф остается нашим единственным оружием.

Эти слова сильно охладили настрой всех присутствующих.

— Совершенно очевидно, что мы должны предупредить Облако в обстановке строгой секретности. Никто, за исключением находящихся в этой комнате, не должен знать о происходящем, — заметил Лестер.

— Это не так-то просто сделать.

— Что вы имеете в виду?

— Вы забыли, что информацию я получил из Лондона. В Лондоне не сомневаются, что мы известим Облако. Пока они верят нашему блефу, все хорошо, но если что-то пойдет не так…

— Раз они считают это само собой разумеющимся, тогда давайте так и сделаем. Если мы точно знаем, что нас накажут, преступление совершить стоит, — заметил Макнил.

— Да, давайте не будем больше тянуть время. Мы и так слишком много болтали! — сказал Кингсли. — Гарри, подготовьте запись с объяснением всего происходящего. А потом передавайте ее без перерыва. И не переживайте, что кто-то, кроме Облака, может перехватить сообщение.

— Знаете, Крис, будет лучше, если сообщение запишете вы. Говорите вы намного лучше меня.

— Ну ладно. Начнем.

После пятнадцати часов передачи информации, поступил ответ от Облака. Лестер отыскал Кингсли.

— Оно хочет знать, как мы такое допустили. Оно недовольно.

Кингсли вошел в пункт связи, взял микрофон и надиктовал следующий ответ:

«Нападение не имеет к нам никакого отношения. Я думал, вы поняли это из моего предыду-

щего объяснения. Вам известны основные факты об организации человеческого общества, о том, что оно разделено на ряд самоуправляемых сообществ, которые не контролируют деятельность друг друга. Поэтому нельзя гарантировать, что ваше прибытие в Солнечную систему все эти группы воспримут точно так же, как и мы. Возможно, вам будет интересно узнать, что, посылая вам это предупреждение, мы серьезно рискуем нашей безопасностью или даже жизнями».

— Господи Иисусе! Мало вам было проблем, решили еще усугубить ситуацию, Крис? Такими разговорами вам не удастся задобрить его.

— Почему нет? Если учесть, что впереди нас, возможно, ждет жестокая расправа, мы можем позволить себе говорить все, что считаем нужным.

Вошли Марлоу и Паркинсон.

— Вам будет приятно узнать, что Крис сейчас только что отбрил Облако? — объявил Лестер.

— Бог мой, он что, решил, как легендарный Аякс, покончить с собой?

Паркинсон смерил Марлоу долгим взглядом.

— А знаете, у древних греков попадались довольно интересные идеи. К примеру, они считали, что Зевс путешествует на черной туче

и мечет молнии. И мы сейчас переживаем нечто подобное.

— И правда, странно. Главное, чтобы это все не закончилось для нас греческой трагедией.

Однако трагедия была намного ближе, чем все думали.

Кингсли пришел следующий ответ:

«Сообщение и аргументы получены. Судя по всему вами сказанному, становится ясно, что ракеты выпустили не из того места на Земле, где находитесь вы. Если в течение ближайших минут я не услышу от вас возражения, то буду действовать в соответствии с принятым решением. Вам, возможно, будет интересно услышать, что я собираюсь развернуть ракеты обратно к Земле. Во всех случаях они полетят в обратном направлении, и с точно такой же скоростью. Так будет сделано с каждой ракетой, когда она пролетит определенное количество дней. После в их движение будут добавлены легкие возмущения».

Когда Облако закончило свою речь, Кингсли не удержался и тихо присвистнул.

— Бог мой, ну и решение, — прошептал Марлоу.

— Извините, я не понимаю, — признался Паркинсон.

— Если ракеты перенаправят в обратную сторону, это означает, что они будут двигаться по своей же траектории относительно Земли.

— Вы имеете в виду, что они попадут в Землю?!

— Разумеется. Но это еще не все. Если их всех развернут после определенного количества дней, значит, для возвращения на Землю им потребуется столько же дней, и в результате они попадут в то же самое место, откуда были выпущены.

— Откуда такая точность?

— Потому что после определенного количества дней Земля будет находиться в той же самой фазе своего вращения.

— А что означало то замечание про «относительно Земли»?

— То, что при этом учитывается движение Земли вокруг Солнца.

— И Солнца вокруг центра Галактики, — добавил Марлоу.

— Значит, те, кто выпустили ракеты, получат их обратно? Бог мой, какое соломоново решение!

Кингсли выслушал весь этот разговор, а затем сказал:

— Вот вам, Паркинсон, последняя, маленькая, но пикантная деталь. Упоминание Облака

по поводу легких возмущений означает, что мы не можем точно сказать, куда они попадут. Нам лишь известно примерное место в радиусе ста, возможно, тысячи миль. Так что извините, Джефф.

Марлоу постарел прямо на глазах у Кингсли.

— Все могло быть намного хуже, мы можем утешиться этим. Слава богу, что Америка — большая страна.

— Что ж, похоже, с секретностью нам придется распрощаться, — заметил Кингсли. — Я никогда особенно не верил в нее, и теперь это обернулось против меня. Вот вам и еще одно соломоново решение.

— Почему вы считаете, что с секретностью придется распрощаться?

— Потому, Гарри, что мы должны предупредить Вашингтон. Если на Штаты должна упасть сотня водородных бомб, то, как минимум, за следующие пару дней они успеют распределить людей по большим городам.

— Но если мы так поступим, то весь мир ополчится на нас!

— Знаю. И все равно мы должны рискнуть. Что думаете, Паркинсон?

— Я считаю, что вы правы. Мы должны их

предупредить. Но любая ошибка может дорого обойтись нам всем. Нам придется продолжать наш блеф, иначе…

— Не будем переживать из-за неприятностей, которые еще не случились. Сначала нужно связаться с Вашингтоном. Думаю, мы можем рассчитывать, что они передадут информацию русским.

Кингсли включил десятисантиметровый передатчик. Марлоу с решительным видом подошел к нему.

— Крис, задача не из легких. Если не возражаете, я займусь ею сам. И я предпочел бы сделать это в одиночестве. Возможно, это будет немного унизительно.

— Да, Джефф, вам, наверное, придется нелегко. Но раз вы так хотите, действуйте. Мы оставим вас одного, но помните, если что, мы рядом.

Кингсли, Паркинсон и Лестер покинули Марлоу, чтобы тот мог передать сообщение, и это сообщение, по сути, являлось признанием государственной измены. По крайней мере, любой земной суд интерпретировал бы его именно в таком ключе.

Когда три четверти часа спустя Марлоу вышел к остальным он был бледен и взбудоражен и смог

проговорить лишь:

— Их это точно не обрадовало.

Американское и советское правительства обрадовались еще меньше, когда два дня спустя водородная бомба стерла с лица земли городок Эль-Пасо, еще одна приземлилась на юго-востоке Чикаго и одна — на окраине Киева. И хотя американское правительство приняло меры для эвакуации жителей густонаселенных районов, этого оказалось недостаточно, и около четверти миллиона человек погибло. Советское правительство не предприняло попыток предупредить свое население, и поэтому в одном городе людей погибло больше, чем в двух американских городах.

Гибель людей в результате стихийных бедствий — это трагедия, большая трагедия, но она редко вызывает вспышки гнева. Совсем иначе обстоит дело, если причиной смерти становится осознанная человеческая деятельность. Причем слово «осознанная» здесь очень важно. Одно намеренное убийство может всколыхнуть общественность сильнее десяти тысяч погибших в автокатастрофах. Поэтому можно понять, почему многочисленные жертвы водородных бомб произвели на мировые правительства намного более сильное впечатление, чем еще более гу-

бительные катаклизмы, случившиеся в период страшной жары и последовавшего за ней жуткого холода. Эти стихийные бедствия рассматривались как «Божьи деяния». Но в глазах людей, в особенности правительства США, смерти от водородных бомб были убийствами, массовыми убийствами, совершенными маленькой кучкой отчаянных людей, которые ради удовлетворения своих неуемных честолюбивых амбиций заключили союз с чудовищем в небе, людей, которые своими действиями предали весь человеческий род. С того момента судьба обитателей Нортонстоу повисла на волоске.

Известие об отлете

Несмотря на то, что после эпизода с водородными бомбами у Кингсли и его друзей появилось много жестких и непримиримых врагов, как это ни парадоксально, но на короткое время положение ученых значительно укрепилось. Разворот ракет послужил жутким доказательством могущества Облака. Теперь за пределами Нортонстоу уже никто не сомневался, что Облако может причинить кошмарные разрушения, если группа ученых попросит его об этом. В Вашингтоне подчеркивали, что вначале они сомневались по поводу намерений Облака, но теперь от их сомнений, что оно захочет встать на сторону Кингсли, не осталось и следа, по крайней мере, если Облаку был знаком принцип «ты мне, я — тебе». Рассматривалась возможность уничтожить Нортонстоу с помощью межконтинентальной ракеты. Британское правительство высказало некое подобие серьезных возражений, но их не приняли в расчет, так как позиция правительства Великобритании во всей этой истории вызывала серьезные подозрения. Тем не менее вскоре

от этого плана пришлось отказаться. В правительстве решили, что точность попадания ракет была недостаточной, а неудачная бомбардировка могла привести к быстрой и непредсказуемой ответной реакции.

Возможно, не менее парадоксальным оказалось то, что все эти события, только подкрепившие блеф ученых, вовсе не способствовали поднятию морального духа людей, проживавших в Нортонстоу. По крайней мере, тех, кто был в курсе происходящего. Среди них оказался и Уайчарт. Он только недавно пошел на поправку после тяжелого гриппа, из-за которого в самый критический момент не смог встать с постели. Однако совсем скоро его пытливый ум осознал случившееся. Однажды он вступил с Александровым в спор, и все остальные сочли это забавным. Теперь такое случалось довольно редко. Прежние, относительно беззаботные дни навсегда остались в прошлом.

— Мне кажется, что эти возмущения в движении ракет были вызваны намеренно, — начал Уайчарт.

— Дэйв, с чего вы взяли? — спросил Марлоу.

— Понимаете, вероятность того, что около сотни ракет, двигающихся в произвольном на-

правлении, поразят три города, очень мала. Из этого я делаю вывод, что возмущения были вызваны не просто так. Я думаю, они позволили направить ракеты точно в цель.

— Здесь есть одна нестыковка, — возразил Макнил. — Если ракеты намеренно направлялись в цель, то почему только три из них ее достигли?

— Возможно, направлялись только три или же расчет оказался не очень точным. Я не знаю.

В эту минуту раздался саркастичный смех Александрова.

— Чертовский аргумент, — заявил он.

— Что вы называете этим вашим «чертовским аргументом»?

— Вот такие вот чертовские аргументы вроде этого. Гольфист бьет по мячу. Мяч попадает в траву. Вероятность, что мяч попадает в определенный пучок травы, очень мала, просто очень-очень. Есть миллион других пучков травы на поле, куда он может закатиться. Повторю, вероятность очень, очень, очень мала. Значит, дело не в том, что гольфист ударил по мячу, а в том, что мяч намеренно упал в это место. Правда же, чертовский аргумент? Как раз такой, как высказал Уайчарт.

Это была самая длинная речь, которую они

услышали от Александрова за все время.

Уайчарт на сдавался. Когда смех стих, он вернулся к теме.

— Мне кажется, это совершенно ясно. Если ракеты были направлены, то шансы, что они попадут в цели, возрастали. И поскольку в цели они все-таки попали, совершенно ясно, что, скорее всего, их направляли.

Александров многозначительно взмахнул рукой.

— Правда ведь, черт побери?

— Мне кажется, Алексей хотел сказать, — объяснил Кингсли, — что наши предположения о существовании определенных целей необоснованны. Как в случае с гольфистом, когда мы предполагаем, что он выбрал определенный участок — пучок травы — в качестве цели, в то время как очевидно, что гольфист не думал об этом, совершая свой удар.

Русский кивнул.

— Нужно определить чертову цель до удара, а не после него. Рубашку надевают перед тем, как пойти на вечер, а не по возвращении.

— Потому что в науке важны только предположения?

— Да, черт побери. Уайчарт предполагает, что

ракеты были направлены. Хорошо, давайте спросим у Облака. Только так мы все поймем. Спор не поможет ничего решить.

Это предложение привлекло их внимание к весьма прискорбным обстоятельствам. После истории с ракетами связь с Облаком оборвалась. Никто не мог найти в себе достаточно уверенности, чтобы попытаться установить с ним новый контакт.

— Не думаю, что Облаку такой вопрос понравится. У меня сложилось впечатление, что оно здорово рассердилось, — заметил Марлоу.

Однако Марлоу ошибался, и через пару-тройку дней они это выяснили, когда получили от Облака неожиданное сообщение, в котором оно заявляло, что примерно через десять дней покинет Солнце.

— Это невероятно! — сказал Лестер Паркинсону и Кингсли. — Прежде Облако, кажется, было уверено, что задержится здесь не меньше чем на пятьдесят лет, а возможно, и больше чем на сто.

Паркинсона известие сильно встревожило.

— Должен сказать, что для нас это не сулит ничего хорошего. Как только Облако улетит, нам конец. Ни один суд в мире не встанет на нашу сторону. Сколько, по-вашему, времени мы смо-

жем поддерживать связь с Облаком?

— Принимая во внимание мощность наших передатчиков, то около двадцати лет или дольше, даже если бы Облако начало довольно сильно ускоряться. Но, судя по последнему сообщению Облака, нам вообще не удастся быть с ним на связи, пока оно набирает скорость. Похоже, что в его внешних слоях движение электрического тока будет довольно хаотичным. Это приведет к возникновению большого количества электрических помех. Поэтому нам не удастся получить ни одного сообщения, пока процесс ускорения не завершится, а произойдет это лишь через несколько лет.

— Боже, Лестер, вы хотите сказать, что у нас осталось всего десять дней, а потом мы ничего не сможем предпринять в течение многих лет?

— Совершенно верно.

— Нам конец. Что будем делать? — простонал Паркинсон.

Кингсли наконец принял участие в обсуждении:

— Возможно, что ничего. Но, по крайней мере, мы можем выяснить, почему Облако улетает. Судя по всему, оно резко изменило решение, и на это должны быть серьезные причины. Давайте

попробуем узнать какие. Посмотрим, что оно скажет.

— Возможно, оно вообще не станет нам отвечать, — мрачно заметил Лестер.

Но они все-таки получили ответ:

«Мне сложно ответить на ваш вопрос, так как, судя по всему, он затрагивает сферы личного опыта, о которых ни я, ни вы не имеем ни малейшего представления. В наших прошлых беседах мы не обсуждали с вами природу религиозных верований людей. Я нахожу их в высшей степени нелогичными, и, насколько понимаю, вы тоже, так что нет смысла развивать эту тему. По большому счету традиционная религия в том виде, в котором воспринимают ее многие люди, совершенно нелогична в своих попытках постичь сущности, находящиеся за пределами Вселенной. Поскольку Вселенная включает в себя все, ничто не может находиться за ее пределами. Идея о «боге», который создал Вселенную, — механический абсурд, он, вероятно, берет свое начало из создания людьми разных механизмов. Думаю, вы со мной согласитесь.

Но все равно при этом остается много загадок. Возможно, вы задавались вопросом, существуют ли во Вселенной другие создания, наделенные

еще более развитым интеллектом? Теперь вы знаете, что существуют. Точно так же и я размышляю о возможности существования интеллекта, намного выше моего. Насколько мне известно, такого нет ни в этой, ни в других галактиках. И все же я чувствую, что подобный разум играет важнейшую роль в нашем существовании. Иначе кто решает, как должна вести себя материя? Кто формулирует ваши законы физики? И почему именно эти законы, а не какие-либо еще?

Эти проблемы невероятно сложны, настолько сложны, что я не могу их решить. Однако ясно, что подобный разум, если он существует в действительности, невозможно ограничить: ни пространством, ни временем.

И хотя я говорю о невероятной сложности этих проблем, решить их все-таки можно. Примерно два миллиарда лет назад один из нас заявил, что нашел решение.

Сообщение об этом разлетелось по Вселенной. Но связь оборвалась прежде, чем решение было озвучено. Все попытки снова наладить контакт не увенчались успехом. Так же не удалось обнаружить никаких следов создания, его отправившего.

Похожие события повторились снова пример-

но четыреста миллионов лет назад. Я помню их хорошо, так как они произошли вскоре после моего рождения. Я помню это восторженное сообщение, в котором говорилось, что решение самых сложных проблем найдено. Помню, как сказали бы вы, «томительное ожидание» в предвкушении разгадки. Но снова тот, кто обещал ее дать, исчез без следа.

Нечто похожее повторилось в третий раз. Оказалось, что тот, кто совершил это открытие, находится на расстоянии чуть более двух световых лет от меня. Я его ближайший сосед, поэтому мне нужно немедленно отправиться туда. Вот в чем причина моего отбытия».

Кингсли взял микрофон.

— Что вы надеетесь обнаружить, когда доберетесь туда, где все это произошло? Мы правильно понимаем, что вы располагаете большим запасом питания?

Пришел следующий ответ:

«Спасибо за вашу заботу. У меня действительно есть запас питательных химических продуктов. Он не очень большой, но его должно хватить, если я совершу это путешествие на максимальной скорости. Сначала у меня возникла мысль задержаться на несколько лет, но не думаю, что это

уместно в текущих обстоятельствах. А по поводу того, что я надеюсь обнаружить, скажем так, мне хотелось бы разрешить один старый спор. Бытует мнение, не сказать, чтобы достаточно обоснованное, будто эти единичные случаи связаны с аномалиями, с заболеванием нервной системы, ведущим к самоубийствам. У нас известен такой способ самоубийства, как обширный ядерный взрыв, в результате которого происходит полное расщепление всего индивидуума. Если произошло именно это, то становится понятно, почему не удалось обнаружить никаких следов исчезнувших.

В данный момент у меня появилась возможность окончательно проверить эту гипотезу, так как инцидент, чем бы он на самом деле ни был, произошел близко и я смогу добраться до места за каких-нибудь двести или триста лет. Срок такой короткий, что оставшиеся после взрыва продукты, если взрыв в самом деле имел место, еще не успеют окончательно рассеяться».

Выслушав сообщение до конца, Кингсли окинул помещение взглядом.

— Итак, друзья, возможно, это наш последний шанс задать вопросы. Хорошо бы составить их список. Есть предложения?

— Например, что могло случиться с теми типами, если они не совершали самоубийство? Давайте спросим, есть ли у него какие-нибудь соображения, — предложил Лестер.

— А еще стоит узнать, не могло бы Облако покинуть Солнечную систему так, чтобы не причинить вреда Земле, — заметил Паркинсон.

Марлоу кивнул.

— Верно. Есть три возможные проблемы:

1. В нас может угодить один из тех газовых снарядов, когда Облако начнет ускоряться.

2. Наша атмосфера может смешаться с Облаком и улететь вместе с ним в космос.

3. Нас может опалить слишком сильным жаром либо от слишком мощно отраженного от Облака солнечного света, как было во время Великой жары, либо из-за энергии, которая высвободится во время ускорения.

— Хорошо. Занесем эти вопросы в список.

Ответ Облака на вопросы Марлоу оказался намного более обнадеживающим, чем они ожидали.

«Все эти моменты я держу в своей голове, — сказало оно. — Я собираюсь создать экран, способный защитить Землю на ранних этапах ускорения, которое окажется намного более рез-

ким, чем процесс замедления, происходивший во время моего прибытия сюда. Без экрана вас опалит такой жар, что это, несомненно, приведет к гибели всего живого на Земле. Однако экран будет вынужден двигаться вокруг Солнца, и, возможно, на пару недель затмит его; но я думаю, это не причинит вам серьезного вреда. На поздних этапах моего отлета произойдет отражение солнечного света, однако жара, вероятно, окажется не такой сильной, как во время моего появления.

Мне сложно дать ответ на другой ваш вопрос, так как при вашем текущем состоянии науки вы просто не сможете его понять. Если выражаться совсем уж грубо, то, судя по всему, существуют естественные ограничения физического свойства в отношении типов информации, которой могут обмениваться разумные существа. Есть подозрение о наличии абсолютного барьера, предотвращающего обмен сведениями, касающимися наиболее сложных проблем. По всей видимости, любое разумное существо, когда оно пытается передать подобные данные, поглощается космическим пространством, то есть пространство смыкается вокруг него так, что оно не может установить контакт с другими

особями, находящимися на одной с ним ступени развития».

— Крис, вы что-нибудь понимаете? — спросил Лестер.

— Нет, не понимаю. Но хотел бы задать еще один вопрос.

И Кингсли задал его:

— Вы обратили внимание, что мы не предприняли никаких попыток узнать информацию, касающуюся физических теорий и фактов, не известных нам. Это связано вовсе не с отсутствием у нас интереса, а с тем, что мы чувствовали, что такие возможности еще представятся нам позднее. Однако теперь стало ясно, что ничего подобного нам уже не светит. У вас есть предложение, как нам лучше потратить то недолгое время, оставшееся в нашем распоряжении?

Ответ был следующим:

«Этот вопрос тоже не ускользнул от моего внимания. Здесь возникает серьезная трудность. Наша беседа ведется на вашем языке. Поэтому мы ограничены идеями, которые можно понять и передать посредством этого языка, следовательно, мы ограничены теми понятиями, которые вам уже известны. Никакая быстрая передача принципиально новых знаний невозможна,

если только вы не выучите в некоторой степени мой язык.

В связи с этим возникает два вопроса. Один связан с необходимой практикой, а другой, жизненно важный, — обладает ли человеческий мозг достаточным для этого неврологическим потенциалом. Ответа на последний вопрос я не знаю, но некоторые факты внушают мне определенный оптимизм. Объяснения, которые обычно даются такому явлению у людей, как выдающаяся гениальность, кажутся мне неверными. Гениальность не биологический феномен. Ребенок не является гением от рождения, чтобы стать гением, ему нужно учиться. Биологи, придерживающиеся другой теории, игнорируют факты своей же собственной науки, а именно, что человеческий вид не был избран стать носителем гениальности, а также нет никаких свидетельств передачи этой самой гениальности от родителей детям.

Редкое появление гениев можно объяснить простой вероятностью. Прежде чем стать взрослым, ребенку предстоит многому научиться. Действия вроде умножения можно усваивать по-разному. Это означает, что мозг способен развиваться разными способами, и каждый из них позволит производить умножение чисел, но не

всегда это будет даваться одинаково легко. Тех, чей мозг разовьется более подходящим образом, назовут «способными» к арифметике, тех же, чей способ окажется недостаточно эффективным, назовут «недоразвитыми» или «заторможенными». Теперь давайте выясним, что определяет развитие каждой личности. И ответом будет — случай. Именно случай несет ответственность за ту разницу, которая отличает гения от олуха. Гений — это тот, кому везло на протяжении всего обучения, с олухом все обстоит противоположным образом. Что же касается обычной персоны, то это тот, на чью долю не выпало ни особого везения, ни невезения».

— Боюсь, в данном случае я олух из олухов и не понимаю, о чем оно говорит. Кто-нибудь может объяснить? — спросил Паркинсон во время паузы в сообщении.

— Судя по тому, что процесс обучения может проходить разными способами, причем какие-то из них лучше, какие-то хуже, я полагаю, что все в итоге сводится к случайному стечению обстоятельств, — ответил Кингсли. — Это можно сравнить с футбольным тотализатором. Если мозг развивается наиболее эффективным образом, позволяя осваивать не только один

образовательный процесс, но дюжину или даже больше, то это все равно что выигрывать в ставках на каждый матч.

— Ясно. Теперь понятно, почему гении — такие редкие птицы! — воскликнул Паркинсон.

— Да, они встречаются редко, даже намного реже, чем победители лотерей, выигрывающие крупные сумму. И это объясняет, почему гении не могут передавать свои способности детям. Удача вообще не передается по наследству.

Облако продолжило передачу своего сообщения:

«Из всего этого можно сделать вывод, что человеческий мозг обладает намного более высокой работоспособностью при условии, что обучение будет проводиться наилучшим образом. И вот что предлагаю я. Одному или двоим из вас стоит предпринять попытку обучиться моему способу мышления, и для этого стоит выбрать наиболее эффективный способ. Очевидно, что процесс обучения должен проводиться за пределами вашего языка, поэтому вся коммуникация должна осуществляться совершенно другим способом. Из всех ваших органов чувств лучше всего для получения сложной информации подходят ваши глаза. Правда, вы почти не используете глаза,

когда общаетесь с помощью обычного языка, но именно с помощью глаз ребенок строит свою картину сложного мира вокруг себя. Именно через ваши глаза я намереваюсь открыть для вас новый мир.

Мои требования будут достаточно простыми. Сейчас я вам их опишу».

Далее последовали технические детали, которые Лестер старательно зафиксировал. Когда Облако замолчало, Лестер заметил:

— Ну, это будет не очень сложно. Всего-то понадобятся фильтрующие контуры и много электронно-лучевых трубок.

— Но как мы будем получать информацию? — спросил Марлоу.

— Преимущественно через радиосвязь, а затем дифференцирующие микросхемы будут отфильтровывать разные фрагменты информации и переносить их на отдельные электронно-лучевые трубки.

— Для каждого из фильтров есть свой код.

— Совершенно верно. Поэтому нам удастся перенести на экраны изображение с относительно упорядоченной структурой, хотя и не уверен, получится ли что-нибудь понять.

— Тогда приступим. У нас мало времени, — ска-

зал Кингсли.

За следующие сутки обитатели Нортонстоу неожиданно воспрянули духом. И на следующий вечер перед только что настроенным оборудованием собралась достаточно веселая и воодушевленная компания.

— Пошел снег, — заметил Барнетт.

— У меня такое чувство, что зима нас ждет чертовски холодная, даже если не брать во внимание две недели арктической ночи, — сказал Уайчарт.

— Кто-нибудь знает, что за сказочное представление нас ждет?

— Понятия не имею. Даже не представляю, что мы сможем узнать, глазея в эти экраны.

— И я тоже.

Первое сообщение Облака вызвало некоторое замешательство:

«Мне будет удобнее, если вначале мы ограничимся только одним участником. Возможно, впоследствии я смогу проинструктировать и остальных».

— А я думал, нам всем достанутся самые лучшие места, — послышался чей-то голос.

— Нет, это справедливое замечание, — сказал Лестер. — Если посмотрите внимательно, то увидите, что все электронно-лучевые приборы

расположены напротив вот этого кресла. Мы получили особые указания по поводу его размещения. Понятия не имею, что все это значит, но надеюсь, мы поняли все правильно.

— Что ж, похоже, нам нужен доброволец! — воскликнул Марлоу. — И кто готов занять это кресло первым?

Последовала долгая пауза, едва не переросшая в неловкую тишину. Наконец Уайчарт вышел вперед.

— Если все остальные стесняются, я готов стать первым подопытным кроликом.

Макнил смерил его долгим взглядом.

— Есть один момент, Уайчарт. Вы понимаете, что во всем этом таится определенная опасность? Надеюсь, вы это осознаете?

Уайчарт рассмеялся.

— Не переживайте об этом. Уже не в первый раз мне предстоит несколько часов без перерыва глядеть в эти трубки.

— Тогда ладно. Если хотите попробовать, садитесь в кресло.

— И будьте с этим креслом поосторожнее, Дэйв. Вдруг Гарри специально для вас подключил его к розетке, — улыбнулся Марлоу.

Вскоре после этого на экранах замигали огонь-

ки.

— Джо начал передачу, — объявил Лестер.

Какой-то определенной закономерности в появлении этих огней отследить не получалось.

— Дэйв, что он говорит? Вы получаете сообщение? — спросил Барнет.

— Пока ничего не могу понять, — ответил Уайчарт, забросив ногу на подлокотник кресла. — По-моему, это какая-то мешанина, сущая дичь. Но я все равно пытаюсь разобраться.

Из-за бездеятельности время тянулось долго. Большинство собравшихся в конце концов утратили интерес к мигающим огоньками. Началась праздная болтовня, а Уайчарта оставили нести свою вахту в одиночестве. Наконец Марлоу спросил его:

— Как у вас дела, Дэйв?

Ответа не последовало.

— Эй, Дэйв, что случилось?

Снова никакого ответа.

— Дэйв!

Марлоу и Макнил подошли к креслу Уайчарта с двух сторон.

— Дэйв, почему вы не отвечаете?

Макнил тронул его за плечо, но так и не получил ответа. Они заметили, что его глаза сначала

не отрываясь глядели на первый ряд лучевых трубок, а затем быстро опустились к следующему ряду.

— Джон, что это? — спросил Кингсли.

— Кажется, он находится в состоянии гипноза и способен воспринимать информацию только благодаря зрению, а его глаза направлены исключительно на трубки.

— Как такое могло случиться?

— Введение в гипнотическое состояние визуальными средствами? Это довольно известное явление.

— Вы думаете, что его намеренно ввели в гипноз?

— Очень на то похоже. Сомневаюсь, что это могло произойти иначе. И посмотрите на его глаза. Как они двигаются. Это все неслучайно. Здесь прослеживается явный умысел.

— Я бы не сказал, что Уайчарт — подходящий объект для гипнотизера.

— Я тоже так думаю. Все это выглядит пугающе и так необычно.

— Что вы имеете в виду? — спросил Марлоу.

— Люди-гипнотизеры тоже используют различные визуальные методы, чтобы ввести человек в состояние гипноза, но они никогда не прибега-

ют только лишь к зрительным методам передачи информации. Гипнотизер говорит со своим объектом, передает свои указания словами. А здесь нет никаких слов. Поэтому все выглядит чертовски странно.

— Удивительно, а ведь вы предупреждали Дэйва об опасности. Макнил, вы предвидели, что подобное может случиться?

— Нет, разумеется, я не знал всех подробностей. Но последние исследования в области нейрофизиологии доказали, что если перед глазами будут мигать лампы со скоростью обработки потока информации, осуществляемой мозгом, то это может привести к очень странным результатам. К тому же было очевидно, что Облако сможет выполнить задуманное, только если произойдет нечто совершенно невероятное.

Кингсли подошел к креслу.

— Возможно, нам стоит что-то предпринять? Например, унести его отсюда. Мы с этим справимся.

— Я не советовал бы этого делать, Крис. Вдруг он начнет сопротивляться, и это может быть опасно. Пока лучше оставить его в покое. Он шел на это с открытыми глазами — в прямом и переносном смысле. Разумеется, я послежу за ним.

А все остальные пусть уйдут. Кроме одного, чтобы позвать вас в случае необходимости, например, пусть это будет Стоддард. Если что-нибудь случится, я дам вам знать.

— Хорошо. Будем наготове, если мы вам понадобимся, — согласился Кингсли.

Никто не хотел покидать лабораторию, хотя все понимали, что им следовало послушать совета Макнила.

— Ничего хорошего не выйдет, если загипнотизируют нас всех, — заметил Барнетт. — Я только надеюсь, что со стариной Дэйвом не случится ничего ужасного, — с тревогой добавил он.

— Думаю, стоило бы просто отключить аппаратуру. Но Макнил, похоже, считает, что могут возникнуть проблемы. Например, это вызовет у Дэйва шок, — сказал Лестер.

— Что же там за информацию он сейчас получает? — поинтересовался Марлоу.

— Я надеюсь, мы вскоре это узнаем. Не думаю, что Облако будет продолжать это долго. Раньше его послания были не особенно длинными, — поделился своими наблюдениями Паркинсон.

Однако передача сообщения затянулась. И через несколько часов ученые разошлись по своим комнатам.

Марлоу выразил всеобщее мнение:

— Мы ничем не поможем Дэйву, зато всю ночь проведем без сна. Я постараюсь вздремнуть часок-другой.

Стоддард разбудил Кингсли:

— Доктор хочет вас видеть, мистер Кингсли.

Кингсли обнаружил, что Стоддард и Макнил перенесли Уайчарта в одну из жилых комнат. Очевидно, что передача сообщения на тот момент закончилась.

— Джон, в чем дело? — спросил он.

— Крис, мне все это не нравится. У Дэйва резко повысилась температура. Вам сейчас нет смысла идти к нему. Он без сознания и вряд ли придет в себя, с температурой в сорок градусов.

— Вы можете сказать, что случилось?

— Точно не уверен, ведь мне еще не приходилось ни с чем подобным сталкиваться. Но если бы я не знал, что сейчас происходило, то предположил бы, что у него воспаление мозговой ткани.

— Это очень серьезно?

— Серьезнее некуда. Мы практически ничем не сможем ему помочь, но я все равно подумал, что вам нужно знать об этом.

— Да, конечно. У вас есть предположение, что могло это вызвать?

— Я бы сказал, что слишком интенсивная работа нервной системы, оказывающей непомерную нагрузку на поддерживающие ткани. Но опять же, это всего лишь версия.

Температура продолжила повышаться, и к вечеру Уайчарт умер.

Из профессиональных соображений Макнил хотел провести вскрытие, но пощадил чувства остальных и решил этого не делать. Он держался особняком и мрачно размышлял о том, что должен был предвидеть трагедию и предпринять шаги по ее предотвращению. Но он ничего этого не предвидел, как не смог предугадать и дальнейшее развитие событий. Энн Халси первой предупредила его о происходящем. Она была в истерике, когда обратилась к нему.

— Джон, вы должны что-нибудь сделать! Это все Крис. Он собирается убить себя!

— Что?!

— Он хочет сделать то же самое, что Дэйв Уайчарт. Я несколько часов пыталась отговорить его, но он меня и слушать не хочет. Сказал, что попросит то создание передавать информацию медленнее, что Дэйва убила скорость. Это так?

— Возможно. Я точно не знаю, но не исключено.

— Джон, скажите честно, есть хоть какой-то шанс на успех?

— Все может быть. Я так мало знаю, что не могу сказать ничего конкретного.

— Тогда вы должны ему помешать!

— Я попытаюсь. Сейчас пойду и поговорю с ним. Где он?

— В лаборатории. Разговоры бесполезны. Его нужно остановить силой. Это единственный выход.

Макнил сразу же отправился в радиолабораторию. Дверь была заперта, поэтому ему пришлось громко постучать. Голос Кингсли звучал совсем слабо.

— Кто там?

— Это Макнил. Впустите меня.

Дверь открылась, и когда Макнил вошел, то увидел, что оборудование уже работает.

— Энн мне только что все рассказала, Крис. Вам не кажется, что это безрассудный поступок, особенно через несколько часов после смерти Уайчарта?

— Джон, по-вашему, мне самому это нравится? Поверьте, я, как и любой другой человек, люблю жизнь. Но это нужно сделать, прямо сейчас. Уже через неделю такого шанса просто не представит-

ся, и человечество не имеет права его упустить! После того что случилось с беднягой Уайчартом, вряд ли кто-нибудь еще согласится на эксперимент, поэтому придется делать все самому. Я не из тех отважных парней, которые глазом не моргнув смотрят в лицо опасности. Но если мне предстоит рискованное дело, предпочитаю взяться за него сразу, чтобы избавить себя от лишних раздумий.

— Крис, все это замечательно, только ваша смерть никому не принесет пользы.

— Ерунда, и вы прекрасно это знаете. Ставки высоки, настолько высоки, что стоит рискнуть, даже если шансов на победу немного. Это во-первых. Во-вторых, у меня, возможно, неплохие шансы. Я уже связался с Облаком и попросил его передавать сведения намного медленнее. Оно согласилось. Вы же сами сказали, что это поможет избежать самого худшего.

— Возможно. Но не исключен и другой вариант. К тому же, если вам удастся избежать проблем, возникших у Дэйва, могут быть и другие опасности, о которых нам ничего не известно.

— В таком случае вы о них узнаете на моем примере, а значит, кому-то будет еще легче, как мне теперь немного легче, чем Уайчарту. Бесполезно, Джон. Я уже принял решение и приступлю через

несколько минут.

Макнил понял, что ему не переубедить Кингсли.

— Что ж, в таком случае, — сказал он, — вы не возражаете, если я останусь здесь? Сеанс с Уайчартом продлился около десяти часов. Вам же потребуется больше времени. Вам понадобится еда, чтобы обеспечить достаточный кровоток мозгу.

— Но я не могу прерываться на еду! Вы хотя бы понимаете, что это значит? Всего за один урок освоить целую, совершенно новую область знаний!

— Я не предлагаю вам прерываться на еду. Я могу время от времени делать вам инъекции. Судя по состоянию Уайчарта, вы это даже не почувствуете.

— О, меня это не смущает. Делайте ваши инъекции, если вам так хочется. А теперь прощу прощения, Джон, я должен заняться этим делом.

Нет смысла снова подробно описывать последующие события, поскольку в случае с Кингсли они развивались точно так же, как и с Уайчартом. Однако гипноз продлился дольше — почти двое суток. Наконец по настоянию Макнила Кингсли уложили в постель. В течение следую-

щих нескольких часов появились тревожные симптомы, похожие на те, которые обнаружились и у Дэйва Уайчарта. Температура Кингсли поднялась до 38… 39… 40 градусов. Но затем остановилась, продержалась несколько часов и начала медленно спадать. И по мере того, как она опускалась, надежда росла в сердцах тех, кто стоял вокруг его кровати, в особенности Макнила и Энн Халси (не отходивших от его кровати), а также Марлоу, Паркинсона и Александрова.

Где-то через тридцать шесть часов после завершения связи с Облаком к нему вернулось сознание. В течение нескольких минут на лице Кингсли появлялись самые немыслимые выражения: некоторые были хорошо знакомы тем, кто наблюдал за ним, но другие казались совершенно чужими, нечеловеческими. Внезапно все осознали ужас того состояния, в котором находился Кингсли. Сначала лицо его стало непроизвольно подергиваться, затем раздалось бессвязное бормотание, которое быстро переросло в крики, а после и в дикие вопли.

— Господи, с ним какой-то припадок! — воскликнул Марлоу.

Приступ прекратился после инъекции Макнила, который настоял, чтобы его оставили наедине

с обезумевшим. В течение дня остальные иногда слышали приглушенные крики, которые стихали после очередной инъекции.

Днем Марлоу уговорил Энн Халси прогуляться с ним. Это была самая тяжелая прогулка в его жизни.

Вечером он в мрачных раздумьях сидел у себя в комнате, когда к нему вошел Макнил с осунувшимся лицом и пустыми глазами.

— Он умер, — объявил ирландец.

— Господи, какая ужасная трагедия и такая бессмысленная!

— Да, дружище, и вы даже не представляете, насколько это большая трагедия.

— Что вы имеете в виду?

— Я хочу сказать, что он едва не пошел на поправку. Днем к нему почти на целый час вернулось сознание. Кингсли рассказал мне, в чем заключалась проблема. Он пытался преодолеть ее, и в какой-то момент мне показалось, что ему удастся победить. Но ничего не вышло. С ним случился новый приступ, который его и прикончил.

— Но в чем же было дело?

— Ответ совершенно очевиден, нам следовало его предвидеть. А не предусмотрели мы то, какой огромный объем нового материала мог-

ло передать мозгу Кингсли Облако. Разумеется, это повлекло за собой масштабные изменения во всей электрической активности мозга, значительные изменения синаптического сопротивления и тому подобное.

— Вы имеете в виду глобальное промывание мозга?

— Нет, не это. В том-то и дело. Никакой промывки мозгов. Старые механизмы мозговой деятельности не стирались, не отменялись! Они оставались нетронутыми. Но наряду со старыми внедрялись новые, чтобы и те, и другие могли функционировать параллельно.

— Хотите сказать, это примерно то же самое, как если бы мои познания о науке добавили в мозг какого-нибудь древнего грека?

— Да, только, возможно, в еще более экстремальной форме. Вы можете себе представить, какие противоречия возникли бы в голове у бедного грека, привыкшего верить в то, что Земля — это центр Вселенной и тому подобные анахронизмы, и на которого вдруг обрушатся ваши намного более глубокие познания?

— Думаю, ему пришлось бы несладко. В конце концов, мы бы тоже серьезно расстроились, если бы одна из наших, столь дорогих сердцу, научных

теорий оказалась неверной.

— Да, вообразите себе религиозного человека, неожиданно потерявшего веру в результате того, что он узнает о противоречиях между его верой и нерелигиозными воззрениями. Такое нередко приводит к нервному срыву. А в случае с Кингсли все обстояло в тысячу раз хуже. Его убила своя же неуемная нервная деятельность, а если использовать популярное выражение, то целая серия невероятно мощных блестящих идей.

— Но вы сказали, что он почти пошел на поправку?

— Это так. Он понял, в чем заключалась проблема, и придумал план, как с ней справиться. Вероятно, он решил принять за правило, что новое должно вытеснять старое, если между ними возникали противоречия. Я наблюдал, как он целый час анализировал подобным образом свои идеи. Время шло, и мне казалось, что битва выиграна. А потом что-то случилось. Возможно, какое-то неожиданное пересечение мыслительных процессов, которое застало его врасплох. Сначала беспокойство было небольшим, но постепенно начало усиливаться. Он отчаянно пытался подавить его. Но в конце концов оно одержало верх — и это был конец. Кингсли умер, находясь

под действием успокоительных, которые я ему дал. Я думаю, что в его мыслительном процессе произошла цепная реакция, которую он оказался не в силах контролировать.

— Будете виски? Надо было сразу вам предложить.

— Да, думаю, что буду. Спасибо.

Марлоу передал ему стакан и сказал:

— Вам не кажется, что Кингсли не подходил для этого эксперимента? И кто-нибудь с менее развитым интеллектом перенес бы все легче? Кингсли уничтожили противоречия между старыми и новыми знаниями. А тот, у кого старых знаний оказалось бы совсем мало, не стал бы так переживать.

Макнил посмотрел поверх своего стакана.

— Как забавно, забавно, что вы так сказали. Перед тем как окончательно впасть в забытье Кингсли высказал одну мысль… Я сейчас постараюсь вспомнить ее дословно. «Какая горькая ирония! — сказал он. — Я вынужден пережить личную катастрофу, тогда как с человеком вроде Джо Стоддарда не случилось бы ничего страшного».

Заключение

А теперь, мой дорогой Блайт, я могу обратиться уже непосредственно к Вам. Ваша мать родилась в 1966 году, фамилия вашей бабушки по материнской линии — Халси, поэтому вы поймете: у меня были особые причины, помимо вашего интереса к Черному Облаку, сделать так, чтобы после моей смерти эти документы попали в руки именно Вам.

Мне мало что остается добавить. Солнце вновь появилось в начале весны 1966 года, но холода стояли сильные. Однако Облако, удаляясь от Солнца, приняло особую форму, чтобы отражать на Землю небольшое количество солнечной энергии, которая попадала на него. Поэтому к началу мая уже потеплело, что принесло всем несказанную радость после морозной зимы и весны. Итак, Облако покинуло Солнечную систему. И вся история Черного Облака в обычном ее понимании подошла к концу.

После смерти Кингсли и отлета Облака, те из нас, кто остался в Нортонстоу, понимали, насколько нереалистичными были все попытки

придерживаться нашей прежней тактики. Поэтому Паркинсон поехал в Лондон и заявил, что Облако отступило благодаря нашим стараниям. Убедить в этой версии правительство оказалось не так уж и сложно, ведь истинная причина отлета Облака не могла прийти в голову тем, кто находился за пределами Нортонстоу. Я всегда с неодобрением относился к поступку Паркинсона, который счел целесообразным самым предосудительным образом оклеветать беднягу Кингсли, выставив его вспыльчивым и неуравновешенным типом, от которого пришлось избавиться насильственным путем. Этому тоже поверили, ведь по ряду причин в Лондоне, да и во всем мире, Кингсли считали злодеем. А его смерть лишь добавила чуть больше красок в эту историю. Короче говоря, Паркинсон смог убедить британское правительство не принимать никаких мер против его сограждан, а также не депортировать из страны всех остальных. На самом деле попытки добиться депортации предпринимались неоднократно, но по мере того, как международные отношения постепенно стабилизировались, а Паркинсон завоевывал все большее влияние в правительственных кругах, сопротивляться этим стараниям становилось

все проще.

Марлоу, Александров и остальные, за исключением Лестера, все остались в Британии. Их фамилии вы можете встретить в научных журналах, в особенности Александрова, который достиг большого признания в научных кругах, хотя в других областях его жизнь протекала довольно бурно. Лестер, как я уже сказал, не остался. Несмотря на советы Паркинсона, он настоял на своем возвращении в родную Австралию. Но так и не добрался до нее, а бесследно исчез во время путешествия по морю. Марлоу поддерживал близкие дружеские отношению с Паркинсоном и со мной до самой своей смерти в 1981 году.

С тех пор прошло уже больше пятидесяти лет. На сцену вышло новое поколение. В то время как мое постепенно уходит в тень того пышного зрелища, которое мы называем «жизнью». Однако я до сих пор ясно вижу перед собой их всех: Уайчарта — молодого, смышленого, с едва сформировавшимся характером; мягкого Марлоу, вечно попыхивающего своим ужасным табаком; Лестера — остроумного и веселого; Кингсли — талантливого, неординарного и многословного; Александрова — с постоянно всклокоченными

волосами, тоже очень талантливого и говорившего совсем мало. Этому поколению были свойственны сомнения, оно не знало точно, куда идет. В каком-то смысле его можно назвать героическим, в моем сознании оно навсегда связано с первыми аккордами великой сонаты, которую играла ваша бабушка в ту памятную ночь, когда Кингсли впервые постиг истинную природу Черного Облака.

Итак, я подхожу к финалу, на первый взгляд довольно заурядному, но на самом деле это не так. У меня остался еще один сюрприз. Код! Изначально считалось, что доступ к коду имели только Кингсли и Лестер, благодаря коду и удавалось устанавливать связь с Облаком. Марлоу и Паркинсон считали, что код погиб вместе с Кингсли и Лестером, но это не так. В последние минуты своего просветления Кингсли передал его мне. И я хранил код все эти годы, не зная, стоит ли заявлять о его существовании. Теперь я передаю Вам возможность решить эту проблему.

И в последний раз шлю мои самые лучшие пожелания,

Джон Макнил

Эпилог

Я прочитал поразительную историю Черного Облака, рассказанную Макнилом, холодным дождливым днем — примерно такой же январский день много лет назад пережил и Кингсли. Весь день и вечер я сидел перед камином в моей квартире в Королевском колледже. Закончив чтение, а завершил я его с большой грустью, ведь Макнил покинул нас несколько дней назад с той неумолимой неизменностью, которая свойственна только смерти, я распаковал последний конверт. Внутри оказалась маленькая металлическая коробка с катушкой бумажной ленты, пожелтевшей от времени. В ленте было проколото около десяти тысяч, а может, и больше крошечных отверстий — такой метод использовали в старых фото-электрических считывающих устройствах. Это и был код! Одним взмахом руки я мог бросить бумагу в огонь, и за секунду всякая возможность установить дальнейшую связь с Облаком оказалась бы навсегда утраченной.

Но я так не поступил. Вместо этого я изготовил около тысячи копий этого кода. Стоит ли мне

разослать их по всему миру, и тогда однажды кто-нибудь где-нибудь снова сможет установить контакт с Облаком? Хотим ли мы оставаться большими людьми на крошечной планете или превратиться в маленьких человечков в мире куда более бескрайнем? Вот он, тот главный кульминационный момент, к которому вело мое повествование.

Дж. Б.,
17 января 2021